ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789 г. В ДОНЕСЕНИЯХ РУССКОГО ПОСЛА В ПАРИЖЕ И. М. СИМОЛИНА

Вступительная статья и общая редакция академика Н. Лукина

Публикация Е. Александровой

Комментарии О. Старосельской и Е. Александровой

ЦАРИЗМ И ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789 г. ПО ДОНЕСЕНИЯМ И. М. СИМОЛИНА

Донесения Симолина дают ценный материал, освещающий один из участков борьбы между европейскими государствами накануне и в первые годы Великой буржуазной революции во Франции. Посол Екатерины при французском дворе, как и всегда, был занят работой над осуществлением дипломатических комбинаций своей императрицы, как вдруг революционная гроза довольно неожиданно нарушила многие из расчетов его повелительницы.

Симолин смотрел на революцию взглядом русского дипломата, с точки зрения тех задач, которые ставила перед ним его должность.

Каковы же были задачи русской политики в тот момент, когда вспыхнула буржуазная революция во Франции?

Три вопроса поглощали в то время внимание Екатерины и ее советников—война с Турцией, война с Швецией и польские дела.

Русские войска закончили кампанию 1788 г. взятием Очакова. Екатерине очень хотелось использовать этот успех, чтобы повыгоднее и, вместе с тем, поскорее заключить мир. Несмотря на достигнутый успех, положение России было к началу 1789 г. не из легких. Россия начала в 1787 г. восточную войну в союзе с Австрией. Но австрийский союзник становился все менее надежным. Положение в Венгрии и в австрийских Нидерландах было крайне напряженным. Монархия Иосифа II переживала тяжелый внутренний кризис. Кроме того, Иосиф боялся Пруссии, уже поддерживавшей венгерское и бельгийское движения.

Война со Швецией уже не грозила такими опасностями, которых можно было ждать в первые ее дни, летом 1788 г., когда шведы, казалось, могли угрожать самому Петербургу. Но и конца ее тоже еще не предвиделось, а вести две войны одновременно было, конечно, не легко.

Тем временем крупные неприятности грозили русским интересам в Польше. Эти интересы не требовали нового раздела. Но Екатерина не могла допустить поглощения Польши Пруссией. Этому последнему она, конечно, предпочитала новый раздел, между тем опасность прусской гегемонии в Польше была вполне реальной.

Прусская партия в польском дворянстве, во главе с Радзивиллом, Потоцким и Огинскими, вела интриги в пользу польско-прусского союза,

который фактически поставил бы Польшу в зависимость от прусского короля. В сейме, собравшемся осенью 1788 г., прусская партия приобрела перевес, и сейм взял определенно враждебный России курс.

Пруссия опиралась на Англию. За спиной прямых врагов России—Турции и Швеции—стояла англо-прусская лига, усиленная с 1787 г. Голландией и готовившаяся полностью втянуть в орбиту своего влияния Польшу. Для польского народа это означало бы конец его национальной независимости, для Екатерины это означало бы торжество ее соперника в борьбе за влияние на польский «буфер».

Итак, положение Екатерины, невзирая на победу под Очаковом, в начале 1789 г. было довольно трудным. Ее дипломатия стремится противопоставить враждебной англо-прусской группировке свою собственную, работая над созданием так называемого «четверного союза». По мысли русской дипломатии, ослабевавший австро-русский союз должен был быть укреплен путем присоединения к нему Франции и Испании. Каковы были шансы этой комбинации? «За» говорило англо-французское и франко-прусское соперничество. Последнее было совсем недавно обострено прусской интервенцией в Голландию. «За» говорило то, что Франция была связана старым союзом с Австрией и Испанией. «За» говорило и то, что ослабление Франции в последние годы перед революцией зашло так далеко, что она уже не могла мечтать энергично спасать от покушений со стороны России территориальную целость Турции, как и Швеции, являвшейся традиционной опорой французского влияния в Восточной Европе. Но, вместе с тем, Франция была заинтересована сохранить от Турции как можно больше и была обеспокоена ее сближением с Пруссией. Это побуждало Францию стремиться к скорейшему окончанию войны на Востоке. А посредничество в деле скорейшего заключения мира с Портой было едва ли не главной услугой, которой русское правительство ожидало от нового союзника.

Но на пути к «четверному союзу» имелись и очень серьезные препятствия. Прежде всего, во Франции был, как известно, крайне непопулярен союз с Австрией, а идея «четверного союза» конечно включала в себя австро-французский союз в качестве необходимого ингредиента. Между тем, все, связанное со сближением с Австрией, связывалось во Франции с именем королевы—«австриячки» и становилось предметом ожесточенной ненависти. Когда во Франции началась революция, то связи Лафайета с бельгийскими демократами, конечно, тоже не улучшили австро-французских отношений.

Во-вторых, Испания боялась Англии. По мере ослабления Франции этот страх усиливался.

В-третьих—и это самое главное,—начало революции во Франции, события лета 1789 г., ослабление королевской власти заставляли екатерининскую дипломатию усомниться в ценности Франции, как союзника. Этот вопрос и составляет одну из основных проблем, которые интересовали в 1789—1791 гг. русского посла в Париже, когда он наблюдал за развитием событий во Франции.

Между тем, политическое положение России скорее ухудшалось, чем улучшалось. 31 января был заключен прусско-турецкий союз. В марте 1790 г.—польско-прусский. Он был резко заострен против России. Агрессивная политика Пруссии становилась все более активной.

Незадолго перед тем (в феврале) умер Иосиф II. Наследовавший ему брат его, Леопольд, был союзником менее надежным. Пруссаки требовали

от Австрии немедленного заключения мира с Турцией на основе «status quo ante» и возвращения Галиции Польше. Последняя должна была заплатить за эту «услугу» высокую цену—отдать Пруссии Данциг и Торн. В этом заключался так называемый «план Герцберга», руководившего в те дни политикой Фридриха-Вильгельма II.

На минуту у союзников блеснула надежда, что из-за одного колониального конфликта в Калифорнии начнется война между Испанией и Англией. «Семейный договор», связывавший испанских и французских Бурбонов, обязывал Францию поддержать Испанию. Война Франции и Испании против Англии, конечно, ослабила бы ту поддержку, которую последняя могла оказать Пруссии. Война могла бы помочь и урегулированию бельгийского вопроса, приостановив французское вмешательство. «Четверной союз» имел бы все шансы сделаться реальным фактом. Но, вместо вмешательства в пользу Испании, англо-испанский конфликт вызвал во Франции только известные дебаты в Национальном собрании о королевских прерогативах в вопросах войны и мира. Между тем, Испания капитулировала перед Англией.

Летом 1790 г. Леопольд ловким маневром, на сравнительно выгодных условиях, добился сделки с Пруссией, пригрозив англичанам, что если они не повлияют на свою союзницу в нужном ему духе, то он отдаст Бельгию французам в обмен за компенсации в других местах. Так явилось на свет так называемое «Рейхенбахское соглашение». Почувствовав, что Англия их не поддержит, пруссаки вынуждены были отказаться от передачи Галиции Польше, а вместе с тем от Данцига и Торна. Но одного они добились: Австрия согласилась заключить мир с турками, удовольствовавшись лишь сравнительно незначительными «исправлениями» границы. Австро-русскому союзу был нанесен сильнейший удар. Начались австро-турецкие переговоры. В сентябре 1790 г. было заключено перемирие в Жиржове. Россия вынуждена была продолжать войну одна.

Правда, несмотря на поражение русского флота (в июне, при Свенек-Зунде), в августе 1790 г. был заключен русско-шведский мир. В декабре Суворов разбил турок под Измаилом. Но зато весною 1791 г. встала опасность прямого вооруженного вмешательства Англии и Пруссии в русско-турецкую войну. Питт горячо боролся за осуществление этого плана, но не смог побороть встретившегося сопротивления в английских правящих кругах. В этот-то момент и возник у екатерининских дипломатов план побудить Францию предпринять морскую демонстрацию против Англии, о котором придется подробнее говорить ниже. Из этого ничего не вышло, да и надобность в этом быстро миновала. Миновала—на данный момент. За будущее нельзя было быть спокойным: Россия ведь оказывалась совсем изолированной. В Польше дела шли при этом еще хуже, чем в Турции.

После заключения прусско-польского союза и после разгрома турок при Измаиле польский вопрос становился для России самым трудным. Екатерина стремилась во что бы то ни стало сохранить свое влияние в Польше и не допустить фактического поглощения ее Пруссией. Назревавшая интервенция против буржуазной революции во Франции должна была отвлечь силы Пруссии с Вислы на Рейн. Понятно, что польский вопрос побуждал Екатерину приложить все усилия к тому, чтобы острие англо-прусской коалиции, к которой склонялась теперь и Австрия, повернулось с востока на запад, к Франции. Екатерина поняла это уже давно

и начала работать над организацией контрреволюционной интервенции против Франции.

Она поддерживает эмигрантов, она поощряет своего вчерашнего врага, Густава шведского, она убеждает Леопольда, она активно интригует среди германских князей, которые были в числе первых европейских монархов, непосредственно затронутых революцией.

Интриги русского представителя при Имперском сейме побуждали Австрию и Пруссию к интервенции. При активности русской дипломатии, их отказ от поддержки западногерманских государей уронил бы их престиж в Германии. Донесения Симолина дают не мало данных, характеризующих контрреволюционную роль русской дипломатии.

Но контрреволюционную роль царизма в последние годы царствования Екатерины II нельзя объяснять исключительно стремлением развязать себе руки в Польше. Поклонница Вольтера ненавидела революцию и боялась ее. Ненавидела животной ненавистью, руководствуясь классовым инстинктом дворянской царицы. Если бы мы, вслед за Сорелем, сказали, что борьба против революции была лишь дипломатической ширмой, поставленной для обеспечения выгодного раздела Польши, то мы совершили бы ошибку. Борьба против революции была для Екатерины борьбой против классового врага и, одновременно, борьбой за сохранение «европейского равновесия», которому угрожало распространение революции за пределы Франции, даже если бы она остановилась достаточно далеко от русских границ. Что Екатерина старалась провести борьбу против революции чужими руками—это вполне понятно. Ведь для Австрии и Пруссии вопрос о борьбе против революции стоял еще острее, хотя бы уже из-за их географической близости к Франции. Уже в силу этого, при организации интервенции, Екатерина имела, по сравнению с ее партнерами, больше возможностей загребать жар чужими руками. Что при этом, пользуясь обстоятельствами, Екатерина, со свойственной ей ловкостью, устроила свои дела в Польше—это нисколько не противоречит тому, что борьба против революции интересовала ее и сама по себе. Ведь так было и позже, скажем, при Николае I. Борьба против революции и внешняя экспансия всегда шли рука об руку в политике царизма. Поддержка европейских правительств, которым Французская революция угрожала более непосредственно, чем России, заставляла эти правительства, скрепя сердце, мириться с внешней экспансией царизма. Нельзя не принять во внимание и того, что польские и турецкие дела отвлекали силы Екатерины от борьбы против буржуазной революции. Речь идет не только о том, хотела ли Екатерина посылать войска против Франции, но и могла ли бы она это сделать, едва-едва закончив войну с Турцией и будучи занятой в Польше. Богатый материал, иллюстрирующий искреннюю и глубокую ненависть Екатерины к буржуазной революции, дают, в частности, донесения Симолина.

Публикация этих донесений тем более уместна и своевременна, что ряд работ последнего десятилетия уже привлек внимание научного мира к той роли, которую играл дипломатический представитель царской России в контрреволюционной интриге, преследовавшей цели восстановления престижа монархии в Европе, с одной стороны, и спасения королевской семьи от народного гнева, с другой.

Однако дипломатическая переписка является важнейшим источником не только по истории международных отношений: зачастую она дает весьма

ценный материал и по истории той страны, при правительстве которой был аккредитован тот или иной дипломатический представитель. В этом отношении донесения русского посла в Париже, Симолина, состоявшего при французском дворе в период с 1784 г. до начала 1792 г., а потому являвшегося свидетелем-очевидцем грандиозных, имевших всемирно-историческое значение событий Французской революции, представляют не меньший интерес.

Иван Матвеевич Симолин родился в 1720 г. в немецкой дворянской семье, предки которой еще в XVII веке переселились в Швецию. Его

И. М. СИМОЛИН

Миниатюра работы неизвестного художника второй половины XVIII в.

Местонахождение оригинала неизвестно

отец был пастором в Або, затем в Ревеле. В 1743 г. Симолин поступил на службу в коллегию иностранных дел. Со следующего года, когда Симолин был назначен исполняющим обязанности секретаря посольства в Копенгагене, начинается его дипломатическая карьера. В 1757 г. Симолин был переведен секретарем посольства в Вену; в 1758 г. его назначают министром-резидентом в Регенсбург. В 1771 г., во время первой русско-турецкой войны, Симолин состоял дипломатическим агентом при главнокомандующем русской армией П. А. Румянцеве; с 1772 по 1775 гг. был чрезвычайным посланником и полномочным министром в Дании, откуда был переведен на тот же пост в Швецию, где оставался до 1779 г., когда его перевели в Лондон. Наконец, в 1784 г. Симолин, имевший тогда

уже чин действительного тайного советника, был назначен полномочным министром в Париж, где он сменил князя П. С. Барятинского и где оставался до 7 февраля 1792 г., когда был фактически отозван русским правительством.

Из Парижа Симолин отправился через Брюссель в Вену специально для выполнения взятого им на себя поручения Марии-Антуанетты, переславшей с ним записку к ее брату—императору Леопольду II. В Вене Симолин вел переговоры с австрийским двором о возможности организации военной интервенции во Францию. Выполнив это поручение, он приезжает (17 апреля 1792 г.) в Петербург для устного доклада императрице о положении дел во Франции. О свидании Симолина с Екатериной II, имевшем место в апреле 1792 г., рассказывает в своем дневнике Храповицкий: «Сего утра,—пишет он,—с Симолиным, из Парижа приехавшим, разговаривали более часу... Шутили на счет Франции и, показав мне в окно на идущих солдат, сказали: «Ils n'ont pas des piques patriotiques». Я примолвил: «Ni des bonnets rouges»[1].

В июле того же года Симолин отправляется через Митаву и Берлин в Бельгию, где и остается на ближайшие годы, наезжая по временам в Германию. Из Брюсселя, а затем Кёльна, Дюссельдорфа и Франкфурта-на-Майне он продолжает посылать свои донесения о положении дел во Франции и военных действиях союзных прусско-австрийских войск против Республики. В 1797 г., после отставки вице-канцлера Остермана, Симолин получил распоряжение направлять свои донесения непосредственно Павлу I.

Донесения, адресованные Павлу, содержат, главным образом, сведения о положении дел во Франции, о передвижении французских войск, о революционной пропаганде на левом берегу Рейна[2]. Последнее донесение Симолина датировано 9 января 1798 г. Осенью 1799 г., проезжая через Вену по пути в Россию, Симолин умер (19 сентября). В придворно-дипломатических кругах за Симолиным упрочилась репутация дельного, аккуратного до пунктуальности чиновника и опытного дипломата[3].

Не менее высокую оценку своих «дипломатических» способностей Симолин нашел в кругу тайных агентов королевской семьи. Как известно из ценной публикации S ö d e r h j e l m (A.), Fersen et Marie-Antoinette. Journal intime et correspondance du comte Axel de Fersen (Paris, Kra, 1930), один из них, богатый шотландец Крафорд (Craufurd), предпринявший лично демарш в Лондоне в целях спасения короля и королевы и имевший свидание с самим Питтом, рекомендовал Марии-Антуанетте Симолина для передачи ее письма императору. При этом он характеризовал его в следующих выражениях: «Я знал мало представителей дипломатического мира, которые держались бы более правильной, более твердой линии поведения или отличались бы более верным тактом, чем он».

Публикуемые за соответствующий период донесения Симолина показывают, что он вполне оправдал надежды, возлагавшиеся на него Крафордом. Они раскрывают во всех подробностях, как с конца 1791 г. Симолин был вовлечен в круг самых близких и доверенных королевской семье лиц—Ферзена, Крафорда и их общей возлюбленной, M-me Sullivan, организаторов Варенна, бежавших из Парижа одновременно с Людовиком XVI и Марией-Антуанеттой и являвшихся в последующий период связующим звеном между ними и брюссельским гнездом заговорщиков-интервенционистов.

Общее число донесений Симолина, относящихся к Французской революции, составляет более 1000. Некоторые из них посылались в зашифрованном виде.

Вместе с донесениями Симолин посылал большое количество всякого рода материалов, рисующих тогдашнее политическое положение Франции,—экземпляры газет, брошюр, памфлетов, докладных записок («мемуаров»), официальных актов (как, например, отчеты о заседаниях Национального собрания, королевские обращения к народу), карикатур и т. п.[4].

В настоящем сборнике публикуется только часть донесений. Составители ограничились, во-первых, определенными хронологическими рамками. Мы публикуем донесения Симолина, начиная с января 1789 г. и кончая его последним донесением из Вены от 17 марта 1792 г. Выбор последней даты отнюдь не является случайным. Со времени отъезда Симолина из Парижа (7 февраля 1792 г.) его донесения, особенно касающиеся внутренних событий во Франции, в значительной мере утрачивают свою ценность. Теперь это уже не донесения непосредственного наблюдателя-очевидца: обосновавшись в Брюсселе, а затем наезжая в Германию, Симолин составляет свои донесения на основании материалов, получавшихся им от его тайных парижских агентов. В этих материалах сведения о событиях Французской революции даются им со значительным запозданием, сообщения далеко не блещут точностью и доброкачественностью. Большей частью, донесения агентов Симолина носят отрывочный характер и отличаются бледностью изложения. Достаточно, например, сопоставить почти ничего не дающее донесение такого агента о событиях 10 августа 1792 г. и собственное, чрезвычайно красочное, описание Симолиным похода парижских женщин на Версаль 5—6 октября 1789 г.[5]. Лишь в некоторых случаях сведения, доставленные секретными парижскими агентами Симолина и сообщенные им затем в Петербург, содержат интересный материал. Так, в донесении от 13 марта 1792 г. один из таких агентов сообщает, что при получении известия о смерти императора Леопольда II (брата Марии-Антуанетты) «рыночные торговки не постыдились отправиться плясать под окнами королевы, заставляя музыкантов разыгрывать „Ça ira“». В других донесениях секретной агентуры Симолина того же брюссельского периода мелькает ряд метких и интересных замечаний, относящихся к генералу Дюмурье. «... Это один из тех якобинцев,—пишет, например, один из агентов,—которые, раз пробравшись в министры, не задумываются стать весьма приемлемыми роялистами». «Хотя Дюмурье,—говорится в другом месте,—попал в министры благодаря их [якобинцев.—*Н. Л.*] влиянию, он отлично сознает все опасности пропагандируемой ими анархии. Он предполагает обрисовать на-днях в Собрании истинное положение вещей, достаточно ужасное, чтобы вызвать объединение всех партий и создать своего рода диктатуру в лице исполнительной власти»[6].

Известный интерес представляют также донесения самого Симолина, в которых рисуется его роль в попытке генерала Дюмурье произвести контрреволюционный переворот объединенными усилиями французской и австрийской армий. Эти донесения содержат подробный рассказ о ходе переговоров Дюмурье с австрийским командованием, а также сообщение о свидании Симолина с Дюмурье[7]. Но это—все или почти все ценное, что можно извлечь из донесений э т о г о периода.

Значительно бóльшую ценность представляют донесения Симолина из Вены, рисующие контрреволюционную деятельность этого дипломата по

выполнению поручений королевы Марии-Антуанетты[8]. Вот почему мы считали необходимым включить некоторые из венских донесений Симолина в число публикуемых нами материалов.

Таким образом, определяются хронологические рамки подобранных для настоящего сборника документов—с января 1789 г. до половины марта 1792 г. Но и за этот период публикуются не все донесения, а лишь часть их. Отобраны, главным образом, донесения, посвященные важнейшим событиям Французской революции (за исключением донесений, содержащих подробные отчеты о заседаниях Национального собрания, хорошо известные из прессы и других источников), а также рисующие дипломатическую деятельность Симолина, в особенности в той ее части, которая иллюстрирует контрреволюционную роль правительства Екатерины II и ее дипломатического представителя в Париже. Считаем необходимым оговорить, что все донесения, включенные в публикацию, даются целиком. За немногими исключениями, публикуемый архивный материал появляется в печати впервые[9].

Как источник по истории Французской революции, донесения Симолина представляют несомненную ценность уже потому, что здесь мы имеем дело с показаниями весьма вдумчивого наблюдателя, порой—свидетеля-очевидца. Его первые же донесения начала 1789 г. говорят об интересе этого дипломата к экономическому положению «низов» французского населения. Симолин тщательно регистрирует все факты, рисующие рост дороговизны предметов первой необходимости, сыгравший столь важную роль в революционном движении городских («плебейских», по Марксу) масс.

Движение 5—6 октября 1789 г. он совершенно правильно ставит в связь с наблюдавшимся тогда острым недостатком хлеба в Париже[10]. В том же донесении Симолин правильно отмечает политическую ситуацию момента, сообщая, что положение короля после переезда в Париж почти не отличается от положения «пленника».

С большой тщательностью русский посол регистрирует все случаи народных волнений в Париже, начиная с так называемого «дела Ревельона». Читая донесения Симолина за первые месяцы революции, чувствуешь, в какой накаленной атмосфере работало Национальное собрание[11].

Суждениям Симолина и его оценкам того или иного политического момента часто нельзя отказать в политической трезвости и меткости. Характеризуя в донесении от 19 июля 1789 г. положение вещей, создавшееся после взятия Бастилии, он пишет:

«Если бы король отказался подчиниться требованиям Постоянного муниципального комитета, народ, по всей вероятности, сверг бы его; таким образом, этот добрый государь... был поставлен в жестокую необходимость сдаться на милость бунтовщиков, тем более, что французская гвардия его подло покинула и он совсем не мог полагаться на войска, сосредоточенные вокруг Парижа и Версаля».

А вот как расценивал посол Екатерины позицию, занятую после бегства короля в Варенн Национальным собранием, уже напуганным начинавшимся в стране республиканским движением: Национальное собрание «старается казаться строгим, но, быть может, не будет таковым в действительности»[12].

В своих донесениях, из которых Екатерина II черпала основную информацию о Французской революции, Симолин опирался не только на непосредственные наблюдения, но и на имевшийся в его распоряжении печат-

ный материал—современные газеты, журналы, мемуары и брошюрную литературу. Об этих печатных источниках донесений Симолина можно судить по прилагаемым к его донесениям материалам. В донесениях, относящихся к 1789 г., Симолин использовал, повидимому, главным образом, такие газеты, как умеренно-либеральный «Journal de Paris», начавший с 1 мая 1789 г. выходить под новой редакцией Кондорсе и Гара, а также роялистские органы, как «Gazette de France» и «Journal Politique National».

Это последнее издание, одно из первых начавшее энергичную борьбу против революции, служило, повидимому, для Симолина в 1789 г., как и в последующие годы, одним из главных источников его политической информации.

«Сообщения «Journal Politique National» о революции во Франции,— пишет он в донесении от 28 января 1790 г.,—бесспорно, наиболее интересны, умеренны и правдивы, поэтому ни один типограф, книгопродавец и разносчик не захотел взять на себя труд печатать это издание, принимать на него подписку и разносить его. Издатель его, аббат Саббатье де Кастр, вынужден был переселиться в Брюссель, и затруднения, которые встретились при выпуске этой газеты, очень замедлили ее получение». Позднее, в 1791 г., «Journal Politique National» занимал уже более левую позицию.

В 1790—1791 гг. главным источником для донесений Симолина, помимо уже указанных изданий, служил орган придворной партии, «Gazette de Paris», а также начавшие выходить в ноябре 1789 г. «Actes des Apôtres»— орган роялистов, издававшийся Риваролем. За эти годы Симолин переслал вместе со своими донесениями до ста номеров этого наиболее влиятельного в контрреволюционных кругах политико-сатирического органа.

Помимо сведений, извлекавшихся Симолиным из прессы и других печатных материалов, важную роль в его донесениях играет информация, получавшаяся им непосредственно от тогдашнего французского министра иностранных дел, Монморена, с которым русский посол поддерживал до половины 1790 г. весьма интенсивные сношения. Монморен ориентировал Симолина не только во внутреннем положении Франции, но и относительно деятельности дипломатических представителей Пруссии и Англии при французском дворе. С половины 1790 г. встречи и беседы Симолина с Монмореном на приемах дипломатических представителей становятся все более редкими, а к концу 1791 г. почти прекращаются[13].

Несмотря на свою природную нелюдимость и неразговорчивость, Симолин аккуратно присутствовал на версальских балах и различных придворных церемониях, знакомился с нужными ему людьми и получал от них интересовавшие его сведения. Он регулярно посещал один из салонов, где можно было встретить хорошо информированных в политических делах лиц. Со времени созыва Национального собрания Симолин завел знакомство со многими депутатами: Мирабо, Талейраном и др.[14].

С половины 1790 г., когда политическое влияние Монморена, а следовательно, его значение, как информатора, начинает падать, Симолин широко использует также сведения, получаемые им от своего секретного агента, чиновника французского департамента иностранных дел, подкупленного им через посредство секретаря русского посольства Машкова. Через этого секретного агента Симолину удалось, между прочим, получить шифр, употреблявшийся Монмореном в его переписке с французским поверенным в делах при петербургском дворе, Жене (Genet). Шифр был переслан с Машковым в Петербург, где им пользовались при перлюстра-

ции донесений Жене его правительству[15]. Сам Симолин узнавал о содержании депеш Жене от того же чиновника французской службы, что имело важное значение для информации русского двора, так как не все письма Жене удавалось перлюстрировать в Петербурге. Информация от секретных парижских агентов (их было, повидимому, несколько) продолжала получаться Симолиным и после его отъезда из Парижа, вплоть до 1795 г.[16].

Источником информации Симолина были и депеши французского посланника в Константинополе, графа Шуазёль-Гуффье, о содержании которых он узнавал, повидимому, от одного из своих тайных агентов. Так, в одном из донесений Симолина читаем: «Курьер, отправленный этим министром [Монмореном.—*Н. Л.*] несколько месяцев тому назад в Константинополь к г-ну Шуазёль-Гуффье, вернулся оттуда. Депеши последнего датированы 13 июня. Он сообщает, что представители Англии и Пруссии потеряли у Порты всякий кредит, что их вызвали на совещание и объяснялись с ними самым нелюбезным образом, что, возвращаясь к себе, они бросали деньги в народ, который приписывает им все испытываемые несчастья и который хотел уже поджечь здания посольств. Г-н Шуазёль-Гуффье не мог узнать, о чем шла речь на этом совещании. Этот посол полагает, что война между Австрией и Портой возобновится, ввиду отказа последней произвести какой-либо обмен для урегулирования вопроса о границах Кроатии, хотя обмен ей и выгоден, и что военные действия еще продлятся»[17].

В то же время из перехваченных депеш царский посол узнавал кое-что из деятельности и самого Гуффье, чем очень интересовались в Петербурге. Симолину удалось подкупить даже некоторых членов Дипломатического комитета, которые помогали ему воздействовать на Монморена. Русский посол собирался включить в число «своих друзей», как он именует в донесениях своих высокопоставленных тайных агентов, Мирабо, о котором раньше он отзывался в весьма нелестных выражениях. Лишь тяжелая болезнь и смерть Мирабо помешали Симолину установить «контакт» с знаменитым трибуном. «Я более чем когда-либо сожалею о смерти г-на де Мирабо,—писал Симолин в донесении от 27 мая 1791 г.,—он смог бы преодолеть препятствия, которые создали г-н Дю Шатле и г-н де Монморен к выполнению его плана, и увлек бы их вопреки их воле». Зато с Талейраном, преемником Мирабо в Дипломатическом комитете, соответствующий контакт был налажен, и Симолину удалось привлечь и использовать его (факт, остававшийся до сих пор неизвестным биографам Талейрана)[18].

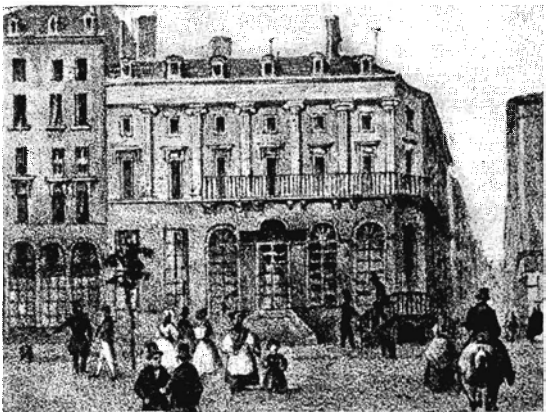
При наличии огромного количества печатных источников и литературы по истории Французской революции, донесения Симолина не могут, казалось бы, дать значительный новый материал для истории этой эпохи. И все же, оказывается, такой материал имеется.

В ряде донесений Симолина мы находим, например, любопытные подробности, относящиеся к «делу Ревельона», процессу Фавраса, расправе толпы с мэром Сен-Дени Бертье и т. п.

В донесении от 9 июля 1790 г. Симолин сообщает об организации своего рода «субботника» по сооружению амфитеатра, предназначенного к открытию в день празднования годовщины взятия Бастилии. «Марсово поле,—доносил Симолин,—представляет собой уже несколько дней самое необычайное зрелище. Амфитеатр, возводимый по всей его окружности, оставался незаконченным, несмотря на непрерывную работу от 12 до 15 тысяч рабочих. Граждане из опасения, что эта большая работа не будет выполнена к назна-

ДОМ ЛЕВИ НА УЛИЦЕ ДЕ ГРАММОН, В КОТОРОМ ПОМЕЩАЛОСЬ В 1789 г. РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ПАРИЖЕ

С литографии из „Paris en miniature", par Jean-Baptiste Arnout. P., 1834



ченному сроку, взялись однажды вечером за заступы и лопаты, чтобы помочь рабочим. На другой день стечение народа стало еще многочисленнее; можно было видеть людей всех сословий, всех возрастов, нарумяненных женщин в шляпах, украшенных перьями, кавалеров ордена св. Людовика, священников, монахов,—все они поспешили принять участие в этих работах. Таким образом, более 40 тысяч человек занято теперь сооружением этого обширного амфитеатра».

Крайне любопытны сообщения Симолина, рисующие разложение старой королевской армии и подчеркивающие роль городской буржуазии в этом процессе. «В истории Франции,—пишет Симолин,—нет примера подобного заговора всех буржуа городов, направленного на то, чтобы сбить с толку солдат всеми способами соблазна»[19].

Донесения Симолина дают ряд интересных сообщений относительно эмиграции в Россию во время революции искусных французских мастеров, в том числе ремесленников, занятых изготовлением сукон и различных других материй. В целях вербовки таких ремесленников на русскую службу, Симолин завязал ряд связей в провинциальных городах Франции[20].

Эти донесения вскрывают стремление русского правительства заселить юг России эмигрантами-промышленниками, привлечение которых рекомендовалось Симолину особой инструкцией от 30 сентября 1790 г.[21].

Значительный интерес представляют донесения, относящиеся к области международных отношений. Эти донесения касаются, прежде всего, деятельности Симолина по заключению союзного трактата с Францией, к которому впоследствии предполагалось привлечь и Испанию. В помощь Симолину для ведения переговоров об этом «четверном союзе»[22] Екатерина командировала в Париж принца Нассау-Зигена. Однако, именно Французская революция помешала осуществлению этого проекта[23].

Одною из важнейших задач Симолина являлось также осведомление правительства Екатерины II о положении дел в Турции и Швеции, с которыми царская Россия вела войну.

Весной 1791 г., когда Пруссия, а особенно Англия готовы были предпринять ряд практических шагов с целью парализовать успехи России в русско-турецкой войне, Симолин, по поручению петербургского правительства, добивался от Франции демонстративной мобилизации военного флота и приведения в боевую готовность портовых укреплений. Эта мобилизация должна была «внушить страх Англии» и обезвредить «низкие

и коварные происки лондонского и берлинского дворов». Однако, поставленная Симолиным перед собой задача оказалась не из легких. Для того, чтобы получить согласие Национального собрания на это рискованное предприятие, грозившее обострить англо-французские отношения, требовалось убедить в необходимости этой меры Дипломатический комитет и Монморена. В своих донесениях Симолин сообщает о возможности подкупа некоторых членов Комитета, если можно будет рассчитывать на «щедрость и великодушие ее императорского величества». Однако, домогательства Симолина разбились о сопротивление некоторых членов Комитета, а также самого Монморена, ссылавшегося на необходимость заручиться предварительным согласием испанского двора, а затем—на ненужность этой демонстрации, ввиду близкого окончания русско-турецкой войны.

Таким образом, предложение Симолина о приведении в боевую готовность 35 линейных французских кораблей и соответствующего числа фрегатов, а также о вооружении портов не встретило сочувствия ни среди большинства членов Дипломатического комитета, ни со стороны министра иностранных дел и потерпело неудачу[24].

Но главный интерес донесений Симолина заключается в том материале, который рисует «контрреволюционную роль русского царизма во внешней политике со времен Екатерины II»[25]. В первой половине XIX века и позже эта роль обеспечила самодержавию, как известно, репутацию «международного жандарма».

Прямое участие России в вооруженной интервенции во Францию путем присоединения к первой коалиции европейских держав относится к весне 1793 г. Но, уже в силу договора с Россией от 23 января того же года, Пруссия получала свою долю в разделе Польши под условием продолжать военные действия против Франции, чтобы помочь Австрии вернуть Нидерланды, которые должны были отойти к Пруссии; Австрия же должна была получить в обмен на них Баварию и «некоторые другие выгоды, которые совместимы с общей пользой». Под этими выгодами, очевидно, разумелись возможные приобретения Австрии за счет Франции. Эти обещания должны были послужить утешением Австрии, которую Екатерина II и прусский король решили устранить от участия в новом разделе Польши[26]. Таким образом, Екатерина II была непосредственно заинтересована в успехах коалиции на французском фронте. Второй раздел Польши между Россией и Пруссией был направлен и против Французской республики, ибо польский вопрос был в эти годы неотделим от французского. Январским договором 1793 г. Россия и Пруссия как бы распределили свои роли в борьбе с Францией и ее союзницей—Польшей.

Договор 25 марта 1793 г. обязывал Россию принять участие в блокаде Франции. Непосредственное участие в военных действиях против Французской республики относится к 1798 г., когда Павел I присоединился ко второй коалиции держав, организованной против Республики под руководством Англии. Но помощь французским эмигрантам и дипломатическая интервенция со стороны царской России начались гораздо раньше.

С первых же дней Французской революции русская императрица проявила свое отрицательное к ней отношение. Полученное от Симолина сообщение о революции 14 июля и взятии Бастилии вызвало у Екатерины II крайнее раздражение и резкий выпад против Людовика XVI, не сумевшего поддержать свой королевский престиж. Этот эпизод отметил в своем

дневнике Храповицкий: «... Разговор е. в. о происшедшем в Париже. Le pourquoi est le Roi? Он всякий вечер пьян, и им управляет кто хочет, сперва Breteuil, партии королевиной, потом prince Condé et comte d'Artois и, наконец, La-Fayette уговорили его итти в собрание депутатов»[27].

Екатерина называла Учредительное собрание «гидрой о 1200 головах», «собранием адвокатов, прокуроров и сапожников, выдающих себя за законодателей», «шайкой безумцев и злодеев». Даже такие умеренные члены Собрания, как Монморанси и де Ноайль, выступившие с знаменитым предложением дворянства в ночь на 4 августа, были аттестованы Екатериной, как «негодяи», а один из Ламетов, как «буйный сумасшедший».

В письме к принцу де Линю (от начала августа 1790 г.) Екатерина писала: «Говорят, что с 14 июля все конфедераты каждый день пьяны. Так как не бывает последствий без причин, то, вероятно, существуют причины и тому, что в Париже 1000 людей напиваются допьяна ежедневно... Я думаю, что Вольтер и его сочинения отвлекли бы от фанатизма и нелепостей настоящего момента и они не смогли бы продержаться долго. Вольтер не терпел никакого фанатизма. Неучи обоего пола пребывают точно такими же, какими вы их оставили, и, как уже было признано, не способны сочинять стихи, несмотря на то, что два учителя усиленно старались научить меня укладывать в размер мои мысли. Впрочем, я гораздо больше люблю стихи, чем прозу г-на Сегюра, в которой он нападал на лучших деятелей этого Национального собрания, которое все разбивает и ломает и отнюдь не дает ничего, которое, судя по всем принятым правилам и понятиям, лишено здравого смысла и отличается в высшей степени неблагоразумными действиями. Я считаю этих людей больными... Басня о членах человеческого тела, захотевших предписывать законы желудку, никогда не может быть лучше применена, чем теперь»[28].

Екатерина II нападала на Французскую революцию, прекрасно учитывая возможность перенесения революционной заразы даже в самодержавно-крепостническую Россию. Французский посол в Петербурге, Сегюр, сообщал, что известие о взятии Бастилии вызвало «сильное волнение и общее неудовольствие» при дворе и в то же время взрыв «энтузиазма» «среди купцов, лавочников, горожан и части молодежи высшего слоя... Все—французы, русские, датчане, немцы, англичане, голландцы—поздравляли друг друга, точно их освободили от тяжелых оков...». Сорель ошибается, когда утверждает, что Екатерина не боялась революционной пропаганды у себя дома; у него нет никаких аргументов для такого утверждения, кроме ссылки на письмо Екатерины к Гримму, где императрица явно бравирует, говоря в ироническом тоне о возможности серьезных отзвуков революционных событий в России[29].

Сохранились собственноручный черновик письма Екатерины II к маршалу герцогу де Брольи без даты и отпуск того же письма, датированный 22 октября 1791 г. В этом письме Екатерина выражает горячие симпатии французской аристократии, оказавшейся за пределами Франции, но оставшейся верной ее монарху. Говоря о своем покровительстве эмигрантам, Екатерина пишет: «Я только выполняла свой долг, защищая дело короля, то дело, которое в то же время является делом аристократии. Нет дворянства, нет и монарха. ...Не было более справедливого, более славного, великого и благородного дела, чем то, которому вы служите»[30].

После неудачного бегства Людовика XVI в Варенн и принятия королем конституции (14/IX 1791 г.) русское правительство фактически идет на

разрыв дипломатических отношений с революционной Францией[31]. В записке императрицы к Безбородко от 30 июня (ст. стиля) 1791 г. говорится о ее намерении «с венским и иными дворами условиться, чтобы, когда французское Народное собрание объявит от себя, что оно со всеми державами хочет жить в согласии, им ответствовать и требовать освобождения короля Людовика XVI, его супруги и фамилии, и в противном случае от них не принимать министров, а своим приказать выехать, кораблей их не пускать в гавани, а всех присягнувших Собранию не терпеть нигде; королевской же партии дать покровительство, понеже сие дело есть дело всех королей...»[32].

В «Записке по французским делам», помеченной 24 сентября (ст. стиля) 1791 г., Екатерина II возмущается, что «короля заставили подписать не христианскую конституцию, но антихристову». Там же императрица высказывает мнение, что, не снесясь предварительно «с дворами, кои признавать будут оные дела за дело всех государей», не следует признавать никаких актов французского правительства[33]. Итак, дипломатический и экономический бойкот революционной Франции впредь до восстановления короля—такова была программа Екатерины II осенью 1791 г. В этот бойкот предполагалось вовлечь и другие государства.

Но участвовать в вооруженной интервенции в дела Франции, на чем настаивали французские принцы-эмигранты, Екатерина II пока отказывалась, ссылаясь на полное бессилие контрреволюционной партии в самой Франции, у которой не оказалось достаточно «воли и силы, чтобы восстановить монархию»[34]. К тому же незаконченность мирных переговоров с Турцией (Ясский мир был подписан лишь 9 января 1792 г.) и необходимость держать достаточное количество войск на западной границе, в подкрепление своих притязаний при новом разделе Польши, не позволяли Екатерине II решиться в тот момент на обещание вооруженной поддержки эмигрантам. Ее план заключался в том, чтобы втянуть Австрию и Пруссию в коалицию против Франции и тем отвлечь их внимание от польских дел. В одной из бесед с Храповицким императрица откровенно заявила: «Il y a des raisons qu'on ne peut pas dire; je veux les engager dans les affaires pour avoir les coudées franches. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтоб они были заняты и мне не мешали»[35].

Правда, этот план был разгадан венскими и берлинскими дипломатами. «Императрица,—говорил Кауниц,—ждет только того, чтобы Австрия и Пруссия вмешались во французские дела, чтобы все перевернуть в Польше». Поэтому, никак нельзя согласиться с Сорелем, будто Французская революция ничего не изменила во внешней политике Екатерины, якобы, всецело определявшейся тогда польскими делами[36].

Но денежную помощь принцам Екатерина оказывала неоднократно[37]. В то же время она имела весьма конкретный план «спасения» Франции: она прилагала старания к примирению партии принцев с партией королевы, к созыву собрания трех сословий и парламентов, предусматривала даже необходимость амнистии, «так как число виновных несметно».

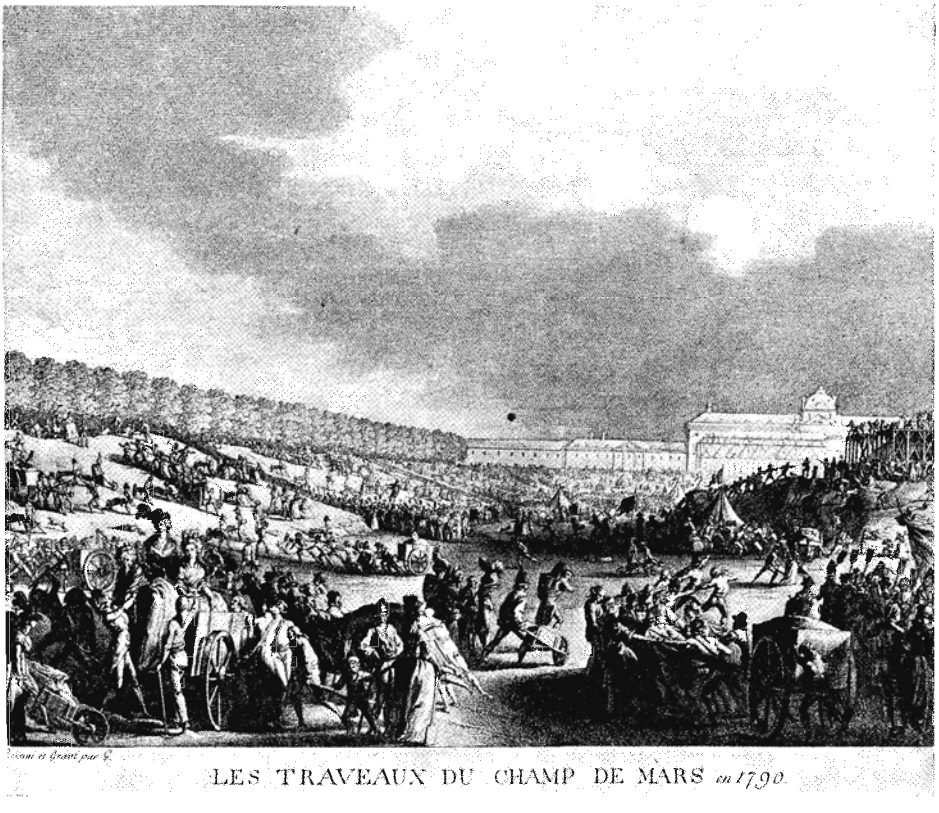
Но Екатерина II считала, что для этого, во всяком случае, надо действовать силой. «Парламентам, как и трем сословиям, необходима для их восстановления сила оружия, а не рассуждения: там, где надо драться, чтобы заставить понимать, переговоры кратки и почти ненужны»[38]. Принцы должны полагаться в основном не на вмешательство иностранных войск, а на собственную армию.

В письме к Гримму от 27 августа 1791 г. Екатерина рекомендует французским эмигрантам объединиться на платформе преданности королю и монархии и, вернувшись во Францию, развить там контрреволюционную деятельность. В том же письме она сообщает своему корреспонденту, что «Симолин, вероятно, один из первых покинет Париж», так как вице-канцлер уже посоветовал бывшему королевскому поверенному в делах, г-ну Жене, не являться более ко двору[39].

Императрица не желала иметь в России представителя революционной Франции. К сообщению Симолина (от 14 ноября 1791 г.) о получении Жене (Genet) новых верительных грамот приложена собственноручная записка Екатерины II: «Буде снова Женет аккредитован будет, то просто объявить, что от него ничего принято не будет»[40].

В августе же Симолиным было получено письмо от Остермана (от 31 июля 1791 г.), в котором рекомендовалось воздерживаться от каких бы то ни было сношений с французскими министрами, ввиду того, что король не свободен и находится на положении арестованного[41].

В докладе, представленном Монмореном Законодательному собранию 31 октября 1791 г., где были изложены ответы европейских дворов на французское сообщение о принятии королем конституции, ничего не говорилось, как официально реагировала на это сообщение Екатерина II[42].



ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ В ИЮЛЕ 1790 г.
Современная гравюра неизвестного мастера, с монограммой „G“
Эрмитаж, Ленинград

Известно, однако, что коллегия иностранных дел в Петербурге отказалась принять это сообщение, посланное на имя Екатерины Людовиком XVI.

30 января 1792 г. Симолин получил депешу от Остермана (от 3 декабря 1791 г.) с предписанием немедленно покинуть Францию, сдав дела поверенному в делах М. С. Новикову. В то же время Симолину предлагалось выразить на прощальной аудиенции сочувствие Екатерины II Людовику XVI и Марии-Антуанетте[43].

Отъезд Симолина из Парижа, состоявшийся (под видом отпуска) 7 февраля 1792 г., фактически означал отозвание русского посла из Парижа. Через пять месяцев Жене вынужден был покинуть Петербург. 8 июля 1792 г. ему было объявлено повеление Екатерины немедленно выехать из России, 14-го ему уже вручили паспорт и подорожную, 16-го состоялся его отъезд[44].

В апреле 1793 г. Екатерина II писала английскому королю Георгу III:

«Причинами моего вмешательства в дела Франции являлись, бесспорно, не столько личные мои интересы, сколько интересы соседних с этим королевством держав. Отделенная от Франции громадными преградами, я могла бы, приняв некоторые меры предосторожности и в особенности благодаря счастливому характеру народов, находящихся под моим скипетром, спокойно ждать завершения событий...

Друг порядка, справедливости и всеобщего счастья человечества, побуждаемая лишь этими чистыми и бескорыстными мотивами, я старалась пробудить активность и привлечь внимание европейских держав к тем многообразным опасностям, которые угрожали им в результате французской революции»[45].

В этих строках нарочито преуменьшается опасность «революционной заразы» для подданных Российской империи, чтобы подчеркнуть «бескорыстие» Екатерины и ее мнимую незаинтересованность в вооруженной интервенции во Францию. Приведенное выше показание Сегюра заставляет усомниться в том, что в годы революции императрица твердо верила в «счастливый характер народов», подвластных ее скипетру, да и воспоминания о крестьянской революции 70-х годов XVIII века, так называемом «пугачевском бунте», были еще очень свежи в памяти Екатерины и русских дворян-крепостников. В некоторых письмах французского поверенного в делах в Петербурге, Жене, имеются определенные указания на наблюдавшийся в 1789—1791 гг. рост недовольства среди крестьян и купцов затяжной войной с Турцией[46]. Вмешательство держав должно, по мнению Екатерины, выразиться в решительной поддержке вооруженной интервенции, которую подготовляют французские принцы-эмигранты. Но для успеха их предприятия необходимо, чтобы в самой Франции образовалась сильная контрреволюционная партия, которая взяла бы верх над той «мерзкой кликой» («faction détestable»), которая там господствует в настоящее время. «Действительно, без этого средства как можно надеяться вернуть на путь истинный нацию в 25 миллионов человек, то и дело сбиваемую с толку вероломными советами,—нацию, вовлеченную в ужасные насилия ее теперешними руководителями»[47].

Итак, создание крепкого ядра роялистской партии в самой Франции, помощь вооруженной интервенции принцев со стороны держав—такова программа борьбы с революцией, выдвигавшаяся Екатериной II весной 1793 г. Посылать своих «казаков» против революционной Франции импе-

ратрица еще не обещает: они ей были слишком нужны для завершения расчленения Польши.

Разделял ли Симолин целиком отношение Екатерины II к Французской революции? Если говорить о первом годе революции, на этот вопрос приходится ответить, безусловно, отрицательно.

В донесении от 10 апреля 1789 г. он называет будущие Генеральные штаты «августейшим собранием» («Assemblée auguste»). О некоторых актах Национального собрания, относящихся к началу его деятельности, Симолин отзывается в своих донесениях с явным сочувствием. Так, сообщая о знаменитой клятве в «Jeu de Paume», он прибавляет: «Сегодняшний день— один из самых интересных и составит эпоху в истории французской монархии». В другом донесении он отзывается об отмене десятины и других феодальных поборов церкви, как об одном из «важнейших законодательных актов Франции, имевших место со времен капитуляриев Карла Великого». Особое восхищение Симолина вызывает «превосходный доклад» Мунье, в котором он утверждал, что основные законы Франции не противоречат конституции, и призывал приступить к ее выработке[48].

Эти, на первый взгляд неожиданные, отзывы Симолина по поводу деятельности Национального собрания объясняются не только грандиозностью происходивших на его глазах событий, производивших сильное впечатление даже на царского чиновника, но и его особым подходом к революции, определявшимся, прежде всего, интересами внешней политики царской России. К началу Французской революции Екатерина вела, в союзе с Австрией, войны с Турцией, которую поддерживали Пруссия и Англия, и с Швецией. В то же время она старалась не упустить своей доли в намечавшемся новом разделе Польши, которую пока поддерживала против России та же Пруссия. При такой международной ситуации царизм был крайне заинтересован в привлечении к австро-русскому союзу Франции и Испании. В этом направлении и вел свою дипломатическую работу Симолин. Но Франция была накануне революции, государственные финансы были в катастрофическом положении, административный аппарат был расшатан, росло всеобщее недовольство ненавистным режимом. Ослабленное революционным взрывом, королевское правительство уже не могло быть ценным союзником. Но Симолин надеялся, что с созывом Генеральных штатов финансовое положение Франции улучшится, все придет в порядок, королевская власть укрепится, наступит счастливое возрождение политической мощи страны, и, следовательно, возрастет и ее международный престиж. Отсюда—его благожелательное отношение к созыву Генеральных штатов и первым шагам деятельности Национального собрания.

Но успехи революции затруднили переговоры о союзе; общественное мнение Франции не хотело и слышать о союзе с Австрией, не хотело вступать в коалицию, враждебную Турции и Польше, одновременно рискуя вооружить против себя Англию. При таких условиях французская дипломатия затягивала переговоры, хотя король и королева, как доносил Симолин, признавали желательность франко-испано-русско-австрийского союза. Дальнейшие успехи переговоров о союзе зависели, как казалось Симолину, от сохранения добрых отношений между королем и Собранием. Вплоть до взятия Бастилии он еще верил в возможность избежать революции[49]. С этой точки зрения известная уступчивость двора в отношении

Собрания была крайне желательна. Отсюда известный, правда, крайне умеренный и преходящий, «либерализм» Симолина.

Отсюда же его особый интерес к состоянию государственных финансов Франции, как показателю устойчивости правительства, его ценности, как союзника. В донесении об открытии Генеральных штатов Симолин отмечает успокоительную речь Неккера о дефиците в государственном бюджете. В приложении к донесению от 20 сентября 1789 г. он с тревогой сообщает: «Так как со времени революции 12 июля налоги более не собираются, то все источники доходов иссякли, а Национальное собрание бесплодно теряет время вместо того, чтобы заняться воссозданием доверия и кредита и восстановлением финансов. При виде всего, что происходит, невольно думаешь, что Генеральные штаты были собраны только для разрушения государства». В донесении, относящемся уже к началу 1790 г., он пишет: «Так как вся нация вооружена, трудно, если даже не невозможно, заставить ее платить налоги. Поэтому отовсюду сообщают, что никаких сборов налогов не производится, и это должно само собой привести к банкротству»[50].

Взятие Бастилии сильно поколебало надежды Симолина на возрождение Франции, как могущественной державы, на ее способность стать ценным союзником царской России и на скорое присоединение ее к русско-австрийскому союзу. «Я счел своим долгом,—говорит он в донесении от 19 июля 1789 г.,—не медлить с отправкой курьера с известием о событии столь большой важности при любых обстоятельствах и имеющем в настоящее время особое значение для нашего двора. Было бы заблуждением рассчитывать теперь на союз и, тем более, на политическое влияние Франции. Каковы бы ни были соображения нового министерства по отношению к предполагаемому союзу с ее императорским величеством, оно не может уделить ему большого внимания, и надо рассматривать Францию, при решении стоящих перед нами в данный момент вопросов, как несуществующую. Я не беру на себя смелость давать советы, но все же считаю своей обязанностью доложить о положении дел, каким оно мне представляется, и сказать, что Франция, даже с наилучшими намерениями по отношению к нам, не сможет оказать нам никакой услуги и что союз с ней будет иллюзорным для Российской империи. Кроме того, нация питает отвращение к союзу с австрийским домом, из-за королевы, и если бы даже можно было заключить договор, он был бы нарушен, потому что министры будут вынуждены следовать принципам и побуждениям третьего сословия, которые возьмут верх над всеми другими соображениями. Если императрице нужны посредники, чтобы облегчить завершение двух войн, которые она ведет, то будет совершенно необходимо обратиться к кому-либо другому.

... Все поражены при виде того, как в течение тридцати шести часов французская монархия была уничтожена и ее глава вынужден соглашаться на все, чего разнузданный, жестокий и варварский народ требует от него с такой дерзостью и таким повелительным тоном, и еще считать себя при этом очень счастливым, что народ соблаговолил удовлетвориться его отречением от своей власти и от своих прав».

Сочувственные отзывы Симолина о некоторых актах Национального собрания не исключают того, что в ряде своих донесений он с самого начала революции совершенно открыто высказывает свое отвращение к выступлениям народных масс. Говоря о столкновениях толпы, соединившейся с Французской гвардией против королевского немецкого полка,

накануне взятия Бастилии, Симолин характеризует эти столкновения как «безобразия» («scandales»). Говоря о событиях 14 июля, он пишет: «Жестокость и зверство французского народа проявились при всех этих событиях в тех же чертах, как и в Варфоломеевскую ночь, о которой мы еще до сих пор с ужасом читаем, с той только разницей, что в настоящее время, вместо религиозного фанатизма, умы охвачены политическим энтузиазмом, порожденным войной и революцией в Америке»[51]. Сообщая о расправе толпы с интендантом армии Фулоном и его зятем Бертье, Симолин добавляет: «Париж походит на логовище тигров» («Paris ressemble à un repaire des tigres»).

Эта ненависть к выступлению «низов» была характерна для той политической группировки, на которую в то время ориентировался, повидимому,

ВОЗВРАЩЕНИЕ АРЕСТОВАННОГО ЛЮДОВИКА XVI ИЗ ВАРЕННА В ПАРИЖ
Современная гравюра неизвестного мастера
Эрмитаж, Ленинград

Симолин[52]. Такой группировкой были монархисты из правого центра, так называемые «беспристрастные», стоявшие на точке зрения не революции, а реформы, выступавшие, как сторонники абсолютного veto короля, двухпалатной системы и последовательного проведения в конституции принципа разделения властей.

Эта умеренная аристократическая группировка, занимавшая как бы промежуточное положение между крайними правыми и монархистами-конституционалистами, возглавлялась депутатами Национального собрания Мунье и Лалли-Толландалем, а после их эмиграции—депутатами Малуэ и Клермон-Тоннером. Представителями этого течения был организован «Клуб независимых», который назывался потом «Клубом друзей монархической конституции» (был закрыт в марте 1791 г.). С этой точки зрения отнюдь не случаен хвалебный отзыв Симолина о выступлении докладчика Конституционного комитета Мунье.

По мере развертывания революции отношение к ней Симолина становится все более и более враждебным. «Полнейшая и беспримерная анархия,—пишет он в донесении от 7 августа 1789 г.,—продолжает приводить Францию в состояние полного разрушения. Нет ни судей, ни законов, ни исполнительной власти, и о внешней политике настолько нет речи,

как будто это королевство вычеркнуто из списка европейских держав. Национальное собрание, повидимому, раздирается на части враждебными друг другу кликами. Король и королева содрогаются в ожидании неисчислимых последствий революции, подобной которой не знают летописи».

Еще более эта ненависть к выступлениям масс заметна в донесении Симолина об октябрьских событиях 1789 г. «Новое восстание,—пишет он 9 октября 1789 г.,—трагические и гибельные последствия которого неисчислимы, повергло Париж и Версаль в ужас. В понедельник утром 5-го этого месяца несколько сотен торговок, величаемых теперь «дамами рынка», рассеялись по городу и принудили итти за собою попадавшихся им навстречу женщин. Они вооружились чем попало. Затем направились к Ратуше; несколько мужчин присоединились к ним. Ратуша была взята силой. Они завладели оружием и запасными пушками и с триумфом их увезли... В полдень толпа этих женщин в количестве нескольких сотен двинулась на Версаль...».

Весь дальнейший рассказ о вторжении толпы в королевские покои проникнут презрением и ненавистью Симолина к этой «толпе» и его сочувствием королевской семье, которой пришлось переехать в Париж в качестве «пленников».

Сообщив о волнениях, происходивших во французском флоте, он винит во всем... «Декларацию прав человека и гражданина». «Вот,—восклицает он,—результат Прав человека, которые внесли сумбур в головы французов и свергли монархию... Подробности нового возмущения ужасны. Мятежники потребовали равенства, установленного Декларацией прав человека, и один из них заявил Альберу де Риом: „Предписывают законы те, кто сильнее, а потому это право принадлежит нам“, и весь экипаж „Патриота“ поддержал такую преступную наглость»[53].

Но и многие акты Национального собрания вызывают теперь у Симолина негодование.

В марте 1790 г. он пишет, например: «Каких только сумасбродств и безумств нет в головах 1 200 величеств, и невозможно предвидеть, каковы будут, в конце концов, последствия этого... Все в этом королевстве дезорганизовано, извращено, уничтожено, и расстройство финансов сулит банкротство, если даже о нем не будет объявлено»[54].

Симолин возмущался мартовским декретом Национального собрания о выкупе феодальных прав, хотя этот декрет, как известно, устанавливал выкуп как раз наиболее ценных для помещиков повинностей, и притом на самых невыгодных для крестьян условиях. «Большинство статей [декрета—*Н. Л.*],—пишет он,—вопиющая несправедливость: они грабительски, без возмещения отнимают у владельцев их права, оставляя на их плечах все обязанности, какие они несли в связи с этими правами. Можно подумать, что Национальное собрание имело намерение подготовить почву к последующему аграрному закону»[55].

Еще более пессимистически, чем раньше, расценивает теперь Симолин Францию, как фактор европейской политики. Он считает, что Франция как бы сошла с арены международной политики. «Только провидение может предугадать,—пишет он,—когда Франция сможет снова занять свое место среди держав Европы. Если судить по сложившейся обстановке, то, конечно, это не произойдет в настоящем столетии, если бы даже контрреволюция, кажущаяся невозможной при существующем положении дел, перевернула все, что совершено за это время»[56].

Излишне доказывать, что в данном случае опытный екатерининский дипломат жестоко ошибался; разделавшись с внутренней контрреволюцией в 1793 г., Французская республика одержала уже в следующем году ряд побед и стала важным фактором международной политики.

В одном из майских донесений 1790 г. Симолин выражает свое возмущение по поводу нападения толпы на дома издателей контрреволюционных органов «Actes des Apôtres» и «Gazette de Paris» [57]. В донесении от 14 мая 1790 г. он сообщает о выдвинутом в Якобинском клубе предложении «отозвать всех находящихся при иностранных дворах послов и посланников, подозреваемых в симпатиях к аристократам, и заменить их поверенными в делах и консулами, на которых можно положиться». И тут же добавляет: это предложение «тем более по вкусу бешеным («des enragés»), что они не удовлетворяются тем, что привели Францию в состояние ужасной анархии, но стремятся уподобить ей все королевства и государства Европы». Отсюда Симолин делает вывод: «По-моему, необходимо установить во всех странах самое внимательное наблюдение над приезжающими туда французами...».

С другой стороны, Симолин считает, что и «для молодых людей других наций» пребывание во Франции становится очень опасным: «Умы их возбуждаются и проникаются принципами, которые могут причинить им вред при возвращении их в отечество».

Наблюдение за проживающими во Франции русскими входило в одну из обязанностей Симолина. После того, как он получил из Петербурга депешу от 4 июня 1790 г., предписывавшую ему добиться выезда всех русских из Франции[58], он усиленно собирает сведения о проживающих в Париже русских подданных и торопит их с отъездом[59]. Установить местопребывание в Париже графа П. А. Строганова царскому послу не удалось, несмотря на усердные поиски, которые предпринял, по поручению посла, священник при русской миссии. Но Симолин спешит сообщить, что воспитатель молодого Строганова (будущий член Конвента, Ромм) «связал его с самыми крайними бешеными из Национального собрания и Якобинского клуба, которому он, кажется, подарил библиотеку»[60].

В донесении от 25 июня 1790 г. Симолин сообщил о принятой Национальным собранием депутации, состоявшей из иностранцев, «от всех проживающих в Париже наций». Члены депутации просили предоставить ей места на празднике Федерации, чтобы потом рассказать повсюду о том, что они видели и пережили на этом празднике. Перечисляя состав депутации, Симолин добавил: «Называют также русских, в чем я сомневаюсь»[61]. На полях донесения имеется пометка Екатерины II: «Писать, чтоб сведомился, кто оне таковы»[62]. Получив этот запрос, Симолин ответил (25 августа 1790 г.), что ему не удалось установить никаких следов участия русских в этой делегации.

Эта перемена в отношении Симолина к событиям Французской революции сказалась и на подборе высылавшейся им литературы. С начала 1790 г. контрреволюционные «Actes des Apôtres» занимают среди интересующей Симолина литературы первое место.

Неудачное бегство королевской семьи в Варенн—событие, в котором Симолин, по его собственным словам, был «несколько замешан, хотя и самым невинным образом», только усилило его враждебное отношение к Французской революции. Но здесь необходимо выяснить его роль в организации этого неудавшегося побега.

Отъезд короля и его семьи из Парижа состоялся в ночь с 20 на 21 июня 1791 г.[63]. Узнанный и остановленный в Варенне король предъявил паспорт, выданный за подписью Монморена на имя некоей госпожи Корф, отправлявшейся во Франкфурт с двумя детьми, лакеем, тремя слугами и горничной. Госпожа Корф была вдовой полковника русской службы, убитого при осаде Бендер. Незадолго до бегства короля она просила, через третье лицо, у Симолина достать ей два отдельных паспорта — один для нее, другой для ее матери, чтобы ехать во Франкфурт. По просьбе Симолина паспорта были выданы Монмореном. Несколько дней спустя госпожа Корф отправила Симолину записку, в которой писала, что, «сжигая различные ненужные бумаги, она имела неосторожность бросить в огонь также свой паспорт», и просила Симолина достать ей дубликат. В тот же день Симолин обратился к ведавшему выдачей паспортов секретарю с просьбой заменить, якобы, сгоревший паспорт другим, приложив записку госпожи Корф. Дубликат паспорта был выдан.

Таким образом, факт попытки королевской семьи бежать к границе Франции с чужим паспортом, выданным по просьбе русского посла в Париже Симолина, является вполне установленным.

По возвращении короля в Париж Монморен был вызван для объяснения в Национальное собрание. Здесь ему удалось оправдаться по обвинению в том, что он содействовал побегу королевской семьи. «Однако, народ бросился с такой яростью к его дому, что забили тревогу, и три отряда Национальной гвардии отправились туда, чтобы защитить дом от разграбления»[64].

Не менее сильно было негодование демократических слоев Парижа и против Симолина. «Граф де Монморен и я,—доносил Симолин 19 сентября 1791 г.,—могли стать жертвами народной ярости». «Только усиленная охрана спасла графа де Монморена от фонаря, а его дом от разграбления». «Что касается меня,—продолжает Симолин,—то на собрании в Palais Royal была вынесена резолюция, подтвержденная на другой день собравшимися на Елисейских полях, схватить меня и расправиться со мной, как с сообщником по организации бегства короля. Молодой граф Мусин-Пушкин и его друг по путешествию, услыхав это постановление, требующее крови, прибежали ко мне, чтобы предупредить меня об угрожающей мне опасности. Один разумный человек из толпы восстал против жестокости такого намерения и против нарушения международного права, которому был бы, таким образом, нанесен ущерб в моем лице. Ему ответили: „Что́ его императрица может нам сделать?“».

Первое впечатление от разыгравшихся событий, повидимому, было таково, что не оставалось сомнений в прямом участии Симолина, как и Монморена, в организации бегства королевской семьи. В изданном Lescure'ом в 1866 г. трехтомном собрании «Correspondance secrète inédite de Louis XVI, Marie-Antoinette, la cour et la ville de 1777 à 1792», составленном на основании рукописей «Императорской библиотеки в Санкт-Петербурге», имеется письмо 28-е, датированное 9 июля 1791 г., из Парижа, в котором говорится: «Создалось убеждение, что русский и шведский послы были осведомлены об отъезде короля»[65]. Это мнение перешло потом и в литературу. В статье Рамбо, вошедшей в известную «Всеобщую историю» под редакцией Лависса и Рамбо, прямо говорится: «Екатерина вместе с Густавом III участвовала в заговоре, которым было подготовлено бегство в Варенн: ее парижский посол Симолин выдал, будто бы, на имя

«ПАСПОРТ МАДАМ ДЕ КОРФ ОТ 21 ИЮНЯ»
Современная сатирическая гравюра неизвестного мастера

Эрмитаж, Ленинград

баронессы Корф паспорт, которым должна была воспользоваться королевская семья»[66]. Позднейший французский историк, монархист Lenotre, в своей работе «Вареннская драма»[67] также разделяет эту точку зрения, ссылаясь на одно из донесений Симолина и письмо к нему Остермана, хранящиеся в русских архивах. Но высказывалась и противоположная точка зрения: так, H. Monin, автор статьи «Simolin» в «La Grande Encyclopédie», совершенно отрицает участие Симолина в «вареннском событии».

Вопрос о соучастии Симолина в подготовке бегства королевской семьи представляется далеко не столь простым, как это полагают некоторые авторы. Сам Симолин категорически отрицал свое сознательное участие в истории с выдачей паспорта госпоже Корф. В донесении от 27 июня он утверждает, что был «несколько замешан, хотя и самым невинным образом, в этом крупном событии». «Не вина г. де Монморена и не моя вина,— читаем в том же донесении, — что г-жа Корф дала использовать свой паспорт для таких целей, для которых он не предназначался и о которых мы никак не могли предполагать».

А в своем письме к Монморену от 25 июня того же года Симолин писал: «Только сегодня утром из газет узнал я о несчастном случае с паспортом, который имел честь просить у вашего сиятельства три недели тому назад...», «...мое поведение в этом случае было естественно и соответствовало моим обязанностям, и, смею надеяться, каждый согласится, насколько для меня было невозможно заподозрить, что оно впоследствии может дать повод к малейшим обвинениям против вашего сиятельства и против меня, несмотря на необдуманное употребление, которое, повидимому, было дано этому второму паспорту»[68].

Из других донесений Симолина явствует, что он сожалел по поводу неудачи с побегом, осуждая в то же время манифест, который оставил король после своего отъезда. «Взрыв, который я предчувствовал,—пишет

Симолин,—разразился скорее, чем я предполагал. План содействия выезду короля из дворца со всей королевской семьей был задуман и выполнен очень умно и в большой тайне, но не увенчался успехом. Монарх был арестован в двух милях от границы и препровожден в Мец; можно только содрогаться при мысли о несчастиях, которые грозят королевской семье, особенно королеве, рискующей стать жертвой жестокого и кровожадного народа»[69].

Однако, можно привести ряд соображений, заставляющих сомневаться в том, что Симолин был осведомлен об употреблении, которое было сделано с паспортом, опрометчиво выданном по его просьбе Монмореном. Известно, что план бегства и его осуществление были организованы другом королевы, Ферзеном — шведским офицером на французской службе, бывшим душой всего предприятия. Между тем, Симолин не был тогда близок с Ферзеном и не раз отзывался о нем в весьма нелестных выражениях в своих донесениях, относящихся ко времени русско-шведской войны, закончившейся лишь в августе 1790 г.

Из опубликованной в 1877—1878 гг. переписки Ферзена мы знаем, что выработанный им план побега был особенно тщательно законспирирован, что о нем были осведомлены только четверо французов, из которых трое находились тогда за пределами Франции, а четвертый, генерал Буйе (Bouillé),— за пределами Парижа.

Осведомляя об этом барона Таубе, Ферзен не рекомендует ему сообщать подробности даже шведскому королю (Густаву III), опасаясь «нескромности» последнего. Никаких указаний на соучастие Симолина в письмах Ферзена не имеется. Но о плане бегства королевской семьи под защиту иностранных государей, и в первую очередь шведского, были еще осведомлены шведский посол в Париже де Сталь и его жена, француженка по национальности (дочь Неккера). Повидимому, г-жа де Сталь кое-кому проболталась, хотя бы, например, членам Национального собрания Таллону и Семонвилю, «двум бешеным якобинцам», по аттестации Ферзена. Неопределенные слухи насчет данного плана, возможно, дошли и до Лафайета, Байи, Монморена и др. Были приняты меры предосторожности, что не помешало, однако, королевской семье поздно вечером ускользнуть незамеченной из Тюильри[70].

В тот момент Симолин стоял в стороне от той придворной клики, которая возглавлялась королевой, Ферзеном, бароном де Бретёйлем и Буйе. Как мы уже видели, его симпатии склонялись к промежуточной группировке—умеренных аристократов (Мунье и Лалли-Толландаль). Правда, к моменту бегства короля влияние Монморена на Симолина заметно падает, но отрицать его совсем, даже для осени 1791 г., не приходится.

Сам Монморен, бывший воспитатель Людовика XVI, был всецело предан королевской семье и пользовался доверием короля, тем не менее, он в это время уже не разделял тактики, которую рекомендовала королю придворная клика де Бретёйля, Ферзена и Буйе.

Особенно пагубным для короля Монморен считал влияние Ферзена на Марию-Антуанетту.

Друг Монморена, дипломат и эмигрант Сен-Прист сообщает в своих мемуарах, что после переезда королевской семьи из Версаля в Париж, в аппартаментах короля в Тюильри, он встретил Ферзена и Монморена, причем последний обратил внимание Сен-Приста на то, что «присутствие графа Фер-

зена, связь которого с королевой была известна, могло подвергнуть опасности как его самого, так и короля»[71].

Только в начале июня 1791 г. Монморен был исключен из членов Якобинского клуба. Патриоты считали его изменником, роялисты обвиняли его в союзе с разрушителями монархии.

Монморен, повидимому, не только не был, но и не мог быть в курсе разработанного и законспирированного Ферзеном плана бегства короля, хотя слухи о существовании этого плана и могли до него доходить: в 1790—1791 гг. при дворе его уже считали неудобным. Его отставки с поста министра иностранных дел добивался «комитет принцев», и ходили слухи о назначении на это место Сен-Приста[72]. Король и королева не держали Монморена в курсе своей закулисной политики. Его оставляли на министерском посту, поскольку считали наиболее подходящей фигурой для сношений с Национальным собранием и представительства о ф и ц и а л ь н о й политики короля, которая, как известно, имела очень мало общего с его тайной политикой, осуществлявшейся совсем через других лиц[73].

В одном из донесений Симолина сообщается о встрече Монморена с королем после того, как королевская семья была снова водворена в Париже. «Граф де Монморен,—пишет Симолин,—видел короля и королеву наедине. Их величества говорили с ним о своем путешествии, в т а й н у к о т о р о г о о н и е г о н е п о с в я т и л и [разрядка моя.—*Н. Л.*]. На это министр ответил: „Ваше величество, не желая подвергать испытанию мою совесть, вы подвергли опасности мою жизнь“»[74].

В другом донесении Симолин говорит, что «король и королева привыкли его [Монморена] обманывать и подвергли его уже однажды испытанию, которое едва не оказалось для него весьма прискорбным». Это донесение относится к концу августа 1791 г., когда в Париже распространились слухи о подготовке нового побега королевской семьи. Организаторами предприятия снова называли барона де Бретёйля, Буйе и Ферзена. В связи с этим Симолин, очевидно, вспоминает о том трудном положении, в какое Монморен был поставлен после вареннского бегства. Добавим, кстати, что вместе с Монмореном Симолин не одобрял этого плана второго побега. «Можно быть уверенным,—писал он там же,—что не было бы ничего тягостнее и гибельнее для страны, чем осуществление подобного плана, потому что его неизбежным следствием была бы гражданская война, сигнал к которой был бы дан массовыми убийствами»[75].

Если бы Симолин был осведомлен о подготовлявшемся бегстве королевской семьи, то едва ли мог бы писать в одном из своих донесений: «Утверждают, что здесь имеются неопровержимые доказательства осведомленности шведского короля о плане бегства короля»[76].

Не приходится игнорировать и одно место из письма вице-канцлера Остермана к Симолину с выговором за неуместное выражение, допущенное Симолиным в письме к Монморену. Оказывается, Екатерина проявила крайнее недовольство тем местом в письме Симолина к Монморену, где русский посол квалифицировал употребление, которое было сделано с паспортом на имя госпожи Корф, как употребление «необдуманное» («usage inconsidéré»).

«Этот эпитет,—писал Остерман,—весьма мало приложим к обстоятельству, о котором шла речь, и е с л и б ы в ы д а ж е п р е д о с т а в и л и т а к о й п а с п о р т с д е й с т в и т е л ь н ы м н а м е р е н и е м о к а з а т ь с о д е й с т в и е х р и с т и а н н е й ш е м у к о р о л ю и

тем способствовали бы его безопасности, то такой поступок был бы во всех отношениях приятен ее императорскому величеству»[77] [разрядка моя.—*Н. Л.*].

Это место из письма Остермана заслуживает особого внимания. Из него следует, что, по крайней мере, петербургский двор ничего не знал о том, что, ходатайствуя перед Монмореном о выдаче дубликата паспорта госпоже Корф, Симолин был, якобы, осведомлен о том, что этим паспортом воспользуется при своем побеге из Парижа королевская семья.

Против этого предположения говорит и оправдательное письмо, посланное Симолиным Остерману в ответ на полученный выговор от коллегии иностранных дел.

В этом письме Симолин ссылается, в свое оправдание, на то, что без опубликования злополучного письма он, как и граф Монморен, «могли стать жертвами народной ярости», он кается за допущение им эпитета, «не одобренного ее императорским величеством», но ни слова не говорит о том, что сознательно содействовал побегу короля. Между тем, именно такое признание должно было, несомненно, смягчить гнев императрицы. Сделать его было тем естественнее, что это донесение Симолина было послано зашифрованным. Тем более непонятно его умолчание насчет его действительного участия в вареннском бегстве, если бы таковое участие имело место.

Итак, целый ряд веских соображений, приведенных выше, заставляет нас сомневаться в правильности мнения, будто Симолин был одним из сознательных соучастников вареннского бегства.

Но совершенно несомненно, что это событие, а также получение выговора от императрицы заставили Симолина изменить свою позицию в отношении к Французской революции. Это чувствуется уже по донесениям, отправленным им непосредственно под впечатлением возвращения короля в Париж. «Нельзя не согласиться,—читаем в его приложении к донесению от 4 июля 1791 г.,—что Национальное собрание обращается с этим несчастным монархом с суровостью и жестокостью, которым нет примера в истории... Эти факты кладут вечное пятно на французскую нацию».

После ареста короля Симолин совершенно перестал появляться на дипломатических конференциях у Монморена[78].

Но даже осенью 1791 г. Симолин не одобрял происков придворной клики, советовавшей Людовику XVI отказать в утверждении конституции, и в этом отношении он разделял точку зрения Монморена. «Продолжают оказывать давление на решение важного вопроса о принятии королем конституции,—доносит Симолин 12 сентября 1791 г.— В пятницу вечером лицо, принимающее самое близкое участие в этих делах, покинуло в гневе заседание некоего комитета, образованного по этому случаю, говоря о невозможности служить людям, чьи мнения так изменчивы, которые так же быстро хватаются за несбыточные надежды, как и впадают в отчаяние от малейших неудач, что нескольких аплодисментов, полученных королевой, когда она стояла у окна Тюильри, достаточно для того, чтобы считать себя кумирами народа и думать, что, следовательно, они могут все изменить, все восстановить по своему усмотрению. Далее это лицо сетовало, что на основании всех советов, всех докладов, всех писем, полученных королем по этому случаю, он составил на свой лад акт принятия [конституции], настолько же неудовлетворительный, насколько и гибельный для

L'extrême attachement de M. Du Mourier pour la Personne de son Roi, son dévouement pour le jeune Roi, et pour la Reine sa Mere, sa ferme resolution de retablir la Monarchie en France, et son aversion pour le Systeme actuel ne sont si parfaitement connus, que je n'hesite pas à croire qu'il entendrait volontiers avec les Puissances combinées pour accelerer le retour de l'ancien Gouvernement, si l'on trouvoit un moyen de le faire concourir à ce but important, sans aneantir totalement l'espace de gloire militaire qu'il a acquise dans la campagne derniere, et dont il est fort jaloux, et si l'on consentoit à lui assurer une existence aisée qu'il n'a pas, et une grande place militaire ou politique à son choix.

Voici donc ce que je propose.

Ce que feroit M. Dum.

1° à l'egard de la Hollande.

Si M. Dum. n'est pas forcé d'agir actuellement par des ordres superieurs de tenter l'invasion de la Hollande, et s'il en est encore tems, lorsque ceci aura été accepté de part et d'autre M. Dum. renoncera à ce projet et y fera renoncer le conseil executif.

Dans le cas au contraire, où il auroit deja commencé l'attaque, on ne pourroit pas absolument l'arrêter, il la feroit assez mollement, et prendroit après de tems auprès des premieres places, comme Berg-op-Zoom ou Maestricht pour laisser le tems à l'armée Autrichienne d'arriver tellement en force, et de faire presumer une telle resistance qu'il pût, sans inspirer aucune methfiance, lever les sieges qu'il auroit entrepris, et se replier sur les Pays-bas autrichiens.

2° à l'egard des Pays-bas.

M. Dum. suivi dans sa retraite de Hollande par l'armée Prussienne. A

Ce qu'on pourroit faire pour M. ~~Dum.~~

1° Demontrer par tous les moyens praticables, une grande consideration pour ses talens militaires

2° Promettre et garantir à M. Dum. par l'honneur des Puissances coalisées, qu'au moment du retablissement de la Monarchie en France, il y auroit une amnistie pour lui et pour les personnes qu'il designeroit sans exception.

3° Lui promettre sous la même garantie, qu'à cette epoque ou aussitôt qu'il le demandera, il lui seroit donné un commandement militaire ou une grande Ambassade qu'il designeroit.

4° Enfin mettre à la disposition de M. Dum: ou de la personne qu'il indiquera, immediatement après l'execution de la 1re partie des engagemens de M. Dum: une somme que lui seul peut indiquer, mais telle qu'elle puisse lui assurer, à tout evenement une fortune independante, et lui donner les moyens d'acheter les membres necessaires de la Convention

СТРАНИЦА ДОНЕСЕНИЯ СИМОЛИНА ОТ 5 АПРЕЛЯ 1793 г. С СООБЩЕНИЕМ ОБ ИЗМЕНЕ ДЮМУРЬЕ И ПРОЕКТОМ СДЕЛКИ С НИМ

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

его собственных интересов... Это же лицо прибавило, что сам г. де Монморен исчерпал все свое влияние, чтобы заставить их величества изменить свои мнения, внушенные, несомненно, членами правой, стремящимися лишь к смуте, и пришел к выводу, что если уж невозможно добиться правления конституционно-монархического, то лучше довериться республиканам и иметь республику, чем не иметь совсем ничего»[79].

Симолин считал, что лучшей тактикой короля для данного момента могло быть только «выжидать время». Отсюда и его крайне неодобрительный отзыв о принцессе Елизавете —«высокомерная ханжа не может себя заставить признать новое положение вещей»[80].

Учитывая поправение Национального собрания после бегства короля и особенно расстрел республиканской демонстрации на Марсовом поле (17 июля 1791 г.), Симолин видел теперь в Собрании оплот против дальнейшего развития революции. «Со времени бегства короля,—с удовлетворением констатирует Симолин 3 августа 1791 г.,—которое было результатом вероломных советов, Национальное собрание быстрыми шагами идет к восстановлению порядка и в этом встречает поддержку со стороны общественного мнения... Наконец-то друзья мира могут предвидеть конец революции и тех зол, которые она за собой повлекла... Таково положение дел в настоящий момент, и было бы желательно, чтобы деятельность теперешнего Собрания была продолжена до ближайшего мая, чтобы парализовать влияние Якобинского клуба и его отделений на новые выборы».

Если в начале революции симпатии Симолина были на стороне умеренно-аристократической группы Собрания, то теперь он ставил ставку на фракцию так называемого «триумвирата» (Барнав, Дюпор и Александр Ламет), сблизившуюся после бегства в Варенн со двором. В связи с этим снова воскресли его надежды на полное примирение Собрания с королем. Симолин готов был поверить искренности Людовика XVI, присягнувшего конституции и призывавшего принцев вернуться из эмиграции. Вот почему в августе—сентябре 1791 г. он был еще далек от мысли об интервенции держав во Францию.

Между тем, для Екатерины II вопрос о разрыве с революционной Францией был уже предрешен, как мы видели, еще в августе 1791 г.; в сентябре 1791 г. она держалась того мнения, что не следует признавать никаких актов французского правительства, и желала уже установления международного дипломатического и экономического бойкота Франции впредь до восстановления короля в его прежних прерогативах. Беда Симолина заключалась в том, что он не был достаточно информирован о планах императрицы. Таким образом, осенью 1791 г. политика Симолина в отношении официального французского правительства не соответствовала планам Екатерины. Это подтверждается и сердитой пометкой императрицы на донесении Симолина о миссии аббата Луи, уполномоченного «триумвиратом» вести переговоры с принцами относительно условий их возвращения во Францию. Тот же Луи должен был встретиться в Брюсселе с представителем императора, гр. Мерси, и отговорить его от мысли о совместном выступлении держав против Франции. К моменту появления в Брюсселе аббата Луи гр. Мерси был уже готов к отъезду в Англию, как раз с целью склонить последнюю к участию в коалиции против Франции. Но он уверил аббата, что цель его поездки—простое ознакомление со страной. Этой версии поверил и Симолин. Пометка Екатерины II гласила: «Лжековарные те бездельники, кои отечество свое довели до края

гибели, ныне стараются через Симолина довести подобные вести никакой веры недостойные и несходственные с истиной, одна декларация предложенная венским двором уже довольно опровергает мнимые речи графа Мерси лгуну аббату Луи»[81].

Ставка Симолина на умеренную часть Национального собрания, считавшую возможным полное примирение с королем на основе конституции 1791 г., не могла не вызвать неудовольствия со стороны императрицы, для которой вопрос о разрыве с революционной Францией был предрешен еще летом 1791 г., а конституция 1791 г. была названа ею «антихристовой» конституцией. В письме к Гримму Екатерина замечает: «Я получила очень неприятное известие, что Симолин стал ярым демагогом и теперь восхищается всеми нелепостями, которые совершает негодное Национальное собрание. Я думаю, что его свел с пути истинного г-н д'Отён (d'Autun)»[82].

В донесении от 3 августа Симолин отзывается еще иронически о проекте шведского короля организовать 20-тысячную армию из набранных в ландграфстве Гессенском и в Испании наемников для контрреволюционной интервенции во Францию[83]. Считая весьма вероятным, что Испания откажется субсидировать это предприятие, Симолин злорадствует, что план Густава скорее всего рухнет. Только через 4 месяца он наконец усваивает себе политическую линию императрицы и становится сторонником интервенции. В донесении от 9 декабря 1791 г. он пишет: «Настоящее положение вещей требует, повидимому, самого серьезного вмешательства великих европейских держав для восстановления французской монархии и христианнейшего короля на том посту, который уготован ему провидением. Бессмысленность теперешней системы очевидна. Все установленные власти действуют вяло и слепо следуют воле толпы». Резко критикует Симолин в том же донесении и применение конституции 1791 г. (напомним, что это был уже период Законодательного собрания). «Вопреки духу конституции,— пишет он, — королевский авторитет постоянно подрывается вмешательством законодательного корпуса. Министры, по конституции, облечены, как будто, властью даже бóльшей, чем та, какой они пользовались прежде, но Собрание связывает их по рукам и ногам... В итоге, вместо конституции во Франции царит полная анархия, и это королевство придет неминуемо к распаду, если главенствующие державы Европы, объединившись, не остановят дальнейших мероприятий нынешнего Собрания, которое, как видно, представляет собой скопище злодеев, а не соединение законодателей королевства»[84].

В письме Остермана от 31 июля 1791 г. Симолину рекомендовалось тщательно избегать каких-либо сношений с французскими министрами после того, как власть короля была временно приостановлена. В депеше того же Остермана от 5/16 декабря 1791 г. Симолину предлагалось покинуть Париж. «Отношения между Россией и Францией...,—писал Остерман,— стали настолько критическими, что со дня на день может произойти внезапный разрыв дипломатических сношений и связей между двумя государствами». Симолину рекомендовалось переехать в Кёльн или Брюссель, чтобы оттуда продолжать свои наблюдения за происходящим в Париже. Симолину предписывалось оставить после своего отъезда из Франции поверенного в делах, которого он должен был связать со своими тайными агентами в Париже[85].

Но, прежде чем выехать из Франции, Симолин становится доверенным лицом королевы, ее тайным агентом по подготовке контрреволюционной

интервенции. Сношения Симолина с королевой происходили и непосредственно и через венского поверенного в делах Блуменсдорфа.

В конце декабря 1791 г., когда Симолин был у королевы, во время игры в карты, она подозвала его и выразила желание «побеседовать» с ним, но прибавила, что «не решается, так как окружена шпионами». Судя по донесению от 2 января 1792 г., Симолин к этому времени уже вошел в полное доверие Марии-Антуанетты и был в курсе некоторых ее дел. Сообщая, что королева отправила письмо Екатерине II, он добавляет: «Королева написала также недавно королям Швеции и Пруссии, чтобы эти государи не были введены в заблуждение и не считали соответствующим истинным намерениям короля акт от 14 декабря, который его величество вынужден был дать под угрозой меча мятежников, способных на всяческие преступления». В дальнейшем роль Симолина, как одного из доверенных лиц Марии-Антуанетты, вырисовывается еще определеннее.

«С некоторых пор,—доносил Симолин уже из Брюсселя (11 февраля 1792 г.),—у меня установились более тесные взаимоотношения с королевой, и ее величество просила меня несколько недель тому назад подыскать ей человека, скромность и осторожность которого мне были бы хорошо известны, чтобы доверить ему письмо к императору, ее брату, и поручить лично сообщить ему об истинном ходе дел, о несчастном положении короля и королевской семьи, об их образе мыслей, совсем ином, чем тот, какой они вынуждены показывать, и чтобы опровергнуть ложные сведения, которые, повидимому, даны об этом его императорскому величеству... Королева, узнав некоторое время спустя, что я получаю отпуск и покидаю свой пост и что мне будет предоставлено право выбрать место, куда я хотел бы поехать, поручила разузнать у меня, не расположен ли я взять на себя исполнение ее просьбы и этого деликатного поручения... Так как я имел возможность непосредственно наблюдать ужасное положение их христианнейших величеств, которые одиноки и не могут довериться нескромным, самонадеянным французам, находящимся в сношениях с принцами или с их друзьями, и так как я был польщен знаком доверия, оказанным вашему императорскому величеству их величествами, остановившими на мне свой выбор, я не мог воздержаться от ответа, что согласен на все, что их величества сочтут нужным мне повелеть, и что я был бы счастлив, если бы смог оказать им полезную и приятную услугу».

В дальнейшем Симолин сообщает о том, как он был принят королевой в ее спальне «после того, как [она] сама заперла наружную дверь на задвижку». Затем королева дала ему прочесть ее письма, адресованные Екатерине II и Леопольду II, которые Симолин должен был доставить по назначению[86]. Во время беседы, продолжавшейся больше часа, королева, между прочим, рассказала Симолину о бегстве королевской семьи из Тюильри. Потом пришел король, который дал понять, что вся их надежда—на русскую императрицу. В общем, беседа с королем и королевой продолжалась около трех часов. Королева обещала Симолину прислать вместе с письмами «и портфель с очень важными бумагами, которые надлежит положить в королевскую сокровищницу, где хранятся с февраля месяца прошлого года ее бриллианты».

После этого визита Симолин связался, наконец, с главными персонажами придворной клики, находившимися в курсе всех мероприятий королевы, бароном де Бретёйлем и графом Ферзеном[87].

УКАЗЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

изъ Правительствующаго Сената

Объявляется всенародно.

Въ именномъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указѣ, данномъ Сенату за собственноручнымъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА подписаніемъ въ 8 й день сего февраля написано: „Замѣшательства во Франціи отъ „1789 года произшедшія не могли не возбуждать вниманія въ каждомъ благоустроенномъ Государствѣ. Доколѣ оставалась еще надежда „что время и обстоятельства послужатъ къ образумленію заблужденныхъ, и что порядокъ и сила законной власти возстановлены будутъ, терпѣли Мы свободное пребываніе французовъ въ Имперіи „НАШЕЙ, и всякое съ ними сношеніе. Видѣвъ послѣ буйство и духъ „возмутительный противу Государя ихъ далѣе и далѣе возрастающій „съ неистовыми намѣреніями правила безбожія, неповиновенія верьховной Государской власти, и отчужденныя всякаго добраго нравоученія „не токмо у себя утвердить, но и заразу оныхъ разпространить „во вселенной, прервали Мы политическое сношеніе съ Франціею отозвавъ Министра НАШЕГО съ его свитою, и выславъ изъ Столицы „НАШЕЙ повѣреннаго въ дѣлахъ французскаго, къ чему и то еще „имѣли право, что какъ взаимныя миссіи заведены были между НАМИ „и Королемъ, то по разрушеніи бунтовщиками власти его, при содержаніи его въ страхѣ и неволѣ не свойственно уже было имѣть „видъ сношенія съ похитителями Правленія. Нынѣ когда во всеобщемъ „ужасу въ сей нещастной землѣ преисполнена мѣра буйства, когда „пошлося болѣе семи сотъ изверговъ, которые неправедно присвоенную ими силу до того во зло употребили, что подняли руки свои „на умерщвленіе помазанника Божія законнаго ихъ Государя въ 10 й „день Генваря сего года лютымъ мучительнымъ образомъ въ дѣйство „произведенное, МЫ почитаемъ себѣ долгомъ предъ Богомъ и совѣстію НАШЕЮ не терпѣть между Имперіею НАШЕЮ и Франціею никакихъ сношеній, каковыя между Государствами благоустроенными существуютъ, доколѣ правосудіе Всевышняго наказетъ злодѣевъ и его Святой волѣ угодно будетъ положить „предѣлъ нещастіямъ сего Королевства, возстановя въ немъ порядокъ и силу власти законной. Въ слѣдствіе того повелѣваемъ: „*Первое*, Дѣйствіе торговаго договора между НАМИ и покойнымъ Королемъ французскимъ Людовикомъ XVI въ 30 й день Декабря 1786 „года заключеннаго, до вышеписанной епохи возстановленія порядка и „власти законной во Франціи прекратить. *Второе*, До того же времяни запрещается впускать въ порты НАШИ на разныхъ моряхъ находящіяся суда подъ флагомъ національнымъ французскимъ; равнымъ „образомъ запрещается и НАШЕМУ купечеству и хозяевамъ кораблей „посылать торговыя ихъ суда во французскіе порты. *Третіе*, Бывшихъ французскихъ Консулей, Вице-Консулей, Агентовъ и прочихъ „къ симъ принадлежащихъ выслать изъ обѣихъ Столицъ НАШИХЪ „и изъ прочихъ мѣстъ гдѣ они находятся, объявя имъ, что дается „каждому изъ нихъ для разпоряженія дѣлъ срокъ трехъ-недѣльный, „по истеченіи котораго обязанъ онъ непремѣнно оставить мѣсто „настоящаго своего пребыванія, въ полагаемое же въ паспортахъ „отправленія дѣлъ его на законномъ основаніи; которые же изъ означенныхъ французовъ суть исповѣданія Протестантскаго, должны „ствуютъ отрицаніе ихъ подъ присягою учинить въ церквахъ того „исповѣданія, а гдѣ ихъ нѣтъ, въ самомъ присутственномъ мѣстѣ. „*Осьмое*, Исполненіе сего начать тотчасъ по полученіи указа НАШЕГО „въ обѣихъ Столицахъ НАШИХЪ, собравъ по чинамъ города въ Управу „Благочинія живущихъ здѣсь обоего пола французовъ одной части за „другою и по объявленіи имъ воли НАШЕЙ для тѣхъ кои пожелаютъ „учинить отрицаніе назначить дни и часы для приведенія ихъ къ присягѣ; о тѣхъ же которые не пожелаютъ сдѣлать вышеписаннаго отрицанія представить губернскому Правленію, дабы оное относительно „высылки ихъ разпорядило сходно пятой статьѣ сего указа НАШЕГО: „впрочемъ НАША коллегія Иностранныхъ дѣлъ не оставитъ по востребованію губернскаго Правленія снабдить на сіе время потребными для переводовъ людьми по Правленіе или Управу Благочинія. „*Девятое*, Срокъ трехъ-недѣльный для разпоряженія домашнихъ дѣлъ „каждому высылаемому французу данной по третьей и пятой статьямъ сего указа имѣетъ считаться со дня объявленія ему о выѣздѣ; „въ паспортахъ же ихъ прописывать имяно чрезъ которыя мѣста „слѣдовать и во сколько времяни оставить границы Россійскія назначая оные безвобидно и по соображенію возможности. *Десятое*, Всѣмъ „подданнымъ НАШИМЪ запрещается ѣздить во Францію, или же имѣть „какое бы то нибыло сообщеніе съ французами въ отечествѣ „ихъ или же въ Арміяхъ ихъ пребывающими, до того времяни, „покуда съ возстановленіемъ устройства и законной власти въ „той землѣ не слѣдуетъ отъ НАСЪ разрѣшеніе. *Первонадцать*, „Запрещается вводить въ Россію вѣдомости, журналы и прочія періодическія сочиненія во Франціи издаваемыя. *Второнадцать*, Строжайше воспрещаемъ впускать какъ сухимъ путемъ, такъ „и водою въ Имперію НАШУ изъ за границъ французовъ, изключая тѣхъ „которые чужды быть нелюбовства своихъ соотчичей похотятъ жить „при исповѣданіи природной ихъ Христіанской вѣры подъ защитою НАШИХЪ законовъ; но и таковые не инако впускаемы быть должны „ствуютъ, какъ по свидѣтельству французскихъ Принцовъ и имянно „обѣихъ братьевъ покойнаго Короля, Графа Провансскаго и Графа Д' Артоа, „такожъ Принца Конде и по предварительномъ чрезъ ближайшихъ НАШИХЪ къ нимъ Министровъ изпрошеніи дозволенія НАШЕГО на пребываніе таковымъ въ Россію для вступленія въ службу, или же для художествъ и ремеслъ, съ тѣмъ что по вѣздѣ ихъ въ границы НАШИ „обязаны они учинить сказанное въ шестой статьѣ сего указа подъ „присягою отрицаніе„, Правительствующій Сенатъ Приказали: Для надлежащаго о семъ Высочайшемъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенія свѣдѣнія и должнаго исполненія объявить всенародно публичными указами. О чемъ симъ и публикуется.

Подлинный за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ февраля 14 дня 1793 года.

УКАЗ ЕКАТЕРИНЫ II ОТ 8 ФЕВРАЛЯ 1793 г. О ПОЛНОМ ПРЕКРАЩЕНИИ СНОШЕНИЙ РОССИИ С ФРАНЦИЕЙ

Страницы первая и последняя

Институт Маркса — Энгельса — Ленина, Москва

Перед отъездом из Парижа Симолин имел еще одну, прощальную, аудиенцию у короля, в присутствии министра иностранных дел, а у королевы—в присутствии многочисленного двора. «Их величества,—писал по поводу этой аудиенции Симолин 30 января 1792 г.,—тем не менее, были осведомлены, как публично, так и наедине, относительно уверений в дружбе и участии, о которых мне поручено было им передать от имени ее императорского величества, и были этим в высшей степени растроганы. Я могу сейчас только сообщить, что они смотрят на императрицу, как на ангела-хранителя, что питают к ней самое глубокое и полное доверие и души их всегда будут безгранично открыты для нее».

Поверенному в делах Новикову Симолин рекомендовал при своем отъезде «избегать, насколько возможно, всяких переговоров с теперешним французским министерством, ограничиваться получением сведений о самых важных событиях и давать об этом отчет нашему двору». Одновременно он передал Новикову и свои конспиративные связи, сообщив ему об именах своих тайных парижских агентов[88].

Донесения, присылавшиеся Симолиным из Вены, говорят о выполнении им поручения, данного Марией-Антуанеттой. Здесь Симолин имел продолжительную беседу с государственным канцлером, Кауницем, а затем получил аудиенцию у самого императора.

Кауниц высказался против проекта интервенции. Доводы Симолина он назвал «сетованиями и жалобами, которые он уже слышал» и на которые «невозможно ответить иначе, как общими местами»[89].

Скептическое отношение Кауница к возможной интервенции держав в целях восстановления Людовика XVI в его прежних правах разделяли и другие приближенные императора. «Господин де Кобенцль [вице-канцлер],—доносит Симолин 17 марта 1792 г.,—склонен думать, что если французы перейдут Рейн, в ту же минуту все деревни от Бонна до Базеля будут за них и объединятся, чтобы убивать князей, графов и дворян, которые попадутся им под руку».

В последовавшей затем аудиенции у императора Симолин, выполняя поручение королевы, повторил доводы, уже изложенные в беседе с Кауницем. Император соглашался, что задача революции заключается в «подкапывании всех тронов и низвержении всех монархий»[90]. Он выразил уверенность, что в случае, если Национальное собрание объявит войну Австрии, союз Австрии, Пруссии и Англии против Франции обеспечен. Но никаких определенных обещаний от императора Симолин не добился.

Преемник внезапно умершего Леопольда II, Франц II, также дал аудиенцию Симолину. Король обещал дать ответ королеве, с приложением к нему особого мемуара, который Симолин и должен был доставить через своих агентов в Париж. В конце переговоров Симолин получил от Кауница весьма неутешительный ответ: «Король и королева Франции не должны сомневаться в том участии, которое принимает король в их положении, и в его намерениях облегчить им его, но что сейчас им можно обещать только нечто неопределенное... что теперь можно было бы притти к соглашению, но невозможно определить, когда и как оно может быть осуществлено»[91].

Покончившая с монархией революция 10 августа в глазах Симолина—«гнусное событие», а ее деятели—«чудовища, вампиры, каннибалы». «Национальный конвент,—пишет Симолин,—будет, вероятно, состоять из бандитов, находящихся сейчас в Париже... Задачей его будет, вероятно, провозглашение низложения короля и правящей династии»[92].

Еще большее возмущение Симолина вызвали сентябрьские события 1792 г. «История тигров и антропофагов,—пишет он,—не дает столь варварских и диких сцен, и столь жестокая мстительность этих чудовищ требует отмщения со стороны всей Европы и истребительной войны с ее стороны, чтобы предохранить остальную часть человеческого рода от подобного безумия»[93].

В другом донесении Симолин приветствует декларацию английского правительства, в которой сообщалось, что те, кто будет замешан в насилиях над королем и королевской семьей, никогда не найдут убежища в государствах, подчиненных Великобритании. «Если бы великобританский двор,—пишет он по этому поводу,—обнаружил желание присоединиться к другим европейским государствам, эффект его выступления был бы более обеспечен»[94].

После казни короля Симолин становится заклятым врагом не только Французской революции, но и всей французской нации.

«Казнь короля,—пишет Симолин,—преисполнит Европу отвращением и ужасом по отношению к нации, достойной истребления, чтобы не оставалось ее имени, заставляющего содрогаться и леденящего кровь».

Приговор королю, вынесенный Конвентом, Симолин характеризует, как проявление «зверства и тирании»[95].

Сообщая о дальнейших событиях начала 1793 г., в частности, об успехах контрреволюционного движения в Бретани, Симолин добавляет: «Если бы этим повстанцам могли оказать поддержку извне, контрреволюция стала бы развиваться гораздо скорее, и преступлениям и злодеяниям партии цареубийц скоро был бы положен предел»[96].

Контрреволюционная роль царизма и его агента Симолина сказалась также в активности, проявленной русским послом в деле Дюмурье. Измена последнего приводит Симолина в восхищение. «В момент отправки курьера,—доносит Симолин,—я узнал, что г. Дюмурье с линейными войсками армии присоединился к армии принца Кобургского и составляет теперь ее авангард; что он арестовал комиссаров Конвента и отправил их, как пленных, в Маастрихт. Спешу передать вашему сиятельству эту важную новость и принести вам свои поздравления по поводу события, которое будет содействовать восстановлению порядка во Франции и спокойствия в Европе»[97].

Там же Симолин восторженно отзывается о Дюмурье, о его преданности «молодому королю и королеве, его матери, его твердом решении восстановить во Франции монархию». «Я не сомневаюсь,—пишет Симолин,—что относительно этого он охотно вошел бы в соглашение с союзными державами, чтобы восстановить старое правление».

К тому же донесению Симолин прилагает детально разработанный им проект сделки с Дюмурье в виде двух колонок. В левой колонке донесения он помещает: «То, что берет на себя выполнить г. Дюмурье» 1) «по отношению к Голландии и Нидерландам», 2) «по отношению к крепостям, которые союзные державы хотели бы осадить», и, наконец, 3) «по восстановлению монархии». Под этой последней рубрикой записано, что Дюмурье «воспользуется первым моментом, когда Францию охватит ужас под влиянием успехов союзных держав, чтобы ускорить усмирение, и, доказав всю невозможность сопротивления, употребит тогда все свое влияние, чтобы ускорить восстановление монархии в лице особы нынешнего короля».

В правой колонке Симолин предлагает проект тех обещаний, которые державы могли бы, со своей стороны, дать Дюмурье. Сюда входит амнистия для самого Дюмурье и всех лиц, которых он назовет, обещание назначения на любую высшую военную должность, ассигнование в его распоряжение такой суммы, «которая сможет ему обеспечить при всяком повороте событий независимое состояние и даст ему средства для подкупа нужных членов Конвента»[98].

Французские революционные власти не могли, конечно, не знать о контрреволюционной деятельности Симолина, в частности, о его сношениях с королевой, его внезапном подозрительном отъезде в Вену и т. д. На остававшиеся в Париже его вещи был наложен секвестр. Судьба этих вещей очень интересовала Симолина, весьма заботившегося о приумножении своего имущества. В ряде донесений он снова и снова возвращается к этому вопросу.

Приехав в Брюссель в начале августа 1793 г., Симолин узнал, что Парижский муниципалитет категорически отказался выпустить его лошадей и карету, после чего симолинский агент поспешил их продать. «Такой же отказ,—доносил Симолин,—дан относительно присылки мне моего платья и белья, в которых я очень нуждаюсь»[99].

В приложении к донесению от 28 апреля 1795 г. Симолин рассказывает, что, будучи в конце 1792 г. в Дюссельдорфе, он послал своего старого слугу-немца за своими вещами и серебром в Париж. Слуга прибыл в Париж, но выполнить поручение Симолина ему не удалось. Перед отъездом он явился в одну из секций за получением паспорта, где был арестован и препровожден в тюрьму. После 8—9-месячного заключения он был гильотинирован. В своем донесении Симолин проливает «крокодиловы слезы» по поводу потери «верного и неповинного слуги» («un domestique fidèle et innocent»), как будто не он сам дал этому слуге столь рискованное поручение.

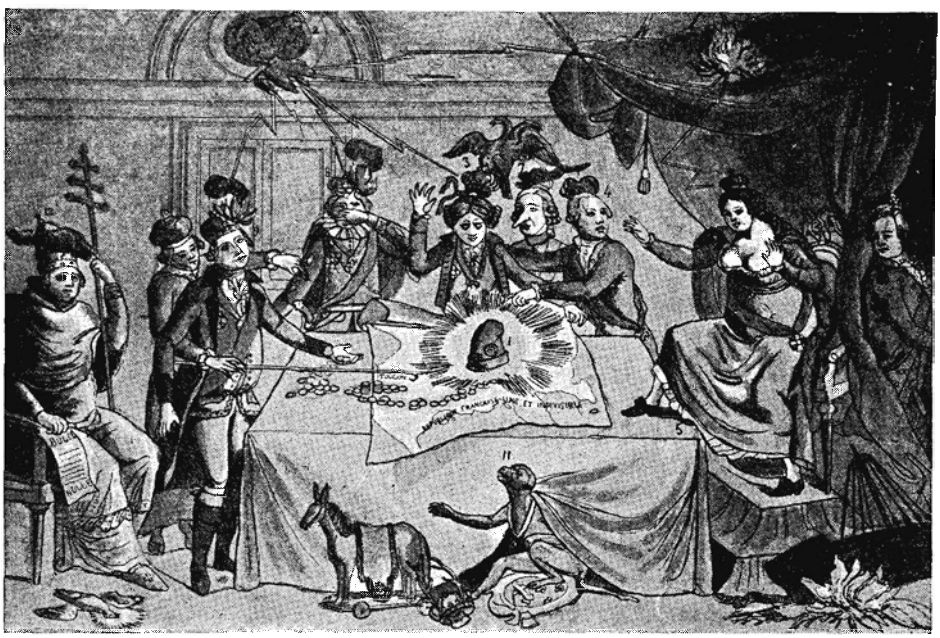
В этом же донесении Симолин жалуется, что, несмотря на его заявления и протесты, сделанные в свое время, его вещи и мебель, оставшиеся в Париже, были, на основании декретов Конвента, проданы с молотка. Оставалась лишь столовая посуда, находящаяся на хранении у одного банкира. Удовлетворились тем, что наложили на нее секвестр, вместо того, чтобы отправить ее на монетный двор. Симолин все еще надеется, что она будет ему возвращена. Ссылаясь на то, что Комитет общественного спасения официально признал, что международное право было нарушено в отношении собственности австрийского посольства, Симолин делал вывод, что «это право вдвойне нарушено по отношению к нему, поскольку между русской и французской нациями не было состояния войны».

На этом основании Симолин считал себя в праве требовать от Конвента справедливого вознаграждения за вещи, которые были проданы и не могут быть возвращены натурой. Но щекотливость положения заключалась в том, что, согласно инструкциям из Петербурга, Симолин не мог входить в какие бы то ни было сношения с революционным правительством. Однако, когда дело касалось его имущества, царский дипломат, отбросив в сторону всякую гордость, «умолял» Остермана получить для него от Екатерины II разрешение обратиться к Конвенту[100].

Изученные нами донесения Симолина показывают, что с конца 1791 г. царский посол в Париже стал надежным агентом по организации контрре-

волюционной политики Екатерины II в отношении Франции. Его робкое сочувствие созыву Генеральных штатов и некоторым актам Национального собрания, объясняемое его надеждами на скорое «умиротворение» страны и присоединение Франции к австро-русскому союзу, быстро испарилось под впечатлением взятия Бастилии и особенно похода парижских женщин на Версаль. Всякого рода революционные выступления «низов», плебейских элементов городов и крестьянства, были ему ненавистны с самого начала.

С дальнейшим ходом революционных событий отношение Симолина к революции становится все более и более враждебным, его отзывы не только



„КОНГРЕСС КОАЛИЦИОННЫХ ГОСУДАРЕЙ"

Французская карикатура времен образования первой коалиции (март—апрель 1793 г.).

Карикатура высмеивает попытку борьбы монархов с Французской республикой, символизированной изображением фригийского колпака, покрывающего карту Франции.

За столом: австрийский император, папа, Екатерина II, собирающаяся совершить „новый шаг" для захвата территории, короли сардинский, прусский, польский, португальский, английский и шведский. Из под стола вылезает Питт (в виде обезьяны) и топчет щит с бурбонскими лилиями

Исторический музей, Москва

о левых депутатах, но и о Собрании в целом—все более и более резкими. Весьма показательны в этом отношении его донесения, относящиеся к первой половине 1790 г., и предложение о мерах борьбы с распространением революционной заразы на другие государства. Вместе с тем, усиливается и его пессимистическое отношение к Франции, как к возможному союзнику царской России. Франция, по его мнению, надолго перестала играть какую-либо роль в концерте европейских держав.

Весной и летом 1791 г. Симолин работал над новым заданием своего двора: надо было добиться демонстрации готовности к войне французского флота, чтобы парализовать усилия английской и прусской дипломатии, поощрявшей турок к дальнейшему ведению войны. Осуществление

этой задачи, правда, не удавшееся, требовало от Симолина контакта с Монмореном и заставляло держаться в стороне от двора и его закулисной политики. Симолин не был посвящен в организацию побега короля и его семьи и лишь невольно стал пособником этого бегства, выдав дубликат вместо, якобы, утерянного паспорта г-жи Корф. Но эти события лета и осени 1791 г. только усилили его отрицательное отношение к революции.

Не получая, однако, своевременно инструкций из Петербурга, Симолин должен был одно время действовать на свой страх и риск. Это повело к тому, что в августе—сентябре 1791 г. его позиция в отношении официального французского правительства резко разошлась с планами императрицы. Вместе с Монмореном Симолин верил в искренность короля, утвердившего конституцию, и надеялся на возможность возвращения принцев-эмигрантов. Такой оборот дела, как будто, исключал необходимость разрыва дипломатических отношений и интервенции держав во Францию. Между тем, для Екатерины II вопрос о разрыве с революционной Францией был предрешен еще летом 1791 г. Осенью того же года она носилась с планом дипломатического и экономического бойкота революционной Франции, к которому надеялась привлечь и другие державы, хлопотала о примирении королевы с партией принцев, разрабатывала политическую платформу для эмигрантов, которые должны были организовать армию для вторжения во Францию, стремилась вовлечь в коалицию против Франции Австрию и Пруссию, имея в то же время и другую цель—обеспечить себе «свободу рук» в Польше. Польские дела, а раньше турецкая война не позволили Екатерине принять активное участие в военной интервенции во Францию.

После выговора, полученного от императрицы, Симолин резко меняет свою позицию. В начале декабря 1791 г. он уже сам становится убежденным и ярым сторонником интервенции. О Законодательном собрании он отзывается, как о «сборище преступников». 7 февраля 1792 г. Симолин покидает, под видом отпуска, Париж, но еще до своего отъезда он становится тайным доверенным лицом королевы. По пути из Парижа в Петербург он специально заезжает в Вену для передачи письма Марии-Антуанетты ее брату-императору и пытается склонить австрийское правительство к участию в интервенции во Францию. После казни Людовика XVI Симолин считал, что вся французская нация заслуживает лишь одного—истребления. Весной 1793 г. Симолин играет заметную роль в переговорах австрийского командования с изменником Дюмурье. Его донесения в целом дают весьма значительный и яркий материал, разоблачающий контрреволюционную роль правительства Екатерины II и ее политики в Париже в отношении Великой буржуазной революции во Франции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Дневник А. В. Храповицкого. 1782—1793 гг.», под ред. Н. П. Барсукова, СПБ. 1874, стр. 395 (запись от 17 и 24 апреля). Перевод: «У них нет патриотических пик». Я примолвил: «Ни красных колпаков».

[2] См. донесения от 20 июня, 29 июля, 1, 8, 11, 12 августа, 8 сентября, 16 и 22 декабря 1797 г. и от 4 января 1798 г. Все эти донесения в данном сборнике не публикуются. В дальнейшем указанием на то, что цитируемый или изученный документ не входит в настоящую публикацию, служат слова «не публ.», помещаемые в скобках непосредственно после приведения даты документа (всюду по новому стилю).

[3] См. «Переписка гр. Н. И. Панина с гр. П. А. Румянцевым».—«Русский Архив», 1882, кн. 3, стр. 18—19; «Письма гр. А. Р. Воронцова к Безбородко».—«Архив кн.

Воронцова», т. VIII, стр. 250; «Письма А. И. Моркова к кн. А. Р. и С. Р. Воронцовым».—Там же, стр. 231.

[4] Печатные материалы обычно направлялись Симолиным русскому послу в Вене кн. Д. М. Голицыну, который отправлял их дальше (см., напр., не публ. приложение к донесениям от 10 и 18 марта 1790 г. и публ. ниже приложение к донесению от 16 апреля 1790 г.). Иногда передача брошюр и газет доверялась ехавшим в Петербург лицам—скульптору Козловскому, французскому офицеру де Ванту (de Vente), отправлявшемуся на русскую службу, аббату Жиро, геометру Дарвалю и др. (см. не публ. приложения к донесениям от 27 июля, 1 октября, 20 октября 1790 г. и публ. ниже приложение к донесению от 26 янв. 1791 г.). В ГАФКЭ имеются отдельные номера и целые комплекты посылавшихся Симолиным в Петербург французских газет. Из брошюр полемического характера сохранились: «La cabale d'Orléans, ressuscitée et dévoilée par un bon citoyen» (приложена к донесению от 31 мая 1790 г.), «C'est un fait de nous. Par Marat» (приложена к донесению от 6 августа 1790 г.), «Le secret de la coalition des ennemis de la Révolution française» (приложена к донесению от 14 марта 1791 г.) и другие. Часть печатных материалов, прилагавшихся к донесениям Симолина, хранится в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

[5] См. приложение к донесению от 16 августа 1792 г. (не публ.) и донесение от 9 октября 1789 г.

[6] Донесения агентов от 13, 18 марта, 14 мая 1792 г. Донесения агентов (все они не имеют подписи) хранятся в ГАФКЭ в отдельной обложке с заголовком «Bulletin de Paris» (к. 54).

[7] См. приложения к донесениям от 5 и 18 апреля 1793 г. (не публ.).

[8] См. донесения от 1 и 17 марта 1792 г.

[9] Ранее были напечатаны следующие донесения Симолина:

I. От 13 июля 1789 г. и приложение к этому донесению.—Людовик XVI приглашает Бретёйля войти в министерство.—В собрании документов «Louis XVI, Marie-Antoinette et madame Elisabeth. Lettres et documents inédits publiés par Feuillet de Conches», P., 1864, v. I, pp. 229—232. (По пагинации другого издания этого сборника того же 1864 г.—pp. 221—224).

II. От 17 июля 1789 г.—Наступление революции, Ibid., p. 236 (227—228).

III. От 19 июля 1789 г.—Взятие Бастилии, Ibid., pp. 476—481 (455—460).

IV. От 19 октября 1789 г.—Об участии герцога Орлеанского в подготовке восстания в Париже 15 июля и 5 и 6 октября и о беседе с ним по этому поводу Людовика XVI. Ibid., pp. 279—280 (266—268).

V. От 16 июля 1790 г.—О празднике Федерации, Ibid., pp. 346—347 (329—330).

VI. От 27 июля 1790 г.—Возвращение герцога Орлеанского из Лондона, Ibid., pp. 350—351 (332—333). Донесение ошибочно датировано здесь 23 июля.

VII. От 27 октября 1789 г.—Выступление Мирабо по продовольственному вопросу, Ibid., pp. 482—483 (461—462).

VIII. От 1 апреля 1791 г.—О политике России по отношению к Франции, сравнение ее с политикой Англии и Пруссии, об агенте прусского короля Эфраиме, о Мирабо, Ibid., v. II, p. 24.

IX. Приложение к донесению от 4 апреля 1791 г.—Смерть Мирабо, Ibid., v. II, p. 31.

X. От 18 июля 1791 г.—Восстание в Париже, слухи о возможном преемнике Людовика XVI.—Ibid., v. II, p. 173.

XI. От 19 августа 1791 г.—Характеристика эмигрантов, Ibid., v. II, p. 23 (опубликован лишь отрывок).

XII. От 27 июля 1790 г.—О русских, проживающих в Париже. В книге: В. кн. Николай Михайлович, Граф Павел Александрович Строганов. 1774—1817. Историческое исследование эпохи императора Александра I, т. I, СПБ. 1903, стр. 231—233 и стр. 70 (опубликовано на французском яз.).

XIII. От 19 июля 1789 г.—О взятии Бастилии—и приложенный к этому донесению «Журнал событиям, совершившимся в Париже с 11-го по 17 июля 1789 г.».—«Русский Архив», 1875, кн. 2, стр. 410—416 (опубликовано в переводе).

XIV. От 27 октября 1789 г.—Предложение корсиканцев русскому правительству о присоединении Корсики к России, Ibid., стр. 417 (опубликовано в переводе).

XV. От 27 июня 1791 г. и приложенная к донесению копия письма Симолина к Монморену от 25 июня 1791 г.—О баронессе Корф и ее содействии побегу Людовика XVI из Парижа в 1791 г.—«Русский Архив», 1866, кн. 4, стр. 800 (опубликовано в оригинале и в переводе).

Наконец, несколько донесений Симолина, а также депеш Остермана Симолину и других документов в отрывках было использовано еще в некоторых исторических работах, вышедших во Франции.

Из всех этих ранее напечатанных (весьма неполно и неисправно) донесений мы считали необходимым включить в настоящую публикацию, ввиду их большого интереса, донесения №№ III (XIII), VII, VIII, IX, X, XII и XV нашего списка.

[10] Донесение от 9 октября 1789 г.

[11] См., напр., приложения к донесениям от 1 мая и 13 июля и донесение от 9 октября 1789 г.

[12] См. публикуемые ниже донесение от 19 июля 1789 г. и приложение к донесению от 27 июня 1791 г.

[13] О беседах Симолина с Монмореном во время дипломатических приемов послов см. в донесениях Симолина за 1789 г.: от 16 (не публ.) и 23 января, 6, 13 февраля (не публ.), 25 марта (не публ.), 1 мая (не публ.), 4 июня (не публ.), 10, 24 июля (не публ.), 17 августа (не публ.), а также в приложениях к его донесениям от 13 марта, 11 сентября (не публ.), 30 октября (не публ.), 13, 27 ноября (не публ.); за 1790 г.: в приложении к донесению от 8 января (не публ.), в донесениях от 22 января (не публ.), 3, 19 апреля, 13 декабря; за 1791 г.: в донесениях от 15 августа (не публ.), 30 сентября (не публ.). В приложении к донесению от 22 августа 1791 г. (не публ.) и в донесении от 19 сентября того же года Симолин сообщает, что воздерживается от официальных сношений с Монмореном.

[14] См. приложение к донесению от 19 июля 1790 г., донесения от 9 и 23 мая и 3 июня 1791 г. и донесение от 27 января 1792 г. (все не публ.).

[15] См. донесения от 17 октября (не публ.) и 9 декабря 1791 г.

[16] См. донесения от 4 июня 1790 г. и 10 апреля 1795 г. (не публ.).

[17] См. приложение к донесению от 8 июля 1791 г.

[18] См. донесения от 1 апреля и 27 мая 1791 г.

[19] См. приложение к донесению от 30 апреля 1790 г. (не публ.).

[20] См., напр., донесение от 26 января 1791 г. В то же время Симолиным велись переговоры относительно выписки для нужд русской промышленности некоторых французских машин.

[21] См. донесения от 1 (не публ.) и 18 апреля (не публ.), 4 июля 1789 г. (не публ.), 6 (не публ.), и 31 декабря (не публ.) и 24 октября 1790 г. (не публ.) и 26 января 1791 г.

[22] Австрия уже состояла в союзе с Россией.

[23] См. донесения от 9 марта и 19 июля 1789 г.

[24] См. донесения от 1 апреля, 27 и 30 мая 1791 г.

[25] Сталин И., Жданов А., Киров С., Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР».—«Правда» от 27 января 1936 г.

[26] Сорель А., Европа и Французская революция, СПБ. 1892—1908, т. III, стр. 242—243.

[27] «Дневник А. В. Храповицкого», запись от 29 июля 1789 г., стр. 299.

[28] Цитируем письмо в переводе с французского текста, опубликованного в «Сборнике Имп. Русского Исторического Общества», СПБ. 1885, т. 42, стр. 97.

[29] «Mémoires, souvenirs et anecdotes par M. le Comte de Ségur». Edition Barrière, P., 1859, II, 170; Сорель А., Европа и Французская революция (русск. пер.), СПБ. 1892—1908, т. II, стр. 183. Интересные сведения о влиянии Французской революции на различные слои русского общества содержатся в донесениях французского поверенного в делах в Петербурге, Жене. Тексты этих документов, перлюстрированные в Петербурге, хранятся в ГАФКЭ, Фонд «перлюстраций».

[30] ГАФКЭ, Отд. I, X, № 87-bis и Отд. II, фонд № 148, IX, № 68.

[31] Заключение мира с Швецией (14 августа 1790 г.) и с Турцией (11 августа 1791 г.—подписание прелиминарных условий, 9 января 1792 г.—подписание Ясского мира) развязывало Екатерине руки в отношении Франции, хотя именно Французская революция, помешавшая присоединению Франции к австро-русскому союзу, в значительной мере воспрепятствовала Екатерине II пожать все плоды этих двух войн.

[32] «Сборник Имп. Русского Исторического Общества», т. 42, СПБ. 1885, стр. 180—181. См. также стр. 188.

[33] Ibid., стр. 202, «Две записки Екатерины II по французским делам».—Пильницкий договор между Фридрихом-Вильгельмом II и Леопольдом II (27 августа 1791 г.), повидимому, был уже известен Екатерине.

[34] См. письмо Екатерины II к гр. П. Зубову о разговоре ее с маркизом де Бомбелем (Bombelles) о мерах к восстановлению королевской власти во Франции.—Ibid., стр. 194—195: «J'ai dit... qu'il étoit difficile d'aider quand on ne s'aidait pas soi même, que d'agir avec les forces d'autrui était le plus grand des malheurs»—говорится в конце письма.

[35] «Дневник А. В. Храповицкого», запись от 14 декабря 1791 г., стр. 386. Перевод французской фразы: «Есть причины, которых нельзя сказать; я хочу впутать их в дела, чтобы иметь свободные руки».

[36] Сорель А., Европа и Французская революция, СПБ. 1892—1908, т. II, стр. 292.

[37] «Сборник Имп. Русского Исторического Общества», т. 42, СПБ. 1885, стр. 209 (письмо Екатерины II к Зубову).

[38] Ibid., стр. 208.

[39] Ibid., стр. 209—210 (собственноручная записка Екатерины II о средствах противодействия Французской революции—осень 1791 г.).

[40] ГАФКЭ. Фонд «государственного архива», к. 51, л. 265.

[41] ГАФКЭ. Фонд «Сношения России с Францией», III—Paris, «dépêches-expédition», л. 56—«Projet de lettre du vice-chancelier comte d'Ostermann à M-r de Simolin».

[42] См. «Rapport fait à Assemblée nationale par M. Montmorin, ministre des affaires étrangères, le 31 oct. 1791», опубликованный в «Gazette Nationale ou le Moniteur Universel», 1791, №№ 309, 311. Об отношении Екатерины II к королевскому обращению к народу от 28 сентября 1791 г., содержавшему лицемерный призыв к всеобщему единению на почве принятой конституции и приглашение эмигрантов вернуться во Францию, можно судить по ее ироническим пометкам на полях этого документа, пересланного в Петербург Симолиным. См. «Proclamation du Roi du 28 septembre 1791» (приложена к донесению от 30 сентября 1791 г.).

[43] ГАФКЭ. Фонд «Сношения России с Францией», III—Paris, «dépêches-expédition» за 1791 г., л. 65—депеша от 3 декабря.

[44] ГАФКЭ. Фонд «коллегии иностранных дел». «Дело о высылке из России французского поверенного в делах Женета» от 1792 г.

[45] ГАФКЭ. Отд. I, IV, № 139.

[46] ГАФКЭ. Фонд «перлюстраций». Донесения Жене от 3 декабря 1789 г. и от 8 декабря 1791 г.

[47] ГАФКЭ. Отд. I, IV, № 139.

[48] См. донесения от 22 июня (не публ.), 17 августа (не публ.) и 13 июля 1789 г. (не публ.) «Мунье,—сообщает Симолин в последнем донесении,—прочел превосходный доклад, где он, определив с большой точностью слово «конституция», которому дают столь разнообразное толкование и значение, и различая правительства, действующие произвольно (gouvernement de fait), от правительств, основанных на конституции, приходит к выводу, что Франция не вполне лишена основных законов, способных дать материал для конституции. Что главным образом встретило одобрение,—это вступление, располагающее умы потрудиться над великим делом создания конституции с чувством умеренности, любви и мира».

[49] См. донесение от 4 июля 1789 г. (не публ.).

[50] Приложение к донесению от 20 сентября 1789 (не публ.) и приложение к донесению от 28 января 1790 г.

[51] См. приложение к донесению от 13 июля 1789 г. и донесение от 19 июля 1789 г.

[52] И не только для нее: дни 13—14 июля внушили страх перед народными массами Парижа даже либеральной буржуазии.

[53] См. донесение от 24 сентября 1790 г. (не публ.).

[54] См. приложение к донесению от 26 марта 1790 г. (не публ.).

[55] См. донесение от 15 марта 1790 г. (не публ.).

[56] См. приложение к донесению от 26 марта 1790 г.

[57] См. приложение к донесению от 24 мая 1790 г.

[58] См. ГАФКЭ. Фонд «Сношения России с Францией», III—Paris, «dépêches-expédition» за 1790 г.—депеша от 4 июня.

[59] Два списка проживающих в Париже русских приложены к донесению Симолина от 27 июля 1790 г. (см. ниже). Эти списки интересны с точки зрения социального состава тогдашней русской колонии в Париже.

[60] См. донесение от 27 июля 1790 г.

[61] См. донесение от 25 июня 1790 г. (не публ.).

[62] Пометка на листе 133 (к. 48).

[63] Ряд интересных подробностей по истории этого бегства дает работа Lenotre (G.), Le drame de Varennes. Juin 1791. D'après des documents inédits... etc., P., 1905, а также новейший труд Vingtrinier (E.), Histoire de la contre-révolution. Première période (1789—1791), P., 1924—1925, т. I—II. См. также более раннюю обстоятельную работу—Fournel (Victor), L'événement de Varennes, P., 1890. Фурнель доказывает, что Монморен знал о более раннем плане переезда короля из Парижа в провинцию, разработанном в феврале 1791 г. Мирабо. Но, одновременно, Фурнель подчеркивает, что Монморен был в неведении относительно «окончательного плана», составленного Ферзеном, «так как король боялся скомпрометировать своего министра» (Fournel, pp. 45, 82). См. также цитируемое Фурнелем письмо Марии-Антуанетты к Леопольду II (от 22 мая 1791 г.), в котором королева сообщает, что о плане побега знают лишь

два француза (Bouillé и Breteuil) и еще одно лицо, занятое приготовлениями к бегству, т. е. Ферзен (ibid., p. 48). Слухи о замышляемом двором бегстве короля распространялись еще в 1790 г. (см. «Annales Historiques de la Révolution Française», novembre-décembre 1936, p. 552 — заметка об одном документе, хранящемся в Национальном архиве).

[64] См. донесение от 27 июня 1791 г.

[65] Op. cit., vol. II, p. 539.

[66] Лависс и Рамбо, Всеобщая история, т. VIII, М., 1903, стр. 343.

[67] Lenotre (G.), op. cit., p. 54. В словаре «Larousse» под словом «Simolin» читаем: «Это он добыл для королевы Марии-Антуанетты паспорт на имя баронессы Корф и заставил графа Монморена, тогдашнего министра иностранных дел, дать свою подпись на этом документе».

[68] Копия письма Симолина к Монморену приложена к донесению от 27 июня 1791 г.

[69] См. приложение к донесению от 23 июня 1791 г.

[70] «Le comte de Fersen et la cour de France». Extraits des papiers. Publié par de Klinckowström, t. I, P., 1877, pp. 84—85. Ферзен в трех различных письмах говорит, что о «предприятии» знают только четверо французов (см. еще pp. 96, 113).

[71] «La Révolution et l'Emigration». Publié par de Barante, P., 1929, t. II, p. 22.

[72] О Монморене см. еще Goetz-Bernstein, La diplomatie de la Gironde, J.-P. Brissot. P., 1912.

[73] Vingtrinier (E.), op. cit., v. I, pp. 143—144, v. II, p. 147.

[74] См. приложение к донесению от 8 июля 1791 г.

[75] См. приложение к донесению от 29 августа 1791 г.

[76] См. приложение к донесению от 8 июля 1791 г.

[77] «Проект письма вице-канцлера графа Остермана господину Симолину от 31 июля 1791 г.». Это письмо приводится в примечании у Lenotre (op. cit., p. 56), но последний не делает из него никаких выводов. См. полный текст письма ниже, в настоящей публикации, стр. 489—490.

[78] См. приложение к донесению от 19 сентября 1791 г.

[79] См. приложение к донесению от 12 сентября 1791 г.

[80] См. приложение к донесению от 16 сентября 1791 г.

[81] Резолюция Екатерины II на донесении от 19 августа 1791 г. (не публ.).

[82] «Русский Архив», 1878, кн. 10, стр. 195. О связи Симолина с бывшим епископом Отёнским—Талейраном см. ниже, в донесении от 1 апреля 1791 г.

[83] См. донесение от 3 августа 1791 г. Возможно, что в данном донесении Симолин сообщает с запозданием все о том же плане шведской интервенции, который был задуман и тщательно разрабатывался Ферзеном еще задолго до бегства в Варенн (см. «Le comte Fersen», op. cit., т. I, p. 82).

[84] См. донесение от 9 декабря 1791 г.

[85] См. «dépêches-expédition» за 1791 г., отпуски депеш от 31 июля и 3 дек. (лл. 56, 74).

[86] Копии письма королевы ее брату и ее же записки князю Кауницу приложены к донесениям Симолина от 11 февраля 1792 г. Письмо Марии-Антуанетты к Екатерине II (от 3 декабря 1791 г.), о котором упоминает Симолин в донесении от 22 декабря 1791 г. (2 января 1792 г.), приводится в настоящей публикации. Оно разоблачает поведение короля, принявшего для виду конституцию и официально оповестившего об этом через Монморена европейские державы и в то же время подстрекавшего иностранные дворы к интервенции.

[87] См. донесение от 11 февраля 1792 г.

[88] См. донесение от 30 января 1792 г.

[89] См. донесение от 1 марта 1792 г.

[90] См. донесение от 1 марта 1792 г.

[91] См. донесение от 17 марта 1792 г.

[92] См. донесение от 16 августа 1792 г. (не публ.).

[93] См. донесение от 10 сентября 1792 г. (не публ.).

[94] См. приложение к донесению от 24 сентября 1792 г. (не публ.).

[95] См. донесение от 27 января 1793 г. (не публ.).

[96] См. донесение от 5 апреля 1793 г. (не публ.).

[97] См. приложение к донесению от 5 апреля 1793 г. (не публ.).

[98] Там же.

[99] См. приложение к донесению от 3 августа 1793 г. (не публ.).

[100] См. донесение и приложение к донесению из Франкфурта от 28 апреля 1795 г. и приложение к нему (не публ.). См. еще приложение к донесению от 16 декабря 1793 г. (не публ.), из которого узнаем, что все дома, векселя и вещи испанского и голландского послов были также конфискованы.

ДОНЕСЕНИЯ И. М. СИМОЛИНА ЗА 1789—1792 гг.

Перевод текстов Е. Александровой, редакция О. Старосельской

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Публикуемые донесения русского посла в Париже И. М. Симолина о Французской революции 1789 г. хранятся в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ, Москва), отд. II (Московский главный архив министерства иностранных дел), фонд № 148 («Сношения России с Францией»), рубрика III («Paris»).

Документы этой части фонда (III, «Paris»), хранящиеся в нумерованных картонах, объединены в хронологическом порядке в следующие группы:

1. «Rapports en cour»—донесения Симолина Екатерине II.
2. «Dépêches-réception»—донесения Симолина вице-канцлеру гр. И. А. Остерману.
3. «Dépêches-expédition»—депеши вице-канцлера гр. И. А. Остермана Симолину.
4. «Correspondance avec le ministère»—письма Симолина к гр. А. А. Безбородко.
5. «Rescrits»—рескрипты Екатерины II.

Указания на эти группы, а также на №№ картонов, нумерацию листов приводятся в нашей публикации непосредственно за документом, мелким шрифтом, с применением следующих сокращений: D. R.—«Dépêches-réception»; к.—картон; л.—лист.

Донесения Симолина Остерману имеют поставленные в левом верхнем углу старые делопроизводственные №№, на которые ссылается иногда сам Симолин (напр., в донесениях от 13 июля 1789 г. и 16 июля 1791 г.). Эти №№ сохранены в публикации. Не имеют №№ донесения об особо важных делах (напр., донесения от 4 июня и 18 октября 1790 г. о подкупе Симолиным чиновника французского департамента иностранных дел и о переговорах с секретным агентом), а также частные письма Симолина с просьбами о вознаграждении, пожаловании земли и др. (напр., письма от 17 августа и 25 октября 1790 г.). Такого характера донесения и письма, по установившемуся в дипломатической практике обыкновению, не принято было нумеровать, чтобы не смешивать их с другими.

В правом верхнем углу донесений обозначались место отправления и двойная дата (старого и нового стиля). В подавляющем большинстве своем донесения имеют приложения («apostilles»), в которых сообщались сведения, полученные уже после переписки набело основного донесения. Некоторые донесения имеют по два приложения (напр., от 20 мая 1791 г.), а иногда, в особо напряженные моменты, и более (донесение об измене Дюмурье от 5 апреля 1793 г.). Приложения помечались всегда № и датой основного донесения (ставились внизу слева от подписи). Но, в отличие от этих последних, приложения не имеют обращения, а распространенная подпись заменяется латинской эпистолярной абревиатурой: «Ut in litteris» («так же, как в письме»). Текст всех донесений и приложений к ним написан по-французски.

Все донесения и приложения к ним снабжены собственноручной подписью Симолина: под донесениями к Остерману—J. Simolin, под донесениями к Екатерине II—Jean Simolin. Последние написаны собственноручно Симолиным; его же рукой написаны и наиболее секретные сообщения, переписка которых не могла быть доверена секретарям (напр., донесение от 17 августа 1790 г. о переговорах с конфидентом и о вознаграждении его).

Значительное количество донесений и приложений к ним зашифровано. Расшифровка их производилась в коллегии иностранных дел в Петербурге, на листах

самих донесений, между строками цифрового шифра. В зашифрованном виде посылались донесения о дипломатических переговорах, сообщения о международных делах, добытые нелегальным путем, через секретного агента, сведения о сношениях Монморена с французскими послами в других государствах и др. (напр., донесения от 10 апреля, 1 мая, 4 июня 1789 г., приложение к донесению от 3 января 1791 г.). Шифрованы также некоторые сообщения об особо важных событиях, например, об аресте короля после его бегства в Варенн (приложение к донесению от 23 июня 1791 года). Расшифрованный французский текст донесений содержит много орфографических погрешностей.

Донесения и приложения к ним снабжены пометами на полях и оборотах листов. На полях обычны пометы ./. и ././., какими отмечались получения посланных вместе с донесениями газет, брошюр и др. материалов. Эти пометы в публикации не отмечаются. На обороте каждого донесения помечалась дата его получения коллегией иностранных дел в Петербурге. Эта дата (старого стиля) приводится в нашей публикации непосредственно вслед за указанием архивной рубрики.

Приложения к донесениям имеют помету: «получено с письмом г. Симолина №.....год.....». Эта помета в публикации не отмечается.

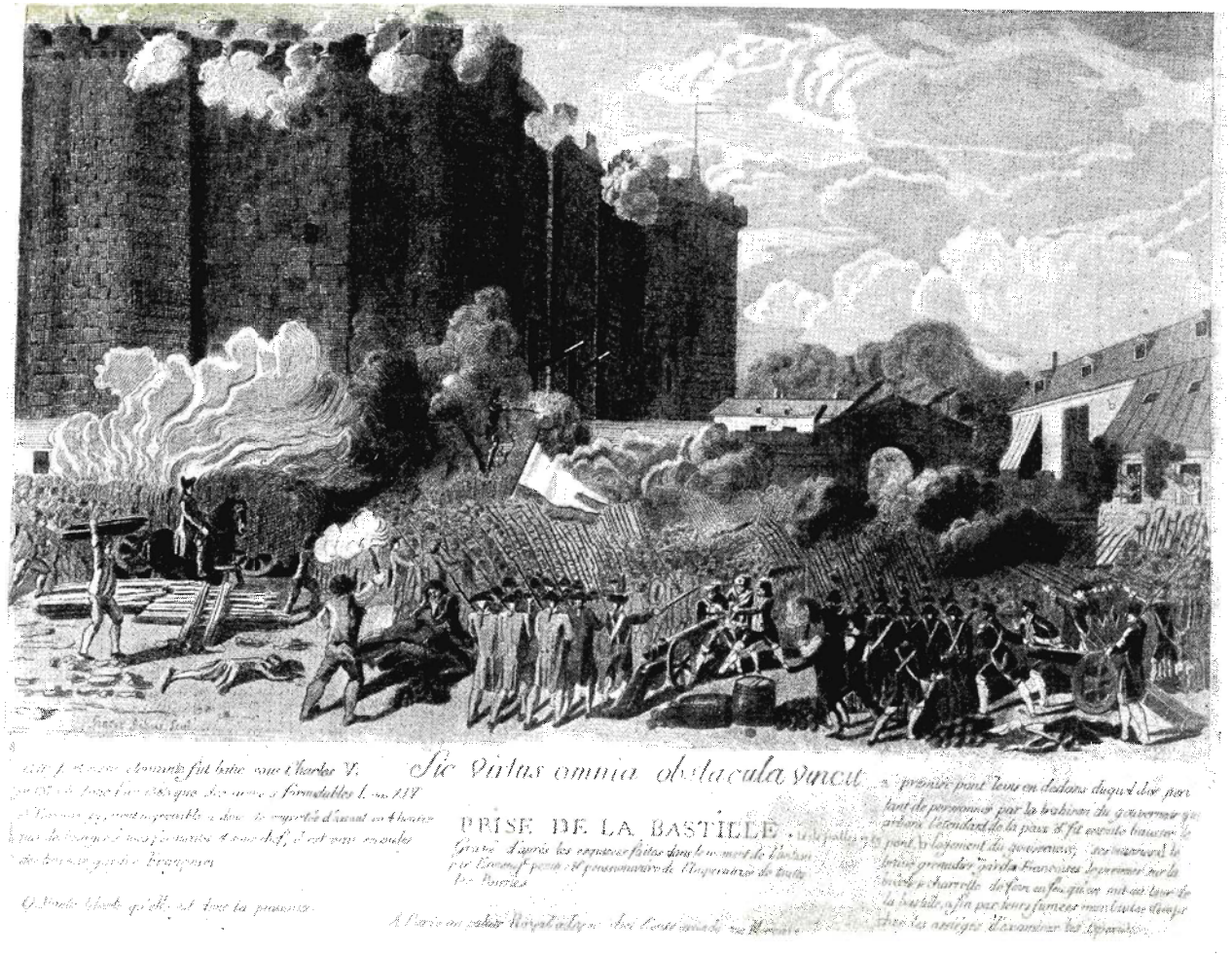
Некоторые донесения снабжены пометами и резолюциями Екатерины II как на полях самих донесений, так и на отдельных приложенных к донесениям записках. Так, например, Екатерина II ставит «nota bene» на полях донесения от 22 марта 1790 г. против сообщения об основании Клуба пропаганды. На полях донесений, уведомляющих о посылке пакетов с прессой, имеются ее пометы: «еще не получено» (20 октября 1790 г.), «не получила» (14 октября 1791 г.). К донесению от 19 августа 1791 г. об аббате Луи приложена отдельная записка Екатерины II (донесение частично опубликовано в издании Feuillet de Conches, т. II, стр. 23, но записка, относящаяся к неопубликованной части текста, опущена). На донесении от 1 апреля 1789 г., в котором Симолин рекомендует на русскую службу инженера и географа Baltus de Varimont, имеется помета Екатерины II: «принять» и др. Все пометы и резолюции Екатерины II приводятся или оговариваются в примечаниях.

К донесениям прилагались и хранятся вместе с ними многочисленные рукописные и печатные материалы: письма иностранцев, обращавшихся по разным делам к Симолину (напр., к донесению от 4 июня 1790 г. приложено письмо американского адмирала Поля Джонса, к письму от 18 апреля 1789 г.—письмо Бугэнвиля, рекомендовавшего на русскую службу лейтенанта Margouet, к донесению от 15 октября 1790 г.—письмо вдовы Жан-Жака Руссо, Терезы Руссо, к Екатерине с просьбой о пенсии), копии дипломатических бумаг, среди них переписка Монморена с французскими представителями в Константинополе, Дании, Стокгольме (донесения от 4 июня, 17 августа, 24 и 29 ноября 1790 г., 23 января 1791 г. и др.). Среди рукописных приложений имеются также разные другие письма, проекты, записки и т. д. Напр., к донесению от 27 октября 1789 г. приложено предложение группы корсиканцев о присоединении Корсики к России (опубликовано в «Русском Архиве», 1875, кн. 8), к донесению от 30 октября 1789 г. приложена копия письма шведского короля к принцу Конде о предоставлении ему убежища и др.

Из печатных изданий, прилагавшихся к донесениям Симолина, сохранилась лишь часть (117 названий из 478 значащихся присланными). Среди них имеется ряд редких брошюр и газет (напр., майские номера «Gazette de Paris» за 1790 г.).

Все рукописные и печатные приложения к донесениям указываются в примечаниях, незначительная часть их публикуется.

Е. Александрова



ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ

Гравюра Женто-сына по зарисовкам художника Ивана Ерменева, очевидца события

Эрмитаж, Ленинград

ПИСЬМО ОТ 5 ЯНВАРЯ 1789 г. ГРАФУ А. А. БЕЗБОРОДКО

[*Без №*]

Париж, $\frac{\text{25 декабря 1788 г.}}{\text{5 января 1789 г.}}$

Милостивый государь[1],

Мне крайне неприятно, что я поставлен в тяжелую необходимость изложить вашему сиятельству дело, которое причинило мне и продолжает причинять большие затруднения.

В августе месяце 1785 г. приехал сюда майор Розен, адъютант светлейшего князя Потемкина-Таврического, и вручил мне письмо от 24 мая, в котором его светлость пишет мне, что на г-на Розена им возложены различные поручения, для выполнения которых ему понадобится моя поддержка. При этом он рекомендовал мне этого офицера, как человека достойного, состоявшего при нем в течение нескольких лет и которым он имеет все основания быть весьма довольным.

Выполнив его поручения и представив его светлости отчет, Розен ждал пять месяцев ответа и обещанной ему, по его словам, высылки денег для расчета по этим поручениям, чтобы выехать обратно в С.-Петербург. Поскольку его ожидания оказались напрасными и он увидел, что его дальнейшее пребывание здесь только увеличивает сделанные им долги, он обратился ко мне с просьбой выручить его из этого затруднения и достать ему восемь тысяч турских ливров[2] для расплаты здесь и на обратное путешествие, обязуясь уплатить по своему векселю в четырехмесячный срок.

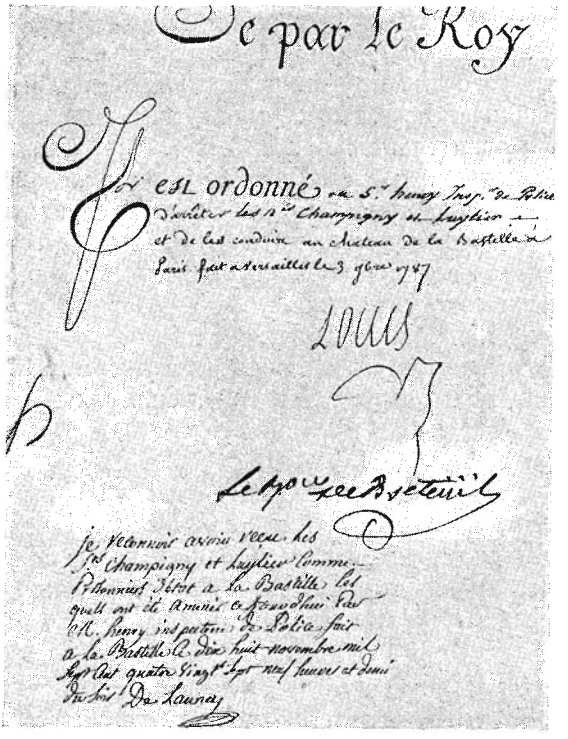
Мне было лестно ответить на обращение ко мне его светлости и оказать ему приятную услугу, и я обратился в банкирский дом гг. Риллие и К°, чтобы получить от него в ссуду упомянутые восемь тысяч ливров, причем я поручился за то, что они будут уплачены. Г-н Розен дал вексель на указанную сумму, подлежавший оплате в С.-Петербурге через четыре месяца. Гг. Риллие переслали этот вексель барону Сутерланду для получения денег по нему, но выплата не была произведена, г. Розен уехал с его светлостью в Тавриду, и вексель был возвращен в Париж. С этого момента вышеупомянутый банкирский дом Риллие беспрестанно надоедал мне и требовал погашения ссуды со всеми наросшими за истекшее время процентами. Видя, что все принятые мною меры остаются бесплодными и мне даже не ответили, я должен был, для сохранения своего кредита в этой стране и для прекращения неприятных домогательств, решиться изыскать средства, чтобы удовлетворить упомянутый банкирский дом. В начале августа месяца я взял обратно вексель г. Розена и свое гарантийное письмо, уплатив основную сумму в восемь тысяч ливров и девятьсот сорок ливров процентов, начисленных по день уплаты. Но, чтобы достать эти деньги, я вынужден был прибегнуть к содействию ломбарда (Mont de Piété)[3], где берут десять процентов, не считая прочих накладных расходов, при этом, если в конце года вещи не будут выкуплены или снова не будут уплачены проценты, то вещи будут проданы для погашения долга, что сопряжено с большим убытком для получившего ссуду.

Все вышеизложенное дает вашему сиятельству представление о том исключительно затруднительном положении, в котором я нахожусь и из которого не вижу возможности выйти без вашей помощи и участия. Потому я умоляю вас довести это дело до сведения нашей августейшей го-

„LETTRE DE CACHET“
(КОРОЛЕВСКИЙ ПРИКАЗ ОБ АРЕСТЕ)
ОТ 3 НОЯБРЯ 1787 г.

Подписан Людовиком XVI и де Бретёйлем; внизу расписка коменданта Бастилии Делонэ в приеме арестованных

Исторический музей, Москва



сударыни и просить ее проявить в отношении меня справедливость и великодушие, тем более, что г. Розен не в состоянии уплатить своего долга, и я не знаю, жив ли он и где его искать. Я должен буду впредь воздерживаться от оказания услуг кому бы то ни было, ввиду того, что был подвергнут стольким неприятностям, помогая в неотложной нужде человеку, рекомендованному мне таким высокопоставленным лицом.

Осмеливаюсь еще заметить вашему сиятельству, что если я не погашу долга в ломбарде в назначенный срок, я потеряю заложенные там вещи и что к восьми тысячам девятистам сорока ливрам, выплаченным банкирскому дому Риллие и К°, надо прибавить еще проценты в ломбард с 1 августа 1788 г. Я умоляю ваше сиятельство удостоить меня благоприятным ответом и быть уверенным в моей живейшей признательности за оказанную мне услугу; за нее я могу заплатить только почтением и ненарушимой верностью, с которою имею честь быть навсегда с почтительнейшею преданностию вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

P. S. Осмеливаюсь приложить к сему запечатанный пакет, адресованный ее императорскому величеству, с ответами на письма, которые императрица соблаговолила собственноручно подписать.

Через курьера Литвинова, которому вручены мои сегодняшние депеши, я беру на себя смелость передать императрице счет на чрезвычайные расходы за 1788 г. Я осмеливаюсь умолять ваше сиятельство оказать мне содействие в том, чтобы эти деньги были мне возможно скорее высланы, ввиду того, что мне приходится платить проценты за деньги, выданные мною авансом двум курьерам—Константинову и Литвинову. Я не говорю

ей о чрезвычайной дороговизне жизни в этой стране и о недостаточности средств для существования здесь. Небывалые, совершенно беспримерные холода, непрерывно продолжающиеся уже пять недель, поднимают со дня на день цены на продукты и другие предметы, и многое уже начинает исчезать с рынка, как, например, уголь.

Правительство распорядилось привозить муку издалека, несмотря на большие издержки, чтобы не было недостатка в этом необходимом продукте в столице, где хлеб уже вздорожал.

В среду в восемь часов утра было 17 градусов ниже 0, а раньше температура неоднократно спускалась до 13 и 14 с половиной. Сена уже 4 недели тому назад замерзла от Парижа до Руана.

Количество рабочих, не имеющих работы, а следовательно, и хлеба, неисчислимо, а широкая благотворительность правительства и частных лиц недостаточна для облегчения их нужды. Ut in litteris.

И. Симолин

P. S. Г-н Козловский[4], скульптор императрицы, вручил мне прилагаемую записку для передачи ее императорскому величеству[5]. В ней содержится предложение, приводящее его в восторг, так как он считает, что ничего нет прекраснее и совершеннее двух статуй, о которых идет речь. Ut in litteris.

И. Симолин

На донесении имеется помета на русском языке:

О переводе к г. Симолину упоминаемых тут 8940 ливров сообщено С. Ф. Стрекалову[6] генваря 15.

Correspondance avec le ministère, к. 45, л. 25. Дата получения неизвестна.

[1] Письмо адресовано графу (позднее князю) Александру Андреевичу Безбородко (1747—1799), второму члену коллегии иностранных дел (1784—1797), докладчику Екатерине II по важнейшим вопросам внешней политики (до 1792 г.). Безбородко был фактическим руководителем внешней политики России во вторую половину царствования Екатерины II; с 1797 г.—канцлер.

[2] Монета турского образца (4/5 парижского ливра) с 1667 г.—счетная единица.

[3] Ломбарды «Mont de Piété» (дословно «благочестивый процент») существовали во Франции с 1626 г., в Париже с 1640 г. Первоначально цель их была действительно «благочестивой», так как ссуда под залог движимости давалась по очень низкому проценту, но впоследствии эти учреждения, ничем не регламентируемые, превратились в источник хищнической эксплоатации нищеты, и революция уничтожила их в 1789 г., восстановив лишь 16 плювиоза XII г. на несколько иных основаниях.

[4] Козловский Михаил Иванович (1753—1802)—известный скульптор и профессор Академии художеств.

[5] Записка эта приложена к донесению. Козловский предлагает Екатерине II купить за 50 000 руб. из дворца герцога Ришельё две статуи Микель-Анджело: «Природу» и «Разум». Покупка эта не осуществилась.

[6] Стрекалов Степан Федорович (1728—1805)—статс-секретарь Екатерины II.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 5 ЯНВАРЯ 1789 г.[1]

К № 88

Париж, 25 декабря 1788 г. / 5 января 1789 г.

Новый год был отпразднован в Версале обычным образом. После приема во время одеванья у короля заседал капитул ордена Св. духа[2], и король пожаловал его высочество герцога Шартрского[3] в кавалеры ордена Голубой ленты, принятие же его в орден состоится второго февраля, в день сретения.

Затем король в сопровождении своих братьев, принцев крови и всех кавалеров торжественно отправился в капеллу и там принял в орден Голубой ленты его высочество князя де Люксанбура и графа де Бриенна, бывшего государственного секретаря по военным делам.

Есть еще пять вакансий на ордена; распределение их его величество, вероятно, откладывает до собрания Генеральных штатов.

Более длительное пребывание в Париже может расстроить финансы г. Литвинова, и я счел уместным отправить его с моими сегодняшними депешами. Согласно распоряжениям вашего сиятельства, я выдал ему 180 дукатов, что по меновому курсу составляет 2088 турских ливров, которые я отнес к чрезвычайным расходам 1788 г.; я снабдил его также паспортом до Франкфурта-на-Майне. Беру на себя смелость послать с этой оказией и счет чрезвычайным расходам вместе с моим всенижайшим донесением ее императорскому величеству и осмеливаюсь просить содействия вашего сиятельства, чтобы деньги были мне доставлены возможно скорее.

Исключительная дороговизна в этой стране растет, вследствие суровой зимы, изо дня в день и делает пребывание здесь в высшей степени тяжелым. Ut in litteris.

И. Симолин

«Dépêches-réception» (в дальнейшем всюду: D. R.), к. 45, л. 130. Получено 13 января ст. стиля (всюду в дальнейшем даты получения даны также по ст. стилю).

[1] Донесение от 5 января 1789 г. и все следующие до № 69 от 19 июля 1791 г. включительно адресованы вице-канцлеру, графу И. А. Остерману (1725—1811).

[2] Высший орден французской монархии. Его носили на голубой ленте. Кавалеров ордена называли «cordons bleus» («голубые ленты»).

[3] Луи-Филипп (1773—1850)—старший сын герцога Орлеанского, впоследствии король Франции (1830—1848).

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 23 ЯНВАРЯ 1789 г.

К № 4

Париж, 12/23 января 1789 г.

Господин де Монморен[1] рассказал мне, когда я собирался выходить из его кабинета, о «Секретной истории берлинского двора» в двух томах, которую только-что выпустил г. Мирабо[2]. Это—письма, которые упомянутый Мирабо, по всей вероятности, писал господину де Калонну[3], когда был послан им, незадолго до смерти короля[4], в Берлин для наблюдения за всем происходившим при восшествии на престол теперешнего прусского короля[5]. Граф де Монморен не скрыл своего негодования, разделяемого вместе с ним всем обществом, по поводу этого поистине адского произведения. Император[6] в нем назван коронованным палачом и унижен ужасным образом. Прусский король выставлен самым большим дураком, принц Генрих[7]—болтуном, без талантов и характера, презираемым армией, правящим герцогом Брауншвейгским[8] и вообще всеми. Его перо, полное желчи и всякой мерзости, не пощадило даже лица, занимающего самое высокое положение, известного, почитаемого и любимого в этой стране, запятнав клеветою его добродетель и поведение[9]. На мой вопрос г. де Монморену, неужели нет законов в этой стране, чтобы наказать такого ужасного, низкого и бесчестного клеветника, он мне ответил, что, по его мнению, парламент займется этим. Я прибавил, что подобная переписка не делает чести министру, который ее поддерживал и с самого начала не обуздал такую возмутительную распущенность.

Он мне ответил, что в бумагах графа де Верженна[10], действительно, были найдены выдержки из этих писем, но в них не было всех тех подлостей и ужасов, которыми полны оригиналы. Никогда ни одно произведение не возбуждало в Париже такого всеобщего и даже полного горечи негодования, как это, особенно потому, что в нем затронуто такое уважаемое и любимое в этой стране лицо. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 14 б. Шифровано. Получено 7 февраля.

[1] Montmorin Арман-Марк, граф де (ок. 1745—1792)—воспитатель Людовика XVI, когда он был дофином, затем посол в Мадриде, участвовал в первом собрании нотаблей 1787 г. и вскоре был назначен на пост министра иностранных дел. Сторонник Неккера, уволен вместе с ним в 1789 г., но после взятия Бастилии возвращен. Вместе с Мирабо и другими стремился спасти монархию, ограничив ее очень умеренной конституцией. Был заподозрен в организации бегства короля в Варенн, но оправдан Национальным собранием. После принятия Людовиком XVI конституции 14 сентября 1791 г. и своего отчетного доклада в Собрании о внешней политике ушел в отставку, продолжая тайно быть личным советником короля и входя в так называемый Австрийский комитет, задачей которого являлась организация подавления революции и восстановления абсолютной монархии. Скрылся от народного гнева, но был арестован и убит в тюрьме в сентябрьские дни 1792 г.

[2] Речь идет об издании 66 писем Мирабо из Пруссии, напечатанных им в 1789 г. в качестве, якобы, «посмертного произведения» анонимного автора-путешественника без указания места издания: «Histoire secrète de la Cour de Berlin, ou correspondance d'un voyageur françois, depuis le 5 juillet 1786 jusqu'au 19 janvier 1787. Ouvrage posthume» (два тома).

[3] Calonne Шарль-Александр де (1734—1802)—член королевского совета, интендант, выдвинулся при помощи интриг на пост генерального контролера финансов (1783—1787). Хищениями, подарками королеве и придворным окончательно расшатал финансы королевства. Рекомендовал созыв нотаблей (январь 1787 г.), встретил оппозицию, был смещен и выслан. Активнейший деятель эмиграции с 1791 г.

[4] Фридриха II «Великого», короля Пруссии с 1740 по 1786 гг.

[5] Фридриха-Вильгельма II, короля Пруссии с 1786 по 1797 гг.

[6] Иосиф II, император германский с 1765 по 1790 гг.

[7] Принц Генрих (1726—1802)—брат Фридриха II («Великого»), прусский военный деятель.

[8] Герцог Брауншвейгский Карл-Вильгельм (1735—1806) командовал коалиционной армией против революционной Франции в 1792—1794 гг.

[9] Имеется в виду Екатерина II.

[10] Vergennes (Gravier) Шарль, граф де (1717—1787)—виднейший дипломат предреволюционной Франции, выдвинутый «всесильным» герцогом де Шуазёль-Стэнвилем в 1755 г. на пост полномочного министра, а затем посла в Турции; не выполнил данной ему инструкции побудить султана объявить войну России и, хотя война все-таки началась, был отозван (1768) и лишь после ухода герцога Шуазёля с поста государственного секретаря назначен послом в Швецию (с 1771 г.). Со вступлением на трон Людовика XVI получил портфель министра иностранных дел. В 1778 г. содействовал отпадению североамериканских колоний от Англии. Им подготовлены и заключены Парижский трактат 1783 г., торговый договор с Англией 1786 г. С 1783 г. он одновременно стоял во главе совета финансов и занимал пост государственного секретаря.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 1 ФЕВРАЛЯ 1789 г.

К № 6

Париж, $\frac{\text{21 января}}{\text{1 февраля}}$ 1789 г.

Первый президент Парижского парламента, г-н д'Ормессон[1], умер, и король назначил на его место г. де Сарона[2], следующего непосредственно за ним по очереди.

В пятницу получены известия из Бретани, что между дворянством и третьим сословием произошли столкновения и были убиты один или

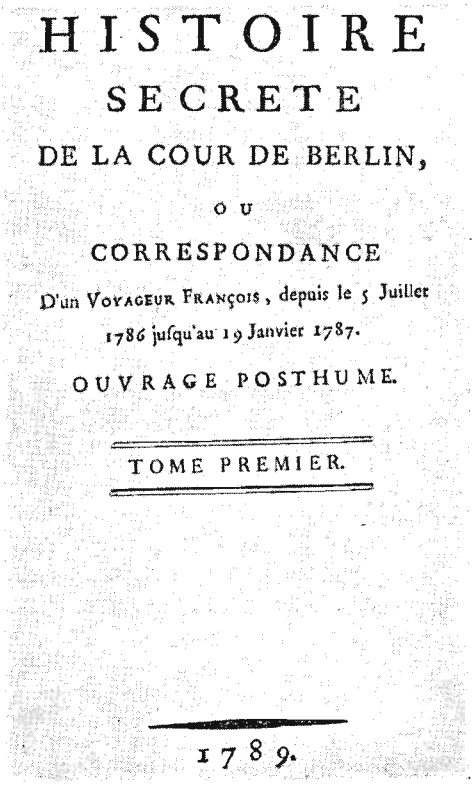
два дворянина, с другой стороны также есть убитые; насчитывают до пятидесяти убитых и раненых с той и с другой стороны.

В прошлое воскресенье король сам возбудил обвинение перед генеральным адвокатом г. Сегье[3] против «Секретной истории берлинского двора», и, вручая ему эту книгу, его величество сказал, что он требует от парламента расследования дела и наказания виновных[4]. Одновременно его величество собственноручно написал приказ о производстве необходимых розысков для отыскания автора и издателя и их наказания. Речь идет о переписке г. Мирабо с г. де Калонном, которым он был послан в Берлин незадолго до смерти короля, чтобы побудить его преемника вложить сотню миллионов ливров в фонды Франции. Это был проект настолько же химерический, как и нелепый, сторонником которого был и покойный граф де Верженн; граф де Монморен сказал мне в последний раз, что он нашел в бумагах покойного выдержки из этой переписки. Ваше сиятельство наверное одобрит, что я, пользуясь настоящим курьером, пересылаю вам экземпляр этой скандальной книги, возбудившей здесь всеобщее негодование. Король был особенно опечален подлым анекдотом, помещенным на стр. 168[5], что он и выразил на Совете в прошлое воскресенье.

Вчера вечером появилось продолжение «Секретной истории берлинского двора», которое я еще не имел времени прочесть. Ваше сиятельство, разрешите мне при сем приложить и эту брошюру. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 23. Получено 8 февраля.


HISTOIRE
SECRETE
DE LA COUR DE BERLIN,
OU
CORRESPONDANCE
D'un Voyageur François, depuis le 5 Juillet 1786 jusqu'au 19 Janvier 1787.
OUVRAGE POSTHUME.
TOME PREMIER.
1789.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ МИРАБО „СЕКРЕТНАЯ ИСТОРИЯ БЕРЛИНСКОГО ДВОРА“, 1789 г.

Книга была прислана Симолиным при донесении от 1 февраля 1789 г.

[1] D'Ormesson Луи-Франсуа, маркиз (1748—1789)—президент Парижского парламента до 1788 г., во время двукратной ссылки парламента в провинцию мирил его с министрами. Считал созыв Генеральных штатов гибельным для Франции.

[2] Bochart de Saron Жан-Батист де (1730—1794)—крупный астроном, член Академии наук. В качестве первого президента энергично отстаивал прерогативы Парижского парламента.

[3] Séguier Антуан-Луи (1726—1792)—генеральный адвокат Парижского парламента. Враг реформ, защитник привилегий, один из первых эмигрантов.

[4] К донесению от 16 февраля 1789 г. (в настоящую публикацию не входит) приложен печатный экземпляр постановления Парижского парламента о сожжении книги, выпущенной Мирабо: «Arrêt de la Cour de Parlement, rendu par les Chambres assemblées, les Pairs y seant, qui condamne un imprimé, ayant pour titre: Histoire secrète de la Cour de Berlin, ou correspondance d'un voyageur françois à être lacéré et brûlé par l'Exécuteur de la Haute-Justice. Extrait des registres du Parlement. 10 février 1789».

[5] На указанной странице приводится рассказ о свидании Екатерины II, в бытность ее великой княгиней, с молодым французом на придворном костюмированном балу, свидетельствующий о легкости ее нравов, см. «Histoire secrète de la Cour de Berlin», 1789, I, 168.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 9 МАРТА 1789 г.

№ 15

Париж, $\frac{\text{26 февраля}}{\text{9 марта}}$ 1789 г.

Милостивый государь,

Важное дело[1] не обсуждалось и не было решено на Совете ни в среду, ни в четверг, как то предполагал граф де Монморен, после того, как он специально просил короля рассмотреть этот вопрос. Принц Нассау[2] беседовал около часу с королевой и вышел от нее очень довольный, найдя ее величество в полной мере расположенной и готовой к заключению союза, о котором идет речь; ею сделано только одно замечание о необходимости соблюдать в этом деле тайну, чтобы не вызвать никаких замешательств в момент, когда внутренние дела Франции поглощают все внимание правительства. Принц ей ответил, что все стороны равно заинтересованы в сохранении тайны и нет никаких оснований опасаться, чтобы что-либо из этого стало известным преждевременно, и что такое же условие нашла уместным поставить также императрица с самого начала настоящих переговоров.

После этой беседы он говорил также с графом де Монмореном в присутствии г. Неккера[3]. Первый очень горячо высказался за образование новой системы союза с двумя императорскими дворами, второй же сделал ряд возражений и, в частности, то, что дворы могут жить в дружбе и без заключения союза, на что принц Нассау возразил, что бывают моменты, подобные настоящему, когда совершенно необходимо, чтобы дворы сговорились и пришли к соглашению относительно обстоятельств, которые каждый из них может предвидеть в будущем, чтобы не действовать ощупью. Когда граф де Монморен остался наедине с принцем, он его просил не обращать внимания и не придавать значения возражениям г. Неккера, которому свойственно всегда занимать противоположную позицию, но которого, в конце концов, можно убедить.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 81. Шифровано. Получено 24 марта.

[1] «Важным делом» Симолин называет намечавшийся союз четырех держав: России, Франции, Австрии и Испании.

ЛЮДОВИК XVI
Портрет маслом Ж.-С. Дюплесси, ок. 1775 г.
Музей изобразительных искусств, Москва

[2] Nassau-Siegen Карл (1745—1808)—германский принц. Путешествовал вокруг света и по пустыням Африки, принимал участие в американской освободительной войне и в осаде французами Гибралтара. С 1788 г. находился на русской службе последовательно в чине капитана, затем контр-адмирала, вице-адмирала и адмирала. Ему были поручены Екатериной II переговоры с Францией и Испанией о заключении союза. Симолин получил депешу от 17 января 1789 г. (старого стиля) с предписанием должным образом принять Нассау (см. «Dépêches-expédition» за 1789 г.). О пребывании Нассау в Париже, об отъезде его в Испанию, о неудаче его миссии Симолин сообщает в приложении к донесению от 28 февраля, в донесении и приложении к нему от 6 марта, наконец, в донесениях от 9 марта и от 10 апреля.

[3] Necker Жак (1732—1804)—банкир, трижды призывавшийся заведывать министерством финансов для спасения монархии от банкротства, был в это время облечен правами первого министра. Его колеблющаяся политика в проведении реформ в интересах третьего сословия сделала его ненавистным для двора и привилегированных, но, вместе с тем, вскоре оттолкнула от него и более решительные круги финансовой буржуазии и Национального собрания. «Эти часы отстают»—сказал о нем Мирабо, сыгравший значительную роль в интригах против Неккера, результатом которых было его окончательное удаление.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 13 МАРТА 1789 г.

№ 18 Париж, 2/13 марта 1789 г.

Милостивый государь,

На Совете в воскресенье вечером обсуждался вопрос о союзе с нашим двором, но ничего не было решено. Когда я беседовал с графом де Монмореном во вторник, он мне сказал, что желания и намерения его величества об образовании союза неизменны и непоколебимы, но что обстоятельства настоящего момента требуют размышлений и являются единственной причиной отсрочки решения короля. Эти размышления вызываются тем соображением, что, заключив союз с Россией, Франция потеряла бы все свое влияние в Оттоманской Порте и ее доверие к себе, которым она там пользовалась. Ей было бы тогда невозможно заставить ее оценить свои услуги и свое посредничество при заключении, без участия министров Лондона и Берлина, соглашения [Турции] с двумя императорскими дворами, на что имеются большие надежды. Король, по его словам, рассматривает Польшу, как очаг всеобщей войны, которая может вспыхнуть каждую минуту, и что в состоянии кризиса, в котором находится Франция, король был бы вынужден нарушить свои новые обязательства за невозможностью их выполнить до укрепления финансового положения и восстановления доверия в нации при содействии Генеральных штатов, созыв которых приближается и который пришлось бы отложить, если бы случилось, что король вполне определенно не выскажется до этого времени. Он сначала хотел решить вопрос в принципе, а окончательное его осуществление отсрочить до другого времени, месяцев на семь—восемь, и в этом последнем случае он предполагал предложить, чтобы наши оба двора обменялись секретнейшими декларациями, в которых признали бы договор о проектируемом союзе между ними ненарушимым и подлежащим торжественной санкции в определенный момент. Каково бы ни было принятое решение, Монморен отправит курьера к графу Сегюру[1], о чем я буду своевременно извещен. Тем временем, я готовлю эту депешу к отправлению обычным путем, на случай, если отъезд курьера, о котором шла речь, будет отложен.

Граф де Монморен ведет это дело добросовестно и бескорыстно и действует с редким прямодушием. Я не сомневаюсь, что во всем королевском совете нет никого, кто придерживался бы противоположного мнения, и что король

и королева признают полезность и необходимость этого союза и искренно его желают, но они не могут скрыть от себя трудностей внутреннего положения, которые являются единственной причиной медлительности и нерешительности. Было бы иллюзией считать возможным получить в настоящий момент от Франции какую-либо помощь, но несомненно, что через несколько месяцев после собрания Генеральных штатов она придет в нормальное состояние и займет в политике подобающее ей место.

Не претендуя предвосхитить решение версальского кабинета, я предполагаю, что будет решено предложить секретную декларацию, о которой шла речь выше, отложив до более подходящего времени заключение трактата. Если бы осуществилась надежда г. де Монморена на соглашение между Портой и обоими императорскими дворами, которое во многих отношениях предпочтительнее перемирия, при котором упомянутым обоим дворам трудно было бы подать друг другу руку,—главное препятствие было бы, без сомнения, устранено. Г-н де Монморен говорил со мной о поведении шведского короля[2], который воспламенил сословия королевства, собравшиеся на риксдаг, на продолжение войны, оценивая его поведение, как поведение безумца и подстрекателя, стремящегося только возбуждать волнения и смуты. Г-н де Монморен не верит также в искренность уверений г. Борка[3] в Гамбурге и Копенгагене, что прусский король всерьез советует вышеупомянутому королю заключить мир; если бы этому сопутствовала декларация, что его прусское величество его покинет, если он не последует этому совету, этот государь стал бы сговорчивее, и безумие, которым, кажется, охвачено его сознание, было бы укрощено.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 91. Шифровано. Получено 28 марта.

[1] Ségur Луи-Филипп, граф де (1753—1830)—дипломат, историк, был послом при дворе Екатерины II (1785—1789), затем посланником в Берлине. Его кандидатура выставлялась в 1791 г. Марией-Антуанеттой и Людовиком на пост министра иностранных дел после Монморена, но не столько из доверия к нему (он был известен, как сторонник «конституционной партии»), сколько из нежелания обрекать на гибель более преданных им людей, как, например, роялиста Мустье и др. Присмотревшись к обстановке, Сегюр отказался от портфеля в последних числах октября.

[2] Шведский король Густав III (1746—1792), вступивший на престол в 1771 г.; опираясь, в борьбе с дворянской олигархией, на партию «колпаков» (среднее и мелкое дворянство и зажиточное крестьянство) и промышленную и торговую буржуазию, произвел в 1772 г. государственный переворот и фактически восстановил неограниченную власть короля и централизацию управления. Но к концу 80-х годов накопившееся недовольство в стране побудило его искать выхода в войне с Россией (1788—1790). В это время дворянство и финансовая аристократия устроили заговор, требуя созыва риксдага и восстановления правления сословных представителей. Однако, Густав III подавил это движение, апеллируя к национальному единению ввиду опасности со стороны союзницы России—Дании. Разбив датчан, он заключил с ними мир при посредстве Англии и Пруссии и новым переворотом, осуществленным под видом проведенного через риксдаг (в 1789 г.) пакта «единения и охраны», восстановил абсолютизм. Заключив Верельский мир с Россией, энергично принялся за восстановление абсолютизма во Франции и спасение Людовика XVI, но был убит в марте 1792 г. участниками нового дворянского заговора.

[3] Borck—прусский посол в Стокгольме.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 16 АПРЕЛЯ 1789 г.

К № 27

Париж, 5/16 апреля 1789 г.

Двор и общество заняты в настоящий момент исключительно приготовлениями к созыву Генеральных штатов. По мере того, как идут выборы, появляются наказы, и всех теперь объединяет стремление погасить национальный долг, восстановить кредит и уничтожить дефицит. Если это будет сделано, то Франция вскоре же выйдет из всех своих затруднений.

Принц Нассау, осведомленный о положении дел, сможет подробно осведомить обо всем ваше сиятельство.

Чернь Марселя и Экса в Провансе принудила избирателей этих двух городов выбрать графа де Мирабо своим представителем в Национальное собрание. Все честные люди страны возмущены, что сочинитель пасквилей и клеветник займет место в столь высоком собрании.

Посланник Соединенных Штатов Северной Америки г. Джефферсон[1] просил меня препроводить приложенное к сему письмо, адресованное им контр-адмиралу Полю Джонсу[2]. Ваше сиятельство, соблаговолите разрешить мне просить вас передать письмо адмиралу или переслать ему в случае, если он уже выехал из С.-Петербурга. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 3. Дата получения неизвестна.

[1] Jefferson Томас (1743—1826) — один из главных деятелей борьбы американцев за независимость, впоследствии третий президент САСШ (1801—1809). В 1784 г. отправился в Европу для заключения торговых договоров и с 1785 г. заменил Франклина в качестве полномочного министра САСШ при французском дворе (до 1789 г.).

[2] Jones Поль (1747—1792) — знаменитый американский мореплаватель. В 1788 г. поступил на русскую службу в чине контр-адмирала. Нерасположение к нему Потемкина и Нассау побудило его в 1789 г. оставить Россию и переехать в Париж. О свидании Поля Джонса с Симолиным и запросе последнего о выдаче Полю Джонсу жалованья см. приложения к донесениям от 31 мая и 4 июня 1790 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 1 МАЯ 1789 г.

К № 33

Париж, $\frac{\text{20 апреля}}{\text{1 мая}}$ 1789 г.

В прошедший понедельник несколько герольдов при оружии и в парадном одеянии объявляли на главных площадях и улицах Версаля при звуках труб и литавров об открытии заседаний Генеральных штатов. Король назначил на понедельник 4-го этого месяца процессию и на другой день, 5-го, торжественное открытие собрания. Дипломатический корпус будет иметь право входа в зал по билетам, и обер-церемониймейстер[1] предоставил ему семьдесят билетов, в том числе для иностранцев, которые были представлены ко двору.

В понедельник и во вторник были народные волнения в Сент-Антуанском предместье, причина которых даже неизвестна[2]. Королевский кроатский полк, вступив туда в понедельник после полудня, сначала рассеял чернь, вооруженную толстыми палками, а на другой день пришлось прибегнуть к стрельбе, и, когда отряд швейцарской гвардии приблизился с двумя пушками, мятежники не замедлили разойтись. В тот же день парламент вынес постановление, запрещающее всем, какого бы положения и чина они ни были, под угрозой чрезвычайных преследований и наказаний по всей строгости закона, собираться в городе, пригородах и предместьях

№ 85.

Paris le 6/17 Juillet 1789.

Monsieur,

Depuis ma dernière dépêche du lundi, qui peut être ne sera pas arrivée, il est arrivé une révolution en France, qu'on aura peine à concevoir, si elle ne s'était pas passée sous les yeux des vivans. Toutes les lettres étant ouvertes, je ne me permets que de mander à Votre Excellence, que le Ministère nommé dimanche dernier a donné sa démission ou a été envoyé; que le Roy vient aujourd'hui à 11. heures à Paris tenir une séance Royale à l'Hotel de Ville; qu'il laisse à la nation la liberté de nommer ses Ministres et de statuer tout ce qu'elle trouvera à propos pour le bien de la Nation.

Si je puis obtenir un passeport, j'expédierai un courier avec le détail de ces événements, qui change absolument la situation des affaires et la Monarchie.

J'ai l'honneur d'être avec le plus respectueux attachement,

Monsieur

de Votre Excellence

le très humble et très obéissant serviteur

J. Simolin.

АВТОГРАФ ДОНЕСЕНИЯ СИМОЛИНА ОТ 6/17 ИЮЛЯ 1789 г. С ПЕРВЫМ СООБЩЕНИЕМ О РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

Парижа, призывать к скопищам и содействовать им, вторгаться в дома, производить там буйства и подвергать оскорблениям граждан. Не подчиняющихся этому постановлению будут рассматривать, как нарушителей общественного спокойствия.

В среду вечером пять бунтовщиков были повешены по приговору превотального суда[3], и общественное спокойствие с этого времени как будто восстановлено. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 23. Получено 16 мая.

[1] Обер-церемониймейстером французского короля с 1781 г. был маркиз Анри де Дрё-Брезе (Dreux-Brézé, 1766—1829), впоследствии эмигрант.

[2] Волнения рабочих 27/28 апреля, так называемое «дело Ревельона», сопровождавшиеся разгромом домов фабрикантов Ревельона и Анрио, не желавших повысить заработную плату сверх 15 су в то время, когда четырехфунтовый хлеб стоил те же 15 су.

[3] Prévôtalement—т. е. чрезвычайным судом, без права апелляции.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 8 МАЯ 1789 г.

№ 34

Париж, $\frac{\text{27 апреля}}{\text{8 мая}}$ 1789 г.

Милостивый государь,

Торжественная процессия, которая предшествовала открытию собрания Генеральных штатов, была столь же величественна, как и хорошо организована. На другой день, 5-го, король отправился с большой торжественностью в зал заседаний Штатов и открыл их тронной речью. Хранитель печати[1], испросив разрешения его величества, прочел речь, из которой ничего нельзя было расслышать из-за его тихого голоса. Затем г. Неккер начал читать приготовленную им речь, чтение которой продолжалось более трех часов. Он подробно остановился на положении финансов и доказал, что действительный дефицит равен лишь 56 миллионам. Затем им были затронуты вопросы административные, высказаны мнения и рассуждения, которые несколько раз прерывались всеобщими аплодисментами как со стороны Штатов, так и многочисленных зрителей, наполнявших зал. Как только речи будут напечатаны, я постараюсь возможно скорее переслать их вашему сиятельству, так же как и описание торжеств, организованных по случаю этого события, которое составит эпоху во Франции[2]. Если единение и согласие будут царить между сословиями государства, то совершенно несомненно, что через несколько месяцев Франция возродится и станет, как и прежде, вполне достойной уважения.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугой

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 24. Дата получения неизвестна.

[1] Должность хранителя печати занимал с 1788 г. Поль де Барантен (Barentin, 1738—1819). После взятия Бастилии получил отставку; наряду с другими министрами, был предан суду Шатле, но оправдан. В конце 1789 г. эмигрировал.

[2] К донесению приложены: 1) «Correspondance nationale. Etats généraux» от 4 и 5 мая 1789 г. и 2) «Discours du Roi».

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 13 ИЮЛЯ 1789 г.

К № 64

Париж, 2/13 июля 1789 г.

Осмеливаюсь приложить к сему инструктивную записку, переданную от имени короля в Продовольственный комитет Генеральных штатов глав-

ным управляющим финансами, о которой я сообщал в моем донесении № 60 от 25 июня (6 июля)[1].

Вчера произошли дальнейшие перемены в министерстве. Г-н Неккер и граф де Сен-Прист[2] покинули еще накануне Версаль; первый отправился в свои поместья в Швейцарии, второй—в свое имение, находящееся в нескольких милях от Парижа. Барон де Бретёйль[3] назначен первым министром и председателем финансового совета, герцог де Ла Вогюйон[4]—министром иностранных дел, г. де Ла Порт[5]—государственным секретарем по морским делам, что еще не окончательно утверждено; маршал де Брольи[6]—военным министром и генералиссимусом войск, г. де Фулон[7]—интендантом армии и флота, г. де Галэзьер—главным контролером финансов с правом подписи, г. Дамекур—советником в финансовом совете; г. де Вильдёйль, государственный секретарь по делам королевского двора и Парижа, оставлен на месте; герцог де Нивернэ ушел, уже несколько дней тому назад, из королевского совета; хранитель печати г. де Барантен не смещен.

Вчера вечером произошло восстание. Французская гвардия, соединившись с чернью, начала стрелять в отряд королевского немецкого полка. Отряд был выстроен на бульваре под моими окнами[8]. Убиты два человека и две лошади.

На площади Людовика XV и во многих других кварталах—кровавые зрелища. Вот и сейчас, когда я пишу, стреляют под моими окнами, и я боюсь, что эта трескотня и шум продлятся всю ночь.

Третьего дня и вчера сожгли заставы на улице Бланш и в предместье Пуассоньер.

Все спектакли вчера были отменены по настоянию народа.

Сегодня утром мне передавали, что ночь прошла неспокойно. Было нападение на главный штаб войск, помещающийся против меня, во дворце Ришельё. Были стычки на Итальянском бульваре, на площади Людовика XV и на Елисейских полях. Стреляли из пушек. Надо надеяться, что будет найден способ прекратить эти безобразия. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 11. Получено 25 июля.

[1] «Записка», о которой Симолин сообщал в донесении от 6 июля, касалась предлагаемых королем мер помощи нуждающемуся населению, вследствие недостатка и дороговизны зерна и муки. См. прилож. к донесению «Supplément au № 191 du Journal de Paris». Vendredi 10 juillet 1789.

[2] Saint-Priest (Guignard) Франсуа-Эманюэль, граф де (1735—1821)—полномочный министр в Португалии, посол в Константинополе, где завязал связи с русским двором (1767—1783), и в Голландии (1787—1788). Министр внутренних дел в министерстве Неккера, уволен одновременно с ним. Вновь призван на пост после 14 июля 1789 г. После 5—6 октября советовал применить военную силу. Эмигрировал в 1790 г. и деятельно готовил интервенцию.

[3] Breteuil Луи-Огюст, барон де (1730—1807)—посол Франции в Копенгагене, Стокгольме, Вене, Неаполе. Министр двора (1783—1788). После отставки Неккера 12 июля 1789 г.—первый министр в образованном им (на несколько дней) ультрареакционном министерстве, ответом на которое было взятие Бастилии, после чего Бретёйль эмигрировал. Один из самых видных деятелей контрреволюции. Пользовался неограниченным доверием Марии-Антуанетты и Людовика XVI, по их поручению вел тайные переговоры с европейскими дворами. Участвовал в организации бегства королевской семьи в Варенн в июне 1791 г.

[4] La Vauguyon Поль-Франсуа, герцог де (1746—1828)—французский посол в Испании в 1789—1790 гг.

[5] La Porte Арно де (1737—1792)—бывший главный интендант морского ведомства, управляющий королевскими имуществами. В его ведении находилась секретная переписка Людовика XVI.

[6] Broglie (французское произношение Бройе) Виктор-Франсуа, герцог де (1718—1804)—влиятельный при дворе маршал. В 1789 г. был призван королем для командования стянутыми вокруг Версаля войсками, но отказался. После взятия Бастилии эмигрировал. В 1792 г. сражался против Республики в рядах армии принца Конде, затем принимал участие в организации интервенции англичан и русских (был принят на русскую службу с 1797 г. с чином фельдмаршала).

[7] Разбогатевший на поставках финансист, сторонник объявления банкротства.

[8] Симолин жил в это время на Монмартрском бульваре, в арендованном им доме маркиза де Ла Ферьера (de La Ferrière). В 1791 г. он занимал квартиру в доме № 3 по улице Basse du Rempart, принадлежавшем де Ла Гаренну (de La Garenne). Эти местожительства Симолина устанавливаются на основании контрактов, расписок, адресов и других материалов, находящихся в архиве парижской миссии (ГАФКЭ, II отделение, фонд № 95, дело № 4 за соответствующие годы). Среди этих документов находятся также черновой контракт от 1788 г., заключенный Симолиным на аренду дома Sainte-Foix на улице Basse du Rempart, и расписка Sainte-Foix в получении денег от 3 мая 1788 г. (ibid., № 1, «Книга реляций и ведомостей» за 1790 г., стр. 520).

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 19 ИЮЛЯ 1789 г.

№ 66

Париж, 8/19 июля 1789 г.

Милостивый государь,

Революция во Франции свершилась, и королевская власть уничтожена. Восстание города Парижа, к которому умы, казалось, были подготовлены, разразилось на другой день после отъезда г. Неккера. В следующие дни оно продолжало разрастаться, как вы, ваше сиятельство, увидите из прилагаемого «Журнала»[1] о происходившем здесь с субботы до пятницы; к нему я беру на себя смелость присоединить несколько печатных изданий[2], во всех подробностях излагающих событие, которого Европа никак не ожидала. Это восстание сопровождалось убийствами, вызывающими содрогание; обстоятельства, при которых они были совершены, доказывают невинность нескольких жертв.

Посол его величества императора, граф де Мерси[3], сочтя необходимым избежать проявлений ненависти, которую народ обнаруживал к представителю брата королевы[4], уехал в деревню, а чтобы обезопасить свой дворец от явно грозившего ему нападения, он вынужден был просить охраны буржуазной гвардии, которая и была ему предоставлена. При этом гвардии было дано распоряжение не пропускать никого в его дворец без обыска, что едва не случилось и со мной, когда я захотел повидать секретаря посольства, но так как мне сказали, что он вышел, то мне не пришлось подвергнуться этой церемонии. По распоряжению Постоянного комитета[5], приходили обыскивать вышеупомянутый дворец, чтобы удостовериться, нет ли там пушек, склада военного снаряжения и оружия[6].

Жестокость и зверство французского народа проявились при всех этих событиях в тех же чертах, как и в Варфоломеевскую ночь, о которой мы еще до сих пор с ужасом читаем, с тою только разницей, что в настоящее время, вместо религиозного фанатизма, умы охвачены политическим энтузиазмом, порожденным войною и революцией в Америке.

Если бы король отказался подчиниться требованиям Постоянного муниципального комитета, народ, по всей вероятности, сверг бы его; таким образом, этот добрый государь, не желающий никому зла, был поставлен в жестокую необходимость сдаться на милость бунтовщиков, тем более, что Французская гвардия его подло покинула и он совсем не мог полагаться на войска, сосредоточенные вокруг Парижа и Версаля. Постановление Национального собрания, принятое после ответа короля, гласит,

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА
Французская работа, мрамор, ок. 1774 г.
Эрмитаж, Ленинград

что Собрание, являющееся выразителем чувств нации, изъявляет г. Неккеру, так же как и другим только-что уволенным министрам, свое уважение и сожаление об их отставке.

Объявляет, что, опасаясь печальных последствий, которые может повлечь за собой ответ короля, оно не перестанет настаивать на удалении войск, собранных со специальными намерениями около Парижа и Версаля, и на образовании буржуазной гвардии. Подтверждает, что между королем и Национальным собранием не может существовать никаких посредников.

Объявляет, что министры и агенты гражданской и военной власти ответственны за все действия, нарушающие права нации и декреты Собрания.

Объявляет, что находящиеся у власти министры и члены Совета его величества, независимо от положения и чина, несут личную ответственность за происходящие несчастья и за все те, которые еще могут последовать.

Объявляет, что государственный долг находится под охраной чести и совести французов, что нация не отказывается платить проценты и что никакая власть не смеет произнести позорное слово банкротство, в какой бы то ни было форме, под каким бы то ни было названием.

Наконец, Национальное собрание объявляет, что оно настаивает на своих предыдущих постановлениях, что настоящая декларация будет передана королю председателем, опубликована в печати и послана, по постановлению Собрания, г. Неккеру и другим министрам, которых только-что лишилась нация.

Всякое внешнее сообщение прервано с понедельника для всех, независимо от их звания, и буржуазная гвардия у застав довела строгость при обысках до того, что раздевала лиц обоего пола, как выходивших из города, так и входивших в него.

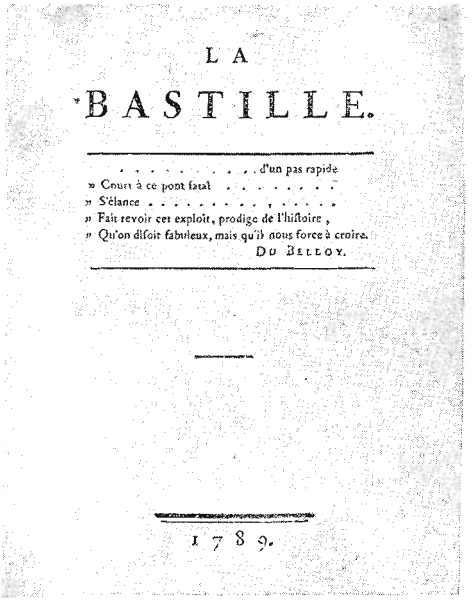
Я счел своим долгом не медлить с отправкой курьера с известием о событии столь большой важности при любых обстоятельствах и имеющем в настоящее время особое значение для нашего двора.

Было бы заблуждением рассчитывать теперь на союз и, тем более, на политическое влияние Франции. Каковы бы ни были соображения нового министерства по отношению к предполагаемому союзу с ее императорским величеством, оно не может уделить ему большого внимания, и надо рассматривать Францию при решении стоящих перед нами в данный момент вопросов, как несуществующую. Я не беру на себя смелость давать советы, но все же считаю своей обязанностью доложить о положении дел, каким оно мне представляется, и сказать, что Франция, даже с наилучшими намерениями по отношению к нам, не сможет оказать нам никакой услуги и что союз с ней будет иллюзорным для Российской империи. Кроме того, нация питает отвращение к союзу с австрийским домом из-за королевы, и если бы даже можно было заключить договор, он был бы нарушен, потому что министры будут вынуждены следовать принципам и побуждениям третьего сословия, которые возьмут верх над всеми другими соображениями. Если императрице нужны посредники, чтобы облегчить завершение двух войн, которые она ведет, то будет совершенно необходимо обратиться к кому-либо другому.

Ваше сиятельство должны объяснить моим усердием к службе и интересам нашей великой и августейшей государыни ту свободу, с которой я выражаю свое мнение о том, что касается этих интересов. Все поражены

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ РЕДКОЙ БРОШЮРЫ „LA BASTILLE", ВЫШЕДШЕЙ ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ПОСЛЕ ВЗЯТИЯ БАСТИЛИИ

Библиотека Академии наук СССР, Ленинград


LA
BASTILLE.

. . . . . d'un pas rapide
» Court à ce pont fatal . . . . . .
» S'élance . . . . . .
» Fait revoir cet exploit, prodige de l'histoire,
» Qu'on disoit fabuleux, mais qu'il nous force à croire.
DU BELLOY.

1789.

при виде того, как в течение тридцати шести часов французская монархия была уничтожена и ее глава вынужден соглашаться на все, чего разнузданный, жестокий и варварский народ требует от него с такой дерзостью и таким повелительным тоном, и еще считать себя при этом очень счастливым, что народ соблаговолил удовлетвориться его отречением от своей власти и от своих прав.

В Пале-Роаяле, который является очагом мятежа, было сделано в воскресенье вечером предложение провозгласить герцога Орлеанского[7] регентом Франции. Герцог немедленно отправился в Версаль засвидетельствовать публично перед королем и его братьями, что хотя он и любит свободу, но не принимает участия в столь нелепом предложении, и с тех пор он не выезжает из Версаля.

Не было его и в числе депутатов, сопровождавших в пятницу его величество в Ратушу, чтобы народ не имел повода кричать в присутствии короля: «Да здравствует герцог Орлеанский», как он обычно это делал, когда герцог показывался там, где бывало скопление народа.

Король был слишком взволнован в Ратуше, он едва мог произнести слова, которые за него были повторены собранию: «Мой народ всегда может рассчитывать на мою любовь». Г-н Байи[8], получив приказание короля исполнять обязанности хранителя печати, продолжая речь короля, сказал, что король прибыл успокоить тревогу, которая могла еще усилиться в связи с его распоряжениями, объявленными нации, а также для того, чтобы насладиться пребыванием среди своего народа и его любовью; что его величество желает восстановления тишины и спокойствия в столице, чтобы все вернулось к обычному порядку, и что при малейшем нарушении закона виновные будут преданы правосудию.

Его величество утвердил назначение маркиза де Лафайета[9] в звании командира буржуазной милиции Парижа, с чином полковника, и г. Байи — мэром Парижа, заменив им старшину купечества. Говорят, что он объединил в своем лице и должность начальника полиции. Его велич-

ство одобрил также мысль воздвигнуть на развалинах Бастилии памятник Людовику XVI и присвоить полку Французской гвардии, перешедшему на сторону революции и тем ускорившему ее проведение, наименование Национальной гвардии.

Многие придворные уехали. Среди них называют г-жу де Полиньяк[10], воспитательницу детей Франции[11], герцогиню де Гиш, ее дочь, графа де Водрёйль[12], г. барона де Безанваля[13], подполковника швейцарской гвардии, и многих других. Принц Ламбеск[14] вместе с маршалом де Брольи уехал во главе королевского немецкого полка, который провел ночь с пятницы на субботу в Сен-Дени, на пути к Нанси.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугой

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 15. Получено 27 июля.

[1] См. рукописное приложение к донесению: «Journal des événements, arrivés à Paris depuis le 11 jusqu'au 17 juillet 1789», на 6 листах. Опубликовано в «Русском Архиве», 1875, № 8, 413—416 (в переводе).

[2] К донесению приложены: «Journal de Paris» №№ 193, 196—198 от 12, 15, 16 и 17 июля 1789 г. и «Le Point du jour, ou résultat de ce qui s'est passé la veille à l'Assemblée Nationale Nr XXV du jeudi 16 juillet 1789».

[3] Mercy Argenteau Флоримон-Клод, граф де (1727—1794) — австрийский посол при дворе Людовика XVI, один из самых видных членов тайного совета при Марии-Антуанетте, так называемого Австрийского комитета (см. о нем в предыдущих примечаниях—о Монморене). Почти два года (с 1790 г.) находился вне Франции, и королева вела через него свою контрреволюционную интригу путем секретной переписки, являющейся одной из важнейших документальных публикаций для всего этого периода.

[4] Иосифа II.

[5] Образован в июле 1789 г. в результате муниципального переворота в Париже (а затем и в провинции) для руководства революцией и вооружением народа. Состоял из членов прежнего муниципалитета, к которым были присоединены несколько членов избирательной комиссии и один представитель избирателей Парижа в Генеральные штаты.

[6] Постановление об обыске было принято на заседании 13 июля 1789 г.

[7] Герцог Орлеанский Людовик-Филипп-Жозеф (1747—1793) — двоюродный брат короля. Его оппозиция двору создала ему большую популярность среди буржуазии. Он одним из первых среди депутатов от дворянства присоединился к третьему сословию. Впоследствии — член Конвента, голосовал за смертную казнь Людовика XVI. За свои, якобы, гражданские добродетели получил от Коммуны Парижа наименование Филиппа Эгалите («Равенство»). После измены Дюмурье был обвинен в стремлении захватить трон и гильотинирован.

[8] Bailly Жан-Сильвен (1736—1793)—астроном, член Академии наук, депутат в Генеральные штаты от третьего сословия Парижа, первый мэр города Парижа.

[9] La Fayette Мари-Жозеф, маркиз де (1757—1834)—участник борьбы французов за американскую независимость. Депутат от дворянства в Генеральные штаты. Одним из первых присоединился к третьему сословию, но позднее изменил революции.

[10] Polignac, герцогиня де (1749—1793)—фаворитка Марии-Антуанетты, воспитательница ее детей, особенно возбуждала ненависть народа своей расточительностью.

[11] «Enfants de France»—так титуловались дети французских королей.

[12] Vaudreuil Жозеф-Франсуа, граф де (1740—1817) — генерал, участвовал вместе с графом д'Артуа в осаде Гибралтара и вместе с ним эмигрировал в 1789 г.

[13] Besenval Пьер-Виктор (1722 — 1791) — швейцарский барон, доверенное лицо Марии-Антуанетты, в 1789 г. командовал войсками, стянутыми Людовиком XVI вокруг Парижа для подавления революции. После взятия Бастилии пытался выехать за границу, но был арестован и привлечен к суду (см. далее, приложение к донесению от 15 января 1790 г.); оправдан, благодаря интригам двора.

[14] Lambesc Карл-Евгений, принц (1751—1825) — родственник Марии-Антуанетты, командовал королевским немецким полком. 12 июля 1789 г. во главе полка разгонял толпу, собравшуюся в саду Тюильри. Получил прозвище «Sabreur des Tuileries» («тюильрийский рубака»).

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 24 ИЮЛЯ 1789 г.

№ 68

Париж, 13/24 июля 1789 г.

Милостивый государь,

Поскольку мне ничего не возвращено обратно из посланного с г. Павловым, отправленным в прошлое воскресенье курьером, я предполагаю, что он переехал через границу благополучно и не был арестован в пути[1].

В прошедший вторник граф де Монморен возобновил обычные совещания с дипломатическим корпусом в Версале. Граф де Сен-Прист также вернулся к исполнению обязанностей в своем ведомстве, и граф де Ла Люзерн[2] также призван вновь и прибыл во вторник в полдень в Версаль, чтобы принять управление морским ведомством.

Экстренный курьер в Брюссель с письмами короля и Национального собрания г. Неккеру уже не застал этого министра, выехавшего 15-го во Франкфурт, и отправлен туда вслед за ним. Другой курьер послан прямо в этот город, и двор и общество надеются, что г. Неккер примет приглашение короля и нации вернуться во Францию и войти вновь в министерство. Возможно, что назначение хранителя печати и военного министра отложено до его прибытия для того, чтобы выбор их был решен с его согласия и при его участии.

Здесь получены письма от 5 июня с известием о смещении Великого визиря, который был заменен некоим никому не известным Хассаном-пашою.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 43. Получено 4 августа.

[1] Павлов прибыл в Петербург 27 июля с донесением Симолина о взятии Бастилии (предыдущее донесение). Через два дня он был вызван к императрице для личной беседы. Об этом сообщает в своем дневнике, под 29 июля 1789 г., Храповицкий: «Призван был тит. советник Павлов, но оробел. Велено ему подать изъяснение на письме. Разговор ее величества о происшедшем в Париже. Le pourquoi est le roi? Он всякий вечер пьян, и им управляет кто хочет, сперва Breteuil партии королевиной, потом prince Condé et comte d'Artois и, наконец, La Fayette уговорили его итти в собрание депутатов. Все знатные и принцы крови выезжают из Франции, многие уже в Брюсселе». («Дневник Храповицкого», СПБ. 1874, 299).

[2] La Luzerne Сезар-Анри, граф де (1737—1799)—генерал, был губернатором в одной из колоний, когда был призван Людовиком XVI на пост морского министра, но, разделив непопулярность Неккера и его коллег, вынужден был уйти в отставку в октябре 1790 г. и эмигрировал в Англию.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 24 ИЮЛЯ 1789 г.

К № 68

Париж, 13/24 июля 1789 г.

Когда я приветствовал графа де Сен-Приста по поводу его приезда и возвращения в министерство, он просил меня повергнуть его к стопам императрицы и уверить ее в его восхищении и почтительнейшей преданности ее августейшей персоне.

Он признался мне, что предпочел бы ведомство иностранных дел управлению королевским двором и что им было сделано предложение г. де Монморену поменяться с ним, но что тот и слышать об этом не хотел. Он сказал мне также, что все намеки на мир были с гордостью отвергнуты

в Константинополе, что там высказывались о нем очень двусмысленно, так что оба императорских двора не могут надеяться поколебать непреклонность Оттоманской Порты и могут добиться надежного и почетного мира только своим оружием и блестящими успехами.

Никогда моя душа не была здесь так охвачена печалью, как теперь. Париж похож на логовище тигров.

Ужасно произошедшее с г. Фулоном, бывшим интендантом армии, которому в самое последнее время было снова предназначено интендантство армии и флота, и с его зятем, г. Бертье[1].

Говорят, что народ составил список 54 жертв, которых он собирается еще принести в жертву своей ярости. Называют гг. де Сартина[2], Ле Нуара[3], Бомарше[4] и многих других, которых обвиняют в спекуляции хлебом. Не было никаких других обвинений и против обоих несчастных, которых постигла такая ужасная и жестокая судьба. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 44. Шифровано. Получено 4 августа.

[1] Реакционеры славившиеся своей жестокостью; олицетворяли для народа ужасы голода.

[2] Sartine Габриэль, граф д'Альби (1729—1801)—известный начальник полиции при Людовиках XV и XVI, организатор секретной ее части. С 1774 по 1780 гг. морской министр. Неумелое управление этим ведомством вызвало нападки на него со стороны Неккера и его отставку. Возбуждал ненависть народа, как яркий представитель дореволюционной администрации, широко применявший «lettres de cachet» и распространивший агентуру сыска на придворную и частную жизнь.

[3] Le Noir Жан-Шарль (1732—1807)—начальник полиции после Сартина. С 1785 г. библиотекарь короля.

[4] Знаменитый драматург. Пристрастие его к торговым спекуляциям было хорошо известно.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 24 ИЮЛЯ 1789 г.

К № 69

Париж, 13/24 июля 1789 г.

В среду чернь расправилась с г. де Фулоном, бывшим интендантом армии. Его повесили на фонарном столбе, отрубили потом ему голову, насадили ее на палку от метлы и понесли по улицам Парижа в Пале-Роаяль и затем отправили ее навстречу его зятю, г. Бертье де Совиньи, интенданту Парижа, арестованному в Компьене; его везли оттуда в Ратушу под сильным конвоем из обывателей Парижа. Тело де Фулона таскали за ноги по улицам и стокам Парижа.

Г-н Бертье через полчаса после приезда был отведен в Ратушу, и его постигла та же участь, что и г. Фулона. Его сердце и внутренности были сожжены в Пале-Роаяле, а остатки трупа изрублены на куски.

16-го этого месяца г. герцог Дю Шатле, командир полка Французской гвардии, подал в отставку; говорят, что третьего дня полк был распущен и что он будет соединен с буржуазной милицией и офицеры сохранят свое жалованье. Четыре роты, которые находятся в Версале и несут охрану короля, будут, однако, продолжать свою службу, и его величество позаботится о них. Ut in litteris.

И. Симолин

Есть письма из Базеля, куда приехал посланный отсюда курьер для встречи г. Неккера, в которых сообщается, что г. Неккер туда прибыл и, вне всякого сомнения, немедленно вернется в Версаль. Надо надеяться, что его возвращение в министерство умиротворит народное возбуждение

и поможет восстановить общественное спокойствие. Вчера цена хлеба весом в четыре фунта понизилась на одно су. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 49. Получено 4 августа.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 31 ИЮЛЯ 1789 г.

К № 71

Париж, 20/31 июля 1789 г.

Сто двадцать депутатов, избранных коммунами шестидесяти дистриктов города Парижа, собрались в субботу в Ратуше, в губернаторском зале. По желанию, выраженному голосованием всех дистриктов, мэром города вновь провозгласили г. Бальи, а г. маркиза де Лафайета—генералом Национальной милиции Парижа.

ВООРУЖЕННЫЕ ГРАЖДАНЕ ОТПРАВЛЯЮТСЯ ИЗ ПАРИЖА В ВЕРСАЛЬ 5 ОКТЯБРЯ 1789 г.
Современная гравюра неизвестного мастера

Эрмитаж, Ленинград

Оба эти представителя гражданской и военной власти принесли присягу, и гг. депутаты Коммуны поклялись от имени дистриктов повиноваться им во всем, что они прикажут для общественного блага.

Собрание затем постановило, что Временный комитет, Продовольственный комитет и Комитет докладов будут образованы из депутатов дистриктов и из избирателей, которые до сих пор управляли делами муниципалитета, что этих избирателей, патриотизму которых Коммуна многим обязана, будут просить принять участие во всех этих комитетах, пока не будет установлена муниципальная конституция.

Г-н Неккер прибыл в Версаль во вторник в десять часов вечера. На другой день утром он имел аудиенцию у короля и затем явился засвидетельствовать свою признательность Национальному собранию, и ему отвечал г. председатель. Вчера этот министр отправился в Ратушу, где он был принят с большою радостью по случаю его возвращения.

Речи, которые были при этом произнесены с той и с другой стороны, появятся, вероятно, сегодня вечером[1]. Ut in litteris.

И. Симолин

Присутствие г. Неккера в Ратуше, как говорят, привело к решению дать всеобщую амнистию. По случаю возвращения этого министра, вечером Париж был иллюминован. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 61. Дата получения неизвестна.

[1] Речь Неккера была послана Симолиным одновременно с донесением от 7 августа 1789 г. (см. ниже).

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 7 АВГУСТА 1789 г.

№ 73

Париж, $\frac{\text{27 июля}}{\text{7 августа}}$ 1789 г.

Полнейшая и беспримерная анархия продолжает приводить Францию в состояние полного разрушения. Нет ни судей, ни законов, ни исполнительной власти, и о внешней политике настолько нет речи, как будто это королевство вычеркнуто из списка европейских держав. Национальное собрание, повидимому, раздирается на части враждебными друг другу кликами. Король и королева содрогаются в ожидании неисчислимых последствий революции, подобной которой не знают летописи. Король был очень опечален изменой ему четырех рот Французской гвардии, которые он сохранил за собой для несения службы в Версале, и утром, когда они ушли, камер-лакеи, лакеи и другие слуги дворца были вооружены и им была вверена охрана, пока их не сменила буржуазная милиция, которая начала с того, что сорвала приказ, вывешенный князем де Пуа[1], назначенным командующим названной милицией. Вне всякого сомнения, что недовольство полка Французской гвардии своим командиром, герцогом Дю Шатле, мелочным, ничтожным, сварливым, дало толчок этой удивительной революции и вызвало своим примером измену других отрядов, собранных для поддержания спокойствия. Ропот названного полка, требующего вознаграждения и отказавшегося войти в состав милиции дистриктов и быть под командой буржуа, начинает беспокоить обитателей столицы. Несколько сот этих гвардейцев уже потребовали отпусков, которые и были им предоставлены. Общество, кажется, убеждено в том, что если бы маршал де Бирон[2] был жив, то этот полк, который был великолепно организован, никогда не запятнал бы себя неповиновением.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 66. Шифровано. Дата получения неизвестна.

[1] Poix Филипп-Людовик де Ноайль, князь де (1752—1819)—депутат от дворян в Генеральных штатах. Оставаясь приверженцем короля, вскоре подал в отставку.
[2] Biron Луи-Антуан де Гонто, герцог (1700—1788)—маршал Франции.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 7 АВГУСТА 1789 г.

К № 73

Париж, $\frac{\text{27 июля}}{\text{7 августа}}$ 1789 г.

Король назначил архиепископа Бордосского[1] хранителем печати и генерал-лейтенанта графа де Ла Тур дю Пен Полен[2]—государственным секретарем по военным делам. Маршал де Бово[3] объявлен государственным министром, и архиепископ Виенский[4] назначен ведать учетом бенефиций.

Несмотря на мудрые и решительные меры, принимаемые Муниципальным комитетом для восстановления порядка и тишины не только в столице, но и в окрестностях, в Сен-Дени произошло кровавое событие. Банда разбойников, не заслуживающих называться народом, недовольная мэром Сен-Дени, заподозренным в близких сношениях с злополучным интендантом Парижа, г. Бертье, погналась за этим несчастным, который спрятался на колокольне, и отрубила ему голову, насадила ее на копье, намереваясь в понедельник утром носить ее по улицам Парижа, но это безобразие было предотвращено.

ТЕРУАНЬ ДЕ МЕРИКУР
Миниатюра на кости французской школы, 1790-е гг.
Эрмитаж, Ленинград

Я беру на себя смелость присоединить сюда речь, произнесенную господином Неккером 30 июля в Ратуше[5]. *Ut in litteris.*

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 69. Дата получения неизвестна.

[1] Champion de Cicé Жером-Мари (1735—1810)—архиепископ Бордосский.
[2] La Tour du Pin Жан-Фредерик, граф де Полен (1727—1794).
[3] Beauvau Шарль-Жюст де (1720—1793)—маршал с 1783 г.
[4] Pompignan Le Franc Жан-Жорж (1715—1790)—архиепископ Виенский.
[5] К донесению приложена речь Неккера: «Discours prononcé le 30 juillet 1789 à l'Hôtel de Ville par M. Necker, directeur général des Finances à l'Assemblée des Représentants des Districts et à l'Assemblée générale des Electeurs».

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 28 АВГУСТА 1789 г.

К № 81

Париж, 17/28 августа 1789 г.

Граф де Монморен сказал мне во время моей беседы с ним во вторник, что, по полученным им известиям, союзный трактат, которого так добивался

у Оттоманской Порты шведский король[1], наконец, заключен и что в нем имеется пункт о незаключении мира ни одной из сторон без согласия другой; что поставлен вопрос о субсидиях, но что шведскому королю очень трудно будет получить что-либо, и, во всяком случае, платежи будут производиться очень медленно.

Во вторник, в день св. Людовика, был выход у короля и прием у королевской семьи. Депутация Национального собрания была введена торжественно к королю. Двери были широко открыты, и они будут открыты и в дальнейшем для каждой депутации. Король ответил на речь председателя, что он «принимает с радостью выражения преданности Национального собрания и что оно всегда может рассчитывать на его доверие и любовь».

После процессии кавалеров ордена св. Людовика[2] и большой мессы, торжественно отслуженной, король возвратился в свой кабинет, где он принял депутацию от Парижа, в составе мэра города и нескольких членов Коммуны, Главного штаба и Муниципалитета во главе с маркизом де Лафайетом. Г-н мэр, принося присягу, сказал: «Ваше величество, здесь, в вашем присутствии, я клянусь богу уважать самому и заставить уважать других законную власть вашего величества, поддерживать и защищать священные права граждан и оказывать правый суд всем».

Больше всего удивило всех присутствие в кабинете короля г. д'Ормессона, бывшего главного контролера, в мундире Национальной гвардии и при шпаге. Герцог Орлеанский, единственный из всех принцев крови, участвовал в процессии.

Уже восемь дней, как хлеба не только недостаточно и он дурного качества, но во вторник, среду и вчера его было так мало, что я даже не мог достать его для себя. Затруднения с мукой объясняются, как говорят, недостатком воды на мельницах и безветрием. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 117. Первый абзац шифрован. Получено 8 сентября.

[1] Густав III.

[2] Орден давался за военные заслуги, носили его на красной ленте, и кавалеров его называли «cordons rouges» («красные ленты»).

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 18 СЕНТЯБРЯ 1789 г.

К № 91

Париж, 7/18 сентября 1789 г.

Собрание представителей Коммуны Парижа постановило нижайше умолять короля обратить внимание на продовольственное положение города Парижа и притти ему на помощь самыми решительными и надежными мерами, которые внушит ему его мудрость. Вследствие этого его величество издал 7-го числа текущего месяца постановление от имени Государственного совета, разрешающее введение, только до конца этого года, особых мероприятий, о которых ходатайствовало собрание представителей Коммуны Парижа.

Уже несколько дней, как хлеб в Париже не только очень плохого качества, но его и очень мало, что является непонятным, ввиду того, что урожай этого года один из самых обильных.

В субботу и воскресенье были волнения в Версале из-за хлеба, и одному булочнику уже накинули веревку на шею и он был бы повешен, если бы

буржуазная милиция не пришла ему на помощь. Вздорожание всех продуктов все увеличивается и становится совершенно невыносимым. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 154. Получено 29 сентября.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 9 ОКТЯБРЯ 1789 г.

№ 97

Париж, $\frac{\text{28 сентября}}{\text{9 октября}}$ 1789 г.

Милостивый государь,

Новое восстание, трагические и гибельные последствия которого неисчислимы, повергло Париж и Версаль в ужас. В понедельник утром 5-го этого месяца несколько сотен торговок, величаемых теперь «дамами рынка», рассеялись по городу и принудили итти за собою попадавшихся им навстречу женщин.

Они вооружились чем попало. Затем направились к Ратуше; несколько мужчин присоединилось к ним. Ратуша была взята силой. Они завладели оружием и запасными пушками и с триумфом их увезли.

Вооруженные солдаты шестидесяти дистриктов бросились на Гревскую площадь, но, так как они шли отдельными отрядами, им не удалось успокоить смятение.

В полдень толпа этих женщин в количестве нескольких сотен двинулась на Версаль, несколько мужчин примкнуло к ним; женщины везли с собой пушки и, пройдя некоторое расстояние, остановились на Avenue de Paris, где их встретили драгуны.

В Париже продолжалось волнение; около пяти часов вечера отряды

„ДОСТОПАМЯТНЫЙ ВЕРСАЛЬСКИЙ ДЕНЬ 5 ОКТЯБРЯ 1789 г."
Современная лубочная гравюра
Эрмитаж, Ленинград

шестидесяти дистриктов с большим количеством вооруженных граждан, с 18 пушками, с маркизом де Лафайетом во главе, вынужденным итти с ними во избежание [насилия][1], отправились в Версаль, куда они прибыли между одиннадцатью часами и полночью. Народ заявлял, что он требует своего короля и хлеба.

Ночь прошла в сильнейшем волнении. Драгуны, фландрские и швейцарские полки выстроились под знаменами Национальной гвардии, поскольку у них совсем не было никакого желания оказывать хотя бы малейшее сопротивление. Банкет, данный на прошлой неделе гвардейцами королевской охраны офицерам Фландрского полка и версальского муниципалитета, на котором, как говорят, была оскорблена национальная кокарда, вызвал возмущение масс; вызывающий тон некоторых гвардейцев довел толпу до окончательного безумия. Женщины хотели ворваться в апартаменты королевы, против которой они, повидимому, имели злодейские намерения. Один гвардеец королевской охраны, стоявший в карауле, начал стрелять, убил и ранил нескольких женщин и одного гвардейца из буржуазной гвардии. Этому гвардейцу и еще одному отрубили головы, насадили их на пики и отправили в Париж. Я их встретил на полдороге от Версаля; пять других гвардейцев охраны сделались жертвами народной ярости и были бы также убиты, если бы сам король не попросил пощадить их. В четыре часа утра с понедельника на вторник толпа этих бешеных женщин, среди которых, как говорят, были переодетые мужчины, взломала ударами топора несколько дверей со стороны оранжереи, чтобы проникнуть в комнату королевы, где она почивала; ее величеству пришлось поспешно спасаться, почти в одной сорочке, в комнату короля.

Причинами этого восстания были нужда в хлебе в Париже, которая, действительно, очень велика, и распространение слуха о задуманном аристократической партией похищении короля и намерении препроводить его в Мец. В результате, чтобы успокоить это волнение, король вынужден был согласиться покинуть Версаль со всей королевской семьей и переселиться в Париж, в Тюильри.

Во вторник в час пополудни король сел в карету вместе с королевой, его высочеством дофином, ее высочеством дочерью, с Monsieur[2], Madame[3] и с принцессой Елизаветой[4] и направился в столицу в сопровождении многих других карет, всей парижской милиции, ста швейцарцев, Фландрского полка, драгун и артиллерии, привезенной из Парижа. Весь этот кортеж прибыл в столицу лишь между семью и восемью часами. Только карета, в которой ехал король со своей семьей, сопровождаемая по обе стороны солдатами, гражданами и вооруженными женщинами, была направлена в Ратушу, куда их величества и вошли. Мэр, испросив разрешения короля, сказал, что его величество при въезде в Париж обратился к нему со следующими словами: «Всегда с удовольствием и с доверием нахожусь я среди жителей моего доброго города Парижа». Но, повторяя речь короля, г. мэр забыл слова «и с доверием», о которых ему король тотчас же напомнил. Г-н мэр, поправившись, сказал: «Милостивые государи, теперь вы более осчастливлены, чем если бы я сам вам это сказал». Радостные крики и аплодисменты удвоились после этой речи. Герцог де Лианкур[5] объявил затем, с согласия короля, что Национальное собрание постановило во вторник утром, что оно рассматривает себя неотделимым от особы его величества и перенесет, следовательно, свои заседания в Париж. Их

величества отправились в Тюильри в десять с половиной часов. Для короля не было приготовлено апартаментов, и он занимает комнаты королевы, которая спит на антресолях. Для его высочества дофина, для ее высочества дочери короля и принцессы Елизаветы заняли помещения частных лиц, Monsieur и Madame помещены в Люксанбурском дворце.

Папский нунций встретил в Севре процессию с отрубленными головами, его карета была остановлена. Он почувствовал себя дурно и вернулся обратно. Эта же процессия пропустила меня, не остановив и не сказав ни одного слова.

Если мне попадется подробное и беспристрастное описание этого восстания, я не премину послать его вашему сиятельству; сегодня я ограничиваюсь докладом, основанным на слухах, которые очень противоречивы.

После этого похода на Версаль, после того, как короля перевезли в Париж, словно пленника, от которого его положение почти не отличается, можно было бы предположить, что возбуждение успокоится, но, когда я был вчера на утреннем приеме короля, я узнал, что толпа народа осадила ломбард (Mont de Piété), полагая, что королева обещала выкупить все заклады, не превышающие по своей стоимости луидора, что оказалось выдумкой. Ратуша отдала приказ трем батальонам Национальной милиции охранять этот неприкосновенный склад ценностей, который мог стать добычею черни. К вечеру, говорят, ломбард был в безопасности и народ рассеян.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугой

И. Симолин

D. R., к. 46, л. 206. Получено 20 октября.

[1] Пропуск в подлиннике, восстанавливаем предположительно.

[2] «Monsieur»—титул старшего из братьев французского короля; в данное время принадлежал графу Прованскому (1755—1824), впоследствии королю Людовику XVIII.

[3] «Madame»—титул жены старшего из братьев короля.

[4] Madame Elisabeth (1764—1794)—сестра Людовика XVI.

[5] La Rochefoucauld-Liancour Франсуа-Александр, герцог де (1747—1827)—придворный Людовика XVI. Депутат от дворян в Генеральные штаты.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 16 ОКТЯБРЯ 1789 г.

К № 101

Париж, 5/16 октября 1789 г.

Просьбы членов Собрания о выдаче им паспортов по мотивам состояния здоровья или устройства личных дел умножаются со дня на день. Это наблюдается особенно теперь, в момент, когда духовные лица переживают треволнения и опасения и, во избежание оскорблений, свистков и даже нападений, вынуждены скрываться, переодеваться и закрывать тонзуру париком. Повидимому, люди этого сословия подвергнутся преследованию. Один священник-патриот заявляет в опубликованном им письме, что он слышал, как из толпы был произнесен кровавый приговор: «Задержать этого скуфейника! Повесить всех этих негодяев! На фонарь!..».

Посмотрим, примирится ли народ с этим сословием после предложения епископа Отёнского[1] продать церковные земли в пользу нации. В понедельник предложили декретировать два основных положения этого проекта: 1) «Церковные земли принадлежат нации, которая позаботится о судьбе священников». 2) «Каждый священник получит, по крайней мере, 1200 ливров и жилище». Обсуждение этих двух статей отложено до другого дня.

На этом же заседании в понедельник г. де Мирабо потребовал, чтобы ему отвели день для ответа на письмо г. де Сен-Приста[2], чтобы исчерпать это дело до конца. Письмо это я приложил к моей депеше в прошлый понедельник. Пока нет таких ужасов, которых не позволяли бы себе печатать и распространять об этом министре-патриоте, чтобы очернить его и уронить в общественном мнении.

Беру на себя смелость приложить к сему два обращения короля к народу от 9-го этого месяца; одно из них касается ломбарда Mont de Piété и акта благотворительности короля, распорядившегося безвозмездно возвратить белье и зимнюю одежду, взятые в залог по ссудам, не превышающим 24 ливров.

В другом обращении к жителям провинции разъясняются обстоятельства, которые заставили его величество перенести свою резиденцию в Париж, и объявляется его намерение посетить без всякой пышности свои провинции, когда Национальное собрание закончит свой великий труд по восстановлению общественного благополучия[3]. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 47, л. 17. Дата получения неизвестна.

[1] Известный дипломат и делец Талейран-Перигор (Talleyrand-Périgord) Шарль-Морис (1754—1838). В качестве епископа Отёнского был депутатом в Национальном собрании и 10 октября 1789 г. провел декрет о продаже нации рент и земельных фондов духовенства, обеспечив последнему сто миллионов дохода. Эта операция по своему финансовому размаху и социальному значению является одним из крупнейших законодательных актов революции.

[2] Мирабо выступил с обвинением против Сен-Приста, сказавшего, якобы, в Версале в дни 5—6 октября женщинам, требовавшим хлеба: «Вы не нуждались в нем, когда у вас был только один король, идите и просите хлеба у ваших тысячи двухсот властителей» («Vous n'en manquiez pas, quand vous n'aviez qu'un roi; allez en demander à vos douze cents souverains»). В своем письме Следственному комитету Национального собрания Сен-Прист утверждал, что он не произносил этих слов, и просил расследовать это дело. Копия этого письма приложена к депеше Симолина от 12 октября 1789 г.

[3] К донесению приложены: «Proclamation du Roi, concernant le Mont de Piété. Du 9 octobre 1789»; «Proclamation du Roi. Du 9 octobre 1789».

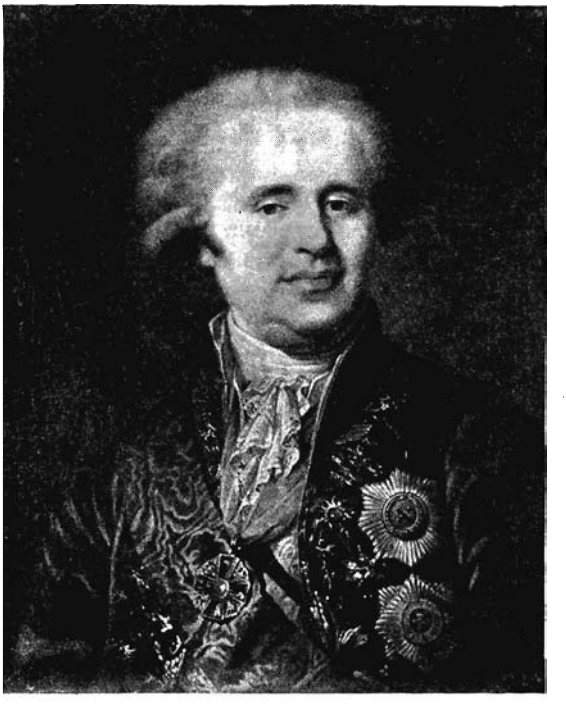
ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 27 ОКТЯБРЯ 1789 г.

К № 106

Париж, 16/27 октября 1789 г.

Г-н де Мирабо сказал в среду, когда Коммуна Парижа и генерал, командующий Национальной милицией, торопили с введением военного положения, что неразумно и недостойно Собрания в такой бурный момент вместо необходимых мер лечения принимать меры, продиктованные вспышкой самолюбия. Если говорят о необходимости военного положения и о создании трибунала, который уменьшит подозрение, сгладит обиды народа, то эти соображения важны, но они не являются основными. Все должно склониться перед народом, который голоден. Создание трибунала не является первым в ряду предстоящих мероприятий; Мирабо знает только одно, а именно: потребовать ответа от исполнительной власти, какие меры приняты к облегчению продовольственного положения, дать этой власти средства и сделать ее тотчас же ответственной. Это коварное предложение делает этого современного Катилину властителем над министрами и их головами даже при изобилии продуктов. Все министры подали в субботу Национальному собранию коллективно подписанное заявление,

А. А. БЕЗБОРОДКО
Портрет маслом Лампи-отца
Русский музей, Ленинград



в котором они говорят, что при настоящих обстоятельствах нужно больше добродетели и мужества для того, чтобы оставаться на посту министра, чем отказаться от него, потому они предлагают уступить свои места лицам более способным, а самим уйти в отставку.

Нужно признать, что г. де Мирабо не скрывает своего намерения войти ценой любых средств в состав министерства и заменить г. Неккера или г. графа де Сен-Приста. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 47, л. 51. Получено 18 ноября.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 6 НОЯБРЯ 1789 г.

К № 110

Париж, $\frac{\text{26 октября}}{\text{6 ноября}}$ 1789 г.

Недостаток муки начинает снова чувствоваться в Париже. Во вторник и среду была давка у дверей булочных, хотя они делали семь выпечек вместо пяти, как обычно, и вчера я не имел хлеба ни для себя, ни для своих домашних. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 47, л. 79. Получено 18 ноября.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 18 НОЯБРЯ 1789 г.

№ 114

Париж, 7/18 ноября 1789 г.

Милостивый государь,

В моем нижайшем рапорте за № 101 от 5/16 прошедшего месяца я имел честь донести вашему сиятельству, что, по предложению Следственного комитета, Национальное собрание постановило, что впредь не может быть

ни для кого привилегированного положения. Ввиду того, что этот декрет не предусматривает никакого исключения из общего правила, дипломатический корпус почел себя вынужденным, чтобы избежать в будущем неверных толкований, которые могут возникнуть и скомпрометировать его достоинство, представить графу де Монморену ноту, копию которой беру на себя смелость приложить к сему вместе со статьей «Journal de Paris»[1], заключающей в себе вышеупомянутый декрет. Дипломатический корпус желает иметь определенную декларацию, чтобы быть спокойным в отношении полного сохранения за собою прав, которыми пользуются при всех дворах Европы посланники Франции.

Я не премину послать также вашему сиятельству ответ графа де Монморена, который он будет уполномочен дать дипломатическому корпусу. Я всегда придерживался мнения, что Национальное собрание отнюдь не могло иметь намерения нарушить международное право и посягнуть на привилегии и иммунитет, которыми пользуются во всех государствах мира представители государей.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 47, л. 97. Получено 5 декабря.

[1] К донесению приложена рукописная копия ноты дипломатического корпуса Монморену—«Notes». Упоминаемый Симолиным «Journal de Paris» отсутствует.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 18 НОЯБРЯ 1789 г.

К № 115

Париж, 7/18 ноября 1789 г.

Я только-что узнал от одного депутата Национального собрания, члена Следственного комитета, что получено несколько писем из Англии и провинций, предупреждающих Национальное собрание о том, что к 25-му текущего месяца готовится новое восстание, которое повергнет столицу и королевство в самые ужасные волнения и вызовет прискорбные последствия. Только одно из этих писем позволяет предугадать, что цель восстания—похищение короля.

Эти письма были сообщены г. Неккеру и маркизу де Лафайету, чтобы они могли принять необходимые меры для предотвращения этого или подобных проектов. Большая часть депутатов считает, что эти письма написаны в Париже заговорщиками, чтобы побудить город к большему ограничению короля и тем дать больше поводов провинциям считать его величество пленником в столице. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 47, л. 99. Получено 5 декабря.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 7 ДЕКАБРЯ 1789 г.

К № 121

Париж, $\frac{\text{26 ноября}}{\text{7 декабря}}$ 1789 г.

Сегодня при дворе объявлен траур на два месяца по случаю смерти эрцгерцогини Марии-Анны Австрийской, сестры королевы, скончавшейся в Клагенфурте.

Вчера через курьера, отправленного из Тулона, стало известно, что муниципалитет этого города арестовал коменданта г. д'Альбера де Риона, в чине генерал-лейтенанта, помощника коменданта, майора

и одного или двух командиров кораблей и распорядился бросить их в тюрьмы города за то, как говорят, что ими было уволено несколько негодяев из числа рабочих арсенала. Ожидают, что сегодня утром будет доклад в Собрании об этом событии, которое возмущает всех честных людей. Ut in litteris.

И. Симолин

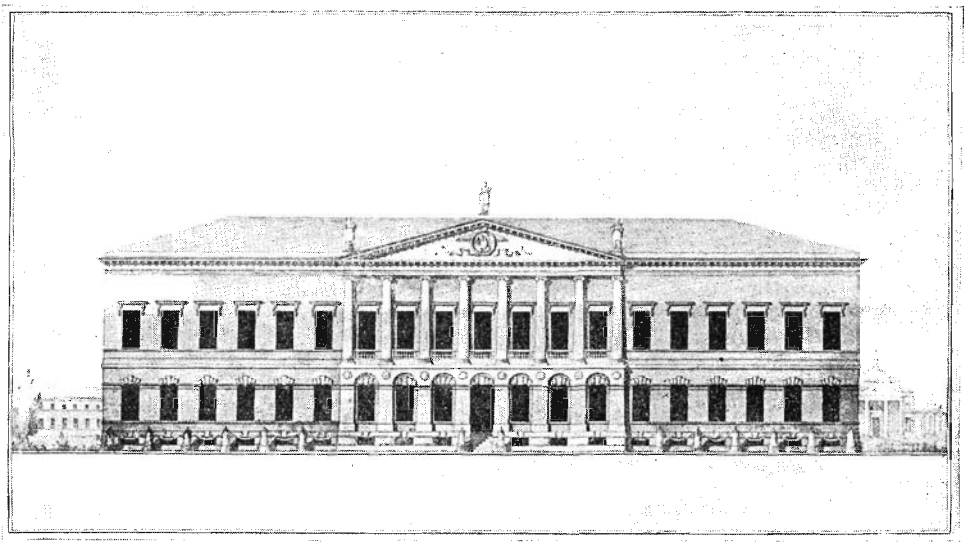
D. R., к. 47, л. 154. Получено 20 декабря.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 28 ДЕКАБРЯ 1789 г.

К № 129

Париж, 17/28 декабря 1789 г.

Monsieur, брат короля, отправился в субботу в шесть часов вечера в Ратушу, чтобы объясниться по поводу усиленно распространяемой



ЗДАНИЕ КОЛЛЕГИИ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В ПЕТЕРБУРГЕ
Рисунок (проект) Дж. Гваренги
Музей города, Ленинград

листовки, в которой говорится о его тесной связи с г. де Фаврасом[1], арестованным в ночь с четверга на пятницу вместе с несколькими другими лицами и обвиняемым в заговоре против г. де Лафайета и г. Байи, мэра города. Речь его высочества в Коммуне напечатана, и я беру на себя смелость приложить ее при сем[2]. Есть люди, считающие, что этот заговор такого же рода, как тот, который, как говорят, замышлялся в свое время против города Парижа и существование которого до сих пор ничем не доказано. Допросы г. де Безанваля послужили только для того, чтобы уничтожить басню об этом заговоре.

Граф Роже Дамà[3], полковник нашей службы, прибыл в Париж прямо из Бендер. Он мне привез письмо от главнокомандующего, князя Потемкина-Таврического, с сообщением о том, что под командованием его [Потемкина] им совершены два похода и что он удостоен чина полковника и креста св. Георгия за свои заслуги и доблесть, проявленную на службе ее императорского величества. Граф де Монморен сказал мне вчера в Тюильри, что он ходатайствовал у короля о разрешении носить

графу Дамà этот знак отличия в награду за его заслуги и что его величество дал свое согласие на это. Этот офицер—настоящий русский и отдает должное нашим войскам и их командирам.

Он мне сказал, что рассчитывает вернуться в армию, если война продолжится, что кажется маловероятным.

Г-н Павел Нарышкин[4], прибыв в Париж со своим спутником, г. капитаном де Рошрёйлем, передал мне письмо, которое вы, ваше сиятельство, соблаговолили им вручить 24 июля 1785 [?] г. Я сделаю все зависящее от меня, чтобы оказать им в этой стране услуги, которые им будут приятны. Они приезжают как раз в такое время, которое не может считаться особенно благоприятным для пребывания в Париже. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 47, л. 197. Получено 20 января.

[1] Favras Тома-Маи, маркиз де (1744—1790)—лейтенант Швейцарской гвардии графа Прованского (1772—1776) и его агент; пытался организовать особую армию роялистов, которая должна была осуществить контрреволюционные замыслы, между прочим, увезти короля и его семью из Франции. Был казнен (повешен) на Гревской площади, не выдав своих высоких соучастников. См. о нем ниже, приложение к донесению № 16 от 22 февраля 1790 г.

[2] К донесению приложен «Discours de Monsieur à la Commune» на 4 страницах.

[3] Damas Роже, граф де (1765—1823)—находился во время второй турецкой войны Екатерины II на русской службе. Отличился при взятии Очакова и осаде Измаила.

[4] Нарышкин Павел Петрович (1768—1841)—камергер двора.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 11 ЯНВАРЯ 1790 г.

К № 133

Париж, 31 декабря 1789 г. / 11 января 1790 г.

Государственный министр[1] маршал де Бово подал в отставку.

В среду и четверг были народные волнения в Версале. Толпа народа, бросившись в муниципалитет, потребовала с ужасающими угрозами снижения цены на хлеб с трех до двух су за фунт. Чтобы предупредить переход от угроз к непосредственному действию, муниципалитет постановил удовлетворить требование по отношению к тем, бедность которых удостоверена; они будут предъявлять булочникам записки, по которым муниципалитетом будет возмещаться разница. Из Парижа посланы войска для подкрепления буржуазной гвардии Версаля и Фландрского полка, который там расквартирован.

Обвинения, предъявленные некоему г. де Фаврасу, недавно арестованному, до того нелепы и чудовищны, что при первом ознакомлении нельзя не отметить, что план заговора является произведением совершенного безумца или же сплетением нарочно выдуманной лжи, чтобы держать нацию в бреду замышляемых заговоров против Национального собрания и конституции, созданием которой оно занято.

Прежде всего, проект образовать армию в сто сорок четыре тысячи человек на границе Фландрии из немецких войск, из войск округа, нескольких французских полков, которых надеются привлечь, из всех солдат, изменников и недовольных лишен всякого вероятия, особенно при таком организаторе, каким является вышеупомянутый Фаврас. Похищение короля и королевской семьи, для осуществления чего собирались вселить ужас в душу этого монарха и уверить его, что предместья Сент-Антуан и Сен-Марсо восстали и посягают на его священную голову и что ему необходимо тотчас же уехать для блага и спасения государства, является, повидимому, также проектом, выполнение которого кажется невозможным.

Между тем, ведется следствие об этом заговорщике, и вскоре будут известны правда и ложь об этом заговоре, за который виновник его, без сомнения, заплатит своей головой.

Король оказал милость графу Роже Дамá, полковнику службы императрицы, произведя его в полковники и во Франции, что является очень большим преимуществом для него, поскольку проектируемая новая организация армии отодвинула бы его производство, по крайней мере, на пятнадцать лет. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 48, л. 4. Получено 26 января.

[1] Государственный министр—министр без портфеля, в отличие от королевского министра (ministre de la Maison du Roi) и от министров, управлявших определенными департаментами.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 15 ЯНВАРЯ 1790 г.

К № 1

Париж, 4/15 января 1790 г.

Среди множества свидетельских показаний не было еще ни одного, которое обвинило бы барона де Безанваля, бывшего генерал-лейтенанта и подполковника полка Швейцарской гвардии. В понедельник вечером было вызвано несколько свидетелей, которые должны были дать свои показания.

В четыре с половиной часа народ бросился к Шатле[1]. Толпа увеличивалась с каждой минутой, время от времени раздавались мятежные возгласы, и заметно было намерение напасть на охрану.

Когда залы заседания суда заполнились, было дано строжайшее распоряжение никого не пропускать, чтобы не загромождать проходов. Народ с трудом поддавался убеждениям в том, что помещение, действительно, так полно, как уверяли, и сделал новые попытки проникнуть внутрь;

И. А. ОСТЕРМАН
Портрет маслом неизвестного художника, конец XVIII в.
Русский музей, Ленинград

послышались требования голов г. де Безанваля и г. Фавраса; в конце концов, стали опасаться вторжения толпы. Один из докладчиков, прибывший около пяти часов, доложил суду, что некоторые формальности, упущенные при вызовах в суд, заставляют отложить заседание. Что касается происходившего снаружи, то там дело не прошло так мирно: когда несколько голосов потребовало голов г. де Безанваля и г. де Фавраса, тысячи присоединились к ним, предъявляя то же требование, сопровождая его мятежными возгласами; один из самых ярых бунтовщиков был арестован.

В понедельник вечером ожидали восстания, и многочисленная охрана бодрствовала всю ночь. Опасения увеличились к утру, и были даны распоряжения держать под ружьем всех гренадеров; около пяти часов застучали молотки во все двери. Толпа бросилась также к Шатле, но была удержана на расстоянии направленными со всех сторон пушками, заряженными на случай серьезного восстания.

Во вторник после полудня большое количество состоящих на жалованье национальных гвардейцев отправилось в Елисейские поля с совсем не мирными намерениями, и каждую минуту число их увеличивалось; это скопище представляло собою большую опасность.

Гренадеры, стрелки и кавалерия окружили их. Не оставалось ни малейшего сомнения в их дурных намерениях, судя по тому, что они пытались обратиться в бегство. Некоторые даже пробовали ускользнуть, бросаясь в реку. Они были арестованы в количестве двухсот десяти и сразу подвергнуты первоначальному дисциплинарному взысканию; им было предложено снять обмундирование, и они тотчас же были отведены под надежным конвоем, по всей вероятности, под арест в Сен-Дени.

Поводом к этому восстанию послужили требование о повышении оклада жалованья и недовольство некоторыми условиями службы, о чем они собирались заявить. В назначенный день они решили отправиться вооруженными в Елисейские поля, а оттуда двинуться к Ратуше, в полной уверенности, что, ввиду общего брожения умов, народ присоединится к ним.

Вчера и третьего дня в Париже царило полнейшее спокойствие.

Допрос г. де Фавраса продолжается. Повидимому, до сих пор в Шатле не сделано никаких открытий в связи с этим мнимым заговором. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 47, л. 215. Получено 26 января.

[1] Название двух старинных крепостей Парижа. Одна находилась на правом берегу Сены, в западной части современной площади du Châtelet, в ней помещался уголовный суд (снесена в 1802 г.); другая, на левом берегу Сены, служила тюрьмой.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 28 ЯНВАРЯ 1790 г.

№ 6

Париж, 17/28 января 1790 г.

Милостивый государь,

Вследствие письма, которое ваше сиятельство соблаговолили мне написать 11-го прошлого месяца[1], в котором сообщалось о вашем желании получать наиболее интересные статьи и брошюры, которые настоящие обстоятельства во Франции ежедневно порождают, я с особенною заботливостью буду посылать вам с каждым представившимся случаем статьи и брошюры, произведшие наиболее сильное впечатление, имеющие отно-

шение к финансам и стоящие на стороне или против демократов. Количество этих произведений огромно, и более трех четвертей из них не заслуживает никакого внимания. Сообщения «Journal Politique National»[2] о революции во Франции, бесспорно, наиболее интересны, умеренны и правдивы, поэтому ни один типограф, книгопродавец и разносчик не захотели взять на себя труд печатать это издание, принимать на него подписку и разносить его. Издатель его, аббат Сабатье де Кастр[3], вынужден был переселиться в Брюссель, и затруднения, которые встретились при выпуске этой газеты, очень замедлили ее получение[4]. Она так интересна, что я спешу вложить ее в первую посылку, которую я направляю через курьера графа де Мерси. Я разделяю эту посылку на четыре пакета под №№ 1, 2, 3 и 4 и адресую их князю Голицыну[5], с просьбой отправить дальше указанным ему способом.

Курьеры графа де Мерси стали приезжать реже, чем прежде, и вот уже более года, как они прибывают раз в три-четыре месяца. Каждый раз, как они будут приезжать, ваше сиятельство будете получать пакеты с продолжением вышеназванного «Journal Politique» и «Actes des Apôtres»[6]. Эти издания занимаются критикой главных демократов; среди вышедших номеров попадаются как слабые, так и более язвительные, которые удачно злословят. Я буду также пересылать вам печатные произведения, имеющие отношение к финансам, кроме произведений г. Неккера, отправлявшихся уже мною по мере их появления, так же как и печатные известия о подробностях взятия Бастилии, которые одни составляют очень большой пакет.

Во многих памфлетах поносят королеву, и исторический очерк, посвященный ее жизни, написанный восемь лет тому назад и появившийся в печати только в начале теперешней революции, является скоплением гадостей, клеветы и лжи таких отвратительных, что я не решаюсь вам его послать. Что касается до графа д'Артуа[7], то сначала появилась только его исповедь, также полная непристойностей и лжи, как и очерк жизни Марии-Антуанетты. Я посылаю вашему сиятельству в этой первой посылке жизнеописание герцога Орлеанского и «Новые филиппики, или Te Deum[8] французов», которые не расточают похвал этому принцу, как и брошюра «Domine salvum fac regem»[9] и продолжение ее, «Pange lingua»[10].

Министры и должностные лица не являются личностями, привлекающими внимание писателей. Их открыто называют глупцами и невеждами, но ничего не печатают на их счет.

Что же касается депутатов, которые играют роль в Национальном собрании, то ваше сиятельство найдете всюду довольно меткие характеристики, особенно в «Галлерее Генеральных штатов», которую я вам отправлю с другой оказией. Заслуживает быть отмеченным, что только демократы играют роль в Национальном собрании.

Двенадцать или пятнадцать человек из этих бешеных ведут за собой во всех вопросах большинство Собрания при помощи различных ухищрений и происков, в которых их наставляют и руководят два женевца, изгнанные из своего отечества [11].

Среди так называемых аристократов только один аббат Мори[12] проявляет мужество, твердость и энергию.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 48, л. 32. Последние пять абзацев шифрованы. Получено 16 февраля.

[1] В депеше Остермана от 11 декабря 1789 г. Симолину предложено было присылать все вновь выходящие брошюры, особенно содержащие сведения о парижском дворе, министрах и выдающихся депутатах (см. «Dépêches-expédition» за 1789 г.).

[2] Орган клерикально-монархического и аристократического направления, в котором роялисты особенно ценили составлявшиеся до октября 1789 г. Риваролем политико-сатирические обозрения. Симолиным были высланы 24 номера «первого абонемента» и 8 номеров «второго абонемента» этого издания.

[3] Sabatier de Castres Антуан (1742—1817) — аббат, писатель. В начале своей литературной деятельности был последователем французских энциклопедистов, но затем перешел в лагерь их противников, нападал на Гельвеция, Вольтера. Пользовался покровительством и подачками французского двора.

[4] Издание было перенесено в Камбрэ: «Journal Politique National, publié par M. Salmon à Cambrai, 3-me abonnement». №№ 1—8 этого «третьего абонемента» приложены к донесениям от 24 мая, 2 июля, 16 июля, 20 октября, 26 ноября 1790 г. и 24 января 1791 г.

[5] Голицын Дмитрий Михайлович, князь (1721—1793) — русский посол в Вене с 1761 г. Список изданий, которые были посланы кн. Голицыну, озаглавленный «Pièces renfermées dans les paquets», приложен к донесению.

[6] «Деяния апостолов»—контрреволюционное сатирическое издание. Основано Риваролем и Пельтье. Вначале в нем сотрудничали представители крайне правого и правого монархического крыла Национального собрания—виконт Мирабо, Лалли-Толландаль, Мунье, Клермон-Тоннер. Выходило с 2 ноября 1789 г. три раза в неделю in 8°, не раз прерываясь, например, в октябре 1791 г. Первые 27 номеров были высланы Симолиным в Петербург.

[7] Граф д'Артуа (1757—1836)—младший из братьев Людовика XVI, впоследствии король Франции Карл X (1824—1830). Глава эмигрантов, сосредоточившихся в Кобленце и организовывавших интервенцию.

[8] «Тебе бога хвалим» («Te Deum laudamus») — начальные слова церковного песнопения.

[9] «Господи, спаси короля» — слова из молитвы, символизирующие преданность монархии. После принятия Людовиком XVI конституции национальные гвардейцы начали носить кольца с этой надписью.

[10] «Прилпни язык мой к гортани моей»—слова из псалма «На реках Вавилонских», имеющие здесь смысл «помни всегда о короле».

[11] Речь идет, несомненно, о конституционно-демократической группировке за пределами Собрания, «Société des Trente», в состав которой входили Лафайет, Кондорсе, герцоги де Люин и де Ларошфуко и др., депутаты Мирабо, Талейран, Фрето, Клавьер, а также два швейцарца—крупный финансист Паншо (Panchaud) и банкир-«идеолог» Швейцер (Schweizer). Ими велась энергичная борьба против Неккера, мероприятиям которого противопоставлялся смелый план финансовых реформ Клавьера и Паншо, проводивших под флагом «национальных» интересов защиту интересов одного из крупных объединений банкирских домов. К этой группе примыкала другая, так называемая «Faction américaine», где видную роль играл депутат Дюпор.

[12] Maury Жан-Сиффрен, аббат (1746—1817)—один из вождей крайних роялистов в Национальном собрании, представитель интересов духовенства и аристократии. Крупный оратор, выступавший против Мирабо и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 28 ЯНВАРЯ 1790 г.

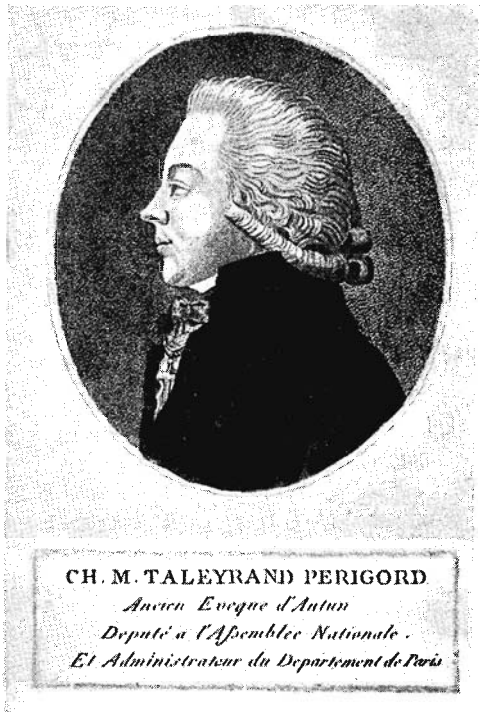
К № 7

Париж, 17/28 января 1790 г.

Брожение в провинции возобновляется с бо́льшей силой, чем когда-либо. Никто, кажется, не сомневается в том, что очаг этих волнений в самом Национальном собрании, которое их разжигает возбуждающими сообщениями. По известиям из Бретани, о которых я узнал от графа де Тиара, командующего войсками этой провинции, в окрестностях Ренна, главным образом, в районе Плоэрмеля, толпы крестьян бродят по деревням и уже разграбили и сожгли девять замков.

В Сент-Этьенне, в Дофине, крестьяне также собирались толпами, намереваясь убивать священников и дворян, грабить и жечь замки и имущество последних. Только благодаря конно-полицейскому отряду, рассеявшему их, эти отвратительные намерения не были осуществлены.

ТАЛЕЙРАН В БЫТНОСТЬ ДЕПУТАТОМ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
Современная гравюра неизвестного мастера
Эрмитаж, Ленинград



Так как вся нация вооружена, трудно, если даже не невозможно, заставить ее платить налоги. Поэтому отовсюду сообщают, что никаких сборов налогов не производится, и это должно само собой привести к банкротству, которое бешеные Национального собрания, кажется, и имеют в виду, чтобы нанести смертельный удар королевству, которое они ухитрились разорить сильнее, чем это могла бы сделать самая длительная и самая опустошительная война. Это прекрасное королевство уничтожено адвокатами и приходскими священниками, которые господствуют в Национальном собрании, конца которому в ближайшее время не предвидится, если только какое-нибудь неожиданное политическое движение не положит ему предел. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 48, л. 42. Дата получения неизвестна.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 12 ФЕВРАЛЯ 1790 г.

К № 13

Париж, 1/12 февраля 1790 г.

Декрет Национального собрания в пользу евреев возбудил нечто вроде восстания в Бордо, где несколько молодых людей позволили себе оскорблять лиц этой национальности. Они хотели выгнать их из театра Комедии и запретить им на другой день вход на биржу. Это брожение скоро было успокоено, и для города Бордо это намерение преследовать евреев послужило поводом выразить им уважение.

Два брата по имени Агасс, принадлежавшие к очень почтенным парижским жителям, были приговорены за подлог к повешению. В понедельник совершилась их казнь на Гревской площади; тела их были сняты и перенесены к их двоюродному брату, причем впереди процессии и за нею шел

отряд волонтеров с непокрытой головой и при оружии, а также их брат и два или три других родственника. На другой же день, когда состоялись в церкви их прихода похороны, на которые семья раздавала пригласительные билеты, собралось 100 000 человек. Погребение Тюренна[1] или маршала де Сакс[2] не могло бы привлечь больше народа. Батальоны нескольких дистриктов стояли на карауле. Три портала церкви были задрапированы, и всей этой церемонии придали большую пышность, с целью нанести первый удар предрассудку, в силу которого позор ложился на всю семью за преступление одного из ее членов.

Коммуна Парижа предложила королю и королеве отправиться в Сен-Клу, чтобы некоторое время подышать там свежим воздухом, оставив его высочество дофина в Париже, но их величества не сочли для себя уместным принять это предложение.

Это г. Неккер убедил короля отправиться в Национальное собрание и возглавить собой революцию. Это он составил речь его величества. Он было вставил в нее слова, что король отправился туда свободно, но уверяют, что его величество вычеркнул эту фразу из своей речи. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 48, л. 71. Последний абзац донесения шифрован. Получено 24 февраля.

[1] Turenne Генрих де ла Тур д'Овернь, виконт де (1611—1675) — маршал, крупнейший французский полководец XVII в.

[2] Maréchal de Saxe Морис, граф (1696—1750) — один из замечательных полководцев своего времени.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 22 ФЕВРАЛЯ 1790 г.

К № 16

Париж, 11/22 февраля 1790 г.

Окончательный приговор, вынесенный по делу Фавраса в четверг 18-го в 11 с половиной вечера, заслуживает ознакомления с ним ввиду особенности обвинения, и я беру на себя смелость приложить его[1].

На следующий день около трех часов его вывели из Шатле, чтобы вести на казнь. Прибыв на Гревскую площадь, он попросил разрешения войти в Ратушу, где он оставался так долго, что был казнен только около восьми часов. Он взошел спокойным и твердым шагом на помост, смотря с тем же хладнокровием на народ. «Тише, граждане,—сказал он.—Граждане, я совершенно невиновен, я умираю невинным. Палач, выполни свою обязанность».

Многие считают его невинной жертвой, принесенной в угоду ярости народа и, быть может, для личной безопасности судей Шатле.

Доносчики, которые разделили 24 000 ливров награды, обещанной Коммуной Парижа за обнаружение преступлений против нации, были единственными свидетелями, дававшими показания против этого несчастного; они были допущены в качестве свидетелей, несмотря на возражения подсудимого и вопреки закону, только-что декретированному Национальным собранием, о том, что доносчики не могут давать показаний, как свидетели. Это—вопиющее нарушение закона, и оно говорит в пользу жертвы.

В первые дни прошедшей недели прибыл к шведскому послу[2] курьер, направлявшийся в Константинополь, но который был отправлен этим послом в Лондон. Мне кажется, что граф де Монморен не знает о цели отправки этого курьера.

Курьер маркиза де Ноайль[3] привез вчера утром печальную новость, что его величество императора причащали и что он очень плох; вечером у королевы не было игры в карты. На утреннем приеме она казалась очень опечаленной, и ее глаза были полны слез. Здесь готовятся к грустному известию о смерти этого монарха. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 48, л. 91. Получено 7 марта.

[1] К донесению приложены: 1) «Jugement en dernier ressort rendu publiquement à l'audience du parc civil du Châtelet de Paris la compagnie assemblée qui condamne Thomas de Mahi de Favras...». 2) Extrait des Registres de la Chambre du conseil du Châtelet de Paris...

[2] Шведским послом в Париже был в это время Сталь-Гольштейн (Staël-Holstein) Эрик-Магнус, барон де (1749—1802), женатый на дочери Неккера, известной писательнице M-me de Сталь. В июле 1791 г. через его посредство Густав III предлагал свои услуги Марии-Антуанетте для спасения королевской семьи, но та отвергла их, так как не доверяла «салону» M-me de Сталь.

[3] Noailles Эманюэль-Мари, маркиз де (1743—1822)—французский посол при венском дворе с 1783 по 1792 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 26 МАРТА 1790 г.

К № 26

Париж, 15/26 марта 1790 г.

Граф де Монморен получил сведения из Вены через маркиза де Ноайль, что союзный трактат между Оттоманской Портой и прусским королем подписан 2 февраля, что срок его ратификации установлен в пять месяцев со дня его подписания, что создает еще бóльшую вероятность мирных переговоров. Французское министерство очень желает, чтобы они состоялись за этот промежуток времени и чтобы мир был заключен без чьего-либо посредничества[1].

Национальное собрание поставило своей главной задачей травлю настоящего министерства, чтобы донять министров и принудить их выйти в отставку, заменив их преданными ему ставленниками. Несколько дней тому назад с господином хранителем печати обошлись очень дурно и упрекали его за то, что он в записке или письме к председателю Собрания употребил выражение «неоднократные просьбы Собрания к королю», что является, по мнению Собрания, неприличным и непочтительным по отношению к законодательной власти, которая не заявляет никаких просьб, а приказывает исполнительной власти.

Каких только сумасбродств и безумств нет в головах 1 200 величеств, и невозможно предвидеть, каковы будут, в конце концов, последствия этого. Только провидение может предугадать, когда Франция сможет снова занять свое место среди держав Европы. Если судить по сложившейся обстановке, то, конечно, это не произойдет в настоящем столетии, если бы даже контрреволюция, кажущаяся невозможной при существующем положении дел, перевернула все, что совершено за это время. Все в этом королевстве дезорганизовано, извращено, уничтожено, и расстройство финансов сулит банкротство фактическое, если даже о нем не будет объявлено. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 48, л. 163. Шифровано. Получено 6 апреля.

[1] Имеется в виду союзный договор между Пруссией и Турцией, заключенный в Константинополе (ратифицирован лишь 20/XI 1790 г. в Шёнвальде). Непосредственным следствием этого договора была Рейхенбахская конвенция 27/VII 1790 г. между Прус-

сией, Польшей, Англией, Голландией и Австрией, имевшая целью сохранить Турецкую империю, заставить Австрию отказаться от своих завоеваний в Турции и заключить мир, разорвав союз с Россией. Австрия 19/IX 1790 г. заключила с Турцией перемирие в Жиржеве, закрепленное Систовским миром 4/VIII 1791 г. Россия одна продолжала войну с Турцией, закончившуюся Ясским миром 9/I 1792 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 2 АПРЕЛЯ 1790 г.

К № 28

Париж, $\frac{\text{22 марта}}{\text{2 апреля}}$ 1790 г.

Уже несколько дней втихомолку говорят, что в Следственный комитет был сделан важный донос, очень сильно скомпрометировавший графа де Майбуа[1]. Вот что об этом говорили в понедельник в обществе. Один из секретарей графа де Майбуа донес, что этот генерал был главою контрреволюционного заговора, к которому он стремился привлечь дворы Мадрида, Неаполя и Турина. Он просил у одного двора два миллиона и шесть тысяч человек, у другого четыре миллиона и десять тысяч человек и у третьего восемь миллионов и пятнадцать тысяч человек. Эти войска должны были войти одновременно в королевство, в назначенный момент; внутри страны к ним должны были присоединиться различные корпуса в довольно большом числе. Вышеупомянутый генерал был в деревне и, подозревая, что его предали, потребовал лошадей и немедленно уехал в Бреду[2].

Вот сведения, которые можно было получить об этом новом заговоре, подробности которого основаны только на недостоверных еще слухах. Достоверно только то, что г. де Майбуа уехал.

Предположение о существовании такого плана контрреволюции, замышленной графом де Майбуа или кем-либо другим, могло быть построено на основании рассказа людей, могущих быть хорошо осведомленными о том, что к графу д'Артуа был, действительно, послан какой-то офицер с предложением такого проекта. Принц, будто бы, ответил, что он никогда не присоединится ни к чему, что могло бы внести смуту в королевство и опечалить короля и королеву. Его намерения заключаются в том, чтобы жить спокойно близ монарха, который относится к нему, как к своему сыну, и сделать такие сбережения, которые позволили бы ему заплатить до возвращения во Францию бóльшую часть долгов. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 48, л. 176 б. Получено 13 апреля.

[1] Maillebois (des Marets) Ив-Мари, граф де (1715—1791) — генерал-лейтенант, губернатор в Дуэ. Участник контрреволюционного заговора.

[2] Город в Голландии, на реке Марк (Северный Брабант).

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 16 АПРЕЛЯ 1790 г.

К № 33

Париж, 5/16 апреля 1790 г.

Горячие прения об управлении церковными имуществами вызвали в понедельник и вторник большое возбуждение в умах. В Обществе якобинцев в воскресенье вечером было постановлено поддерживать декрет, который передавал церковные имущества в руки нации, а на заседании духовенства в монастыре капуцинов было решено сопротивляться этому декрету и бороться против всякого постановления, которое могло бы отнять у церкви управление имениями, необходимыми для отправлений культа и содержания его служителей.

(21 Mai 1790.)

GAZETTE DE PARIS.

ASSEMBLÉES PRIMAIRES

De Districts & de Départemens.

SUITE.

Vente des Domaines du Roi.

Citoyens, qu'une convocation générale rassemble d'un bout du Royaume à l'autre; Citoyens de toutes les Classes, qui que vous soyez, vous avez dû frémir & mêler tout ensemble.

Nous avons fait comme cet ami de César, qui, ne croyant pas que toute l'éloquence de César suffît à faire fentir aux Romains la grandeur du forfait commis en assassinant un Héros, en fit apporter à leurs yeux le cadavre sanglant.

Nous avons montré les corps déchirés de tant de Gentilshommes, de plusieurs Commandans de nos Provinces ou de nos Légions; si vous n'avez pas frémi, quelles vertus apportez-vous donc dans ces Assemblées, d'où le crime & l'intérêt personnel doivent être bannis!

Nous vous avons rapporté les Adresses & les Réclamations de deux cents Villes ou Bourgs, ou Villages ou Provinces. Les avez-vous méditées? Elles n'étoient pas l'ouvrage de l'intrigue & le tribut de l'adulation. Si vous n'avez pas senti de quelle autorité elles doivent être dans la discussion de tant d'intérêts sacrés, quels talens apportez-vous donc dans ces mêmes Assemblées, où l'on cite déjà tant de meurtres commis, & pas une seule action à proposer pour modèle!

Nous allons développer des vérités bien supérieures à toutes celles que nous avons déjà fait entendre. Il est des momens où l'homme le plus foible est élevé par son sujet ou ses devoirs au-dessus de lui-même. Le danger n'a plus rien qui l'arrête: le Guerrier seul a-t-il le privilège de braver la mort pour sa Patrie & pour son Roi? Quand le *Dassas* du Régiment du Maine, après avoir commandé à ses braves Grenadiers de ne pas faire feu sur le Peuple, ouvrit la porte de sa Caserne, bien sûr qu'il alloit au-devant de la mort, il ne vit alors que le bonheur de ces mêmes Grenadiers, de la générosité desquels il avoit obtenu la grace d'un Peuple forcené. — La Nature le pleure, il est vrai: mais son nom est placé à côté de celui des *Beauset* & des *Voisin*; mais l'amitié bénit sa mémoire: elle a demandé à *Louis XVI* quelques larmes pour lui; le Guerrier qui, le premier reçut dans son sein ce [illegible] de son cœur le fils de l'infortuné *Favras*, le digne Colonel de *Tourtine* a jetté quelques lys sur la tombe de *Rully*: après ces grands exemples, comment hésiter à répéter les Décrets de la Vérité? Ils sont les seuls *permanens*, les seuls *redoutables*, les seuls qui aient le droit d'*être interprétés par eux-mêmes*.

Ce n'est point dans un ouvrage tel que le nôtre que nous pouvons désigner les sources où nous puisons, nommer les autorités, déduire des conséquences bien démontrées, d'après des argumens posés avec une dialectique profonde. D'ailleurs notre profession de foi est publique: mille suffrages nous l'attestent; nous avons acquis le droit d'être crus. Le sang coule, les victimes expirent, les flammes dévorent des héritages, le crime nait du crime; la soif du sang est devenue ce qu'étoit autrefois pour nous celle de la gloire, — inextinguible; — il n'est donc pas un moment à perdre.

Quand on annonce avec le sang-froid de la probité, que les Domaines de nos

(22 Mai 1790.)

GAZETTE DE PARIS.

CALOMNIES.

Nous suspendons les travaux les plus importans relatifs aux droits *de la Monarchie, de la permanence* de l'Assemblée Nationale, &c. pour rendre publiques quelques pièces intéressantes qui perdroient de ce même intérêt, si nous différions à les faire imprimer.

Nous prévenons ceux de MM. nos Souscripteurs de Provinces, qui nous ont écrit pour nous demander *le Feuilleton* des Spectacles, qu'il ne s'imprime que pour ceux de Paris. Nous donnerons quelquefois des notices sur les Ouvrages Dramatiques nouveaux. Il ne faut point perdre de vue ces Arts à qui nous devons [illegible] mais nous demandons grace pour la Religion & la Vérité, qui, dans les circonstances présentes, réclament tous nos momens.

Quant à ceux qui se plaignent que notre ouvrage ne contient que des détails qui les *attristent*, & rien qui les *égaye*, nous pourrions leur répondre par deux cents Lettres qui nous impolent le devoir, au nom de la Patrie & de l'Humanité, d'insister sur les malheurs qui dévastent la France. Comment a-t-on le courage de demander à être amusé, quand la fureur, la calomnie, l'irréligion & l'anarchie inondent du sang Français, ce sol autrefois si fortuné! Des Armées de Citoyens sont en marche pour se combattre, & vous exigez que l'on vous *égaye!* —— Demandez à ceux que l'on calomnie, que l'on dépouille ou que l'on massacre, quel nom ils donneroient à votre besoin de rire! — Les payés de la Patrie n'en feront bientôt qu'une seule! & le rire est encore sur vos lèvres! C'est assez répondre à une pareille demande; remplissons notre tâche, quelque pénible qu'elle soit. — D'autres voudroient plus de faits; quelle narration peut avoir pour les amis de la Vérité, l'intérêt que renferment les Lettres suivantes?

I.

Paris, 17 Mai.

» J'ai l'honneur de vous envoyer, Messieurs, le Numéro 211 du Journal rédigé » par M. *Mercier*; & je vous prie de parcourir l'article intitulé: *Patriotisme du* » *Chapitre de Noyon*, signé, *Carra*. Après » beaucoup de déclamations bien grossières, bien odieuses & bien incendiaires » contre le Clergé, vous y lirez *que les* » *vertueux Chanoines* [illegible] » 23 *Avril, à la Majorité des suffrages, qu'il* » *avoit chanté un* Te Deum *le premier Mai,* » *en actions de graces du Décret du* 14 *Avril,* » *qui les a dégagés de tout soin & intérêts temporels, &c.* »

» Eh! bien, Messieurs, cette Anecdote » est entièrement controuvée. Il n'a jamais » été question de cette prétendue délibération dans le Chapitre de Noyon, qui » vient au contraire d'écrire à toutes les » Eglises de la Province, pour démentir » cet article du sieur CARRA.

» Ce Chapitre a cru mieux prouver son » patriotisme & sa charité en versant des » secours abondans sur les nombreuses » victimes d'un incendie qui, au commencement d'Avril, a consumé soixante » maisons dans un des Fauxbourgs de la » Ville. Je n'ajoute plus qu'un mot: la » Commune vient d'adresser, à l'Assemblée Nationale, un Mémoire qui renouvelle la demande déjà faite par la Municipalité, pour la conservation du Chapitre & de l'Evêché.

E DE PARIS" ОТ 21 И 22 МАЯ 1790 г., ВЕСЬ ТИРАЖ КОТОРЫХ БЫЛ УНИЧТОЖЕН
Присланы Симолиным при донесении от 24 мая 1790 г.
Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

Париж был осведомлен во вторник утром об этих намерениях, и, чтобы предупредить беспорядки, у входа в Национальное собрание и внутри его охрана была удвоена и в течение всего дня ходили многочисленные патрули.

Виконт де Мирабо[1] испытал на себе благоприятные результаты их присутствия. Графа де Мирабо, его брата, при выходе из зала заседания народ провожал, как триумфатора, а на виконта сыпались насмешки и свистки. Из опасения, что народ перейдет к еще бо́льшим оскорблениям, он обнажил шпагу, и в этот момент он был в очень большой опасности, от которой его избавила национальная кавалерия, отогнав толпу; именно виконта де Мирабо, Казалеса[2], епископа Нанси, аббата де Мори[3] и других г. де Лафайет поручил особой охране Национальной гвардии, желая защитить их от всяких оскорблений.

Еще до сих пор не удалось успокоить волнений, которые угрожают Лиллю самыми большими эксцессами[4].

Комендант города, содержащийся в крепости, был вынужден дать распоряжение об удалении из него двух полков: de la Couronne и Royal Vaisseaux[5], находившихся в городе; но Лилль, в котором находится 8000 вооруженных людей, вступился тогда за них и помешал им выступить. Город находится в постоянных волнениях, и опасаются каждую минуту, что доведенная до крайности крепость откроет по нему огонь.

Озлобление в войсках так велико, что каждый осмеливающийся выйти из крепости рискует быть расстрелянным. Три солдата, решившиеся выйти в поисках продовольствия, также погибли от залпа, который дан был по ним с аванпостов города. При начале этого столкновения причины его были другие, чем те, которые разделяют теперь умы. Теперь обе партии отличаются только наименованием: аристократы и демократы, и этого достаточно, чтобы люди перегрызли друг другу горло.

Граф де Мерси предупредил меня, что он ждет с минуты на минуту возвращения курьера, посланного в Мадрид, который, не останавливаясь, отправится в Вену; я распорядился вручить ему два пакета № 1 и № 2 с брошюрами, список которых я прилагаю, для передачи князю Голицыну, которого прошу отправить их дальше по назначению.

Комитет по выдаче пенсий опубликовал добавление к предисловию Красной книги[6] в виде ответа на письмо маршала де Сегюра[7] и на письмо графа де Сегюра, его сына[8]; это добавление находится в одном из пакетов. Сегюр-сын написал по поводу этой публикации, озаглавленной «Доказательство истины», свои замечания, которые я осмеливаюсь приложить[9]. Он дает правильную оценку Комитету пенсий, доказывает его вредность и нелепость.

Я только-что узнал, что события в Лилле закончились приказом вывести из него четыре полка, которые были в его гарнизоне, и заменить их четырьмя другими. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 48, л. 203. Получено 27 апреля.

[1] Mirabeau Андре-Бонифас, виконт де (1754—1792) — представитель крайней правой в Собрании, позднее видный деятель эмиграции. За пристрастие к вину и чрезмерную полноту носил прозвище «Мирабо-бочка» («Mirabeau-tonneau»).

[2] Casalès Жак-Антуан де (1758—1805)—роялист, представитель крайней правой Национального собрания. Эмигрировал после 10 августа 1792 г.

[3] См. прим. 12-е к донесению от 28 января 1790 г.

[4] Дезорганизация в частях войск старого режима выразилась в ряде военных «бунтов». В частности, в Лилле, где были расквартированы четыре полка, произошли беспорядки

на почве вражды между частями, считавшимися более аристократическими, и частями более демократическими, которых поддерживали муниципалитет и буржуазная гвардия города. Поводом для вооруженной схватки послужило убийство на дуэли одного солдата стрелкового полка пьяным драгуном. Последовали групповые стычки, стрельба среди города, были убитые и раненые. Два полка засели в крепости, в которой размещалась часть гарнизона, и захватили, в качестве заложника, генерала, коменданта города, маркиза де Ливаро (Livarot), и другого командира, которые поехали лично отдать распоряжение начальникам этих полков, чтобы они не выпускали солдат в город. Одновременно на коменданта Ливаро поступил в муниципалитет донос о его связях с эмигрантами. Королевским приказом Ливаро был вызван в Париж для дачи объяснений в Национальном собрании.

[5] Наименования полков.

[6] Регистры пенсий и пособий, выдаваемых французским двором, держались в секрете; они были опубликованы, под именем «Красной книги», Пенсионным комитетом Национального собрания 1 апреля 1790 г.

ПАРИЖСКИЕ ГРАЖДАНЕ РАБОТАЮТ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ, ПОМОГАЯ В ПОДГОТОВКЕ ПРАЗДНЕСТВ 14 ИЮЛЯ 1790 г.

Современная гравюра неизвестного мастера

Эрмитаж, Ленинград

[7] Ségur Филипп-Анри, маркиз де (1724—1801)—маршал Франции, отличившийся в ряде кампаний, с 1781 по 1787 гг.—военный министр, провел ряд назревших реформ, но возбудил против себя недовольство широких буржуазных кругов ордонансом, разрешившим занимать офицерские должности лишь лицам, принадлежавшим к сословию дворянства не менее чем в четырех поколениях.

[8] Сегюр-сын (о нем см. прим. 1-е к донесению от 13 марта 1789 г.) выступил на защиту своего отца. Выступление это было вызвано утверждением Пенсионного комитета Национального собрания, что большой размер пенсии, получаемой маршалом Сегюром, не соответствует его заслугам.

[9] К донесению приложено «Observation du comte de Ségur sur l'écrit intitulé Démonstration de la vérité».

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 14 МАЯ 1790 г.

№ 43

Париж, 3/14 мая 1790 г.

Милостивый государь,

Новость о вооружении Англии внесла беспокойство в Общество якобинцев, которые подозревают, что из-за интриг герцога де Ла Вогюйона[1] Испа-

ния отказывается от удовлетворения, требуемого сен-джемским кабинетом[2] за английские корабли, захваченные в проливе Нутка[3], чтобы вызвать войну, втянуть в нее Францию и тем, может быть, дать ей возможность отречься от многих постановлений Национального собрания и возвратить законную власть королю. Ожидают, что Национальное собрание потребует отозвания вышеназванного герцога от мадридского двора и воспользуется этим моментом, чтобы произвести полную смену министерства, которое оно не перестает считать зараженным аристократическими принципами.

В вышеупомянутом Клубе якобинцев было уже внесено предложение отозвать всех находящихся при иностранных дворах послов и посланников, подозреваемых в симпатиях к аристократам, и заменить их поверенными в делах и консулами, на которых можно положиться; но до сих пор это предложение не поставлено на обсуждение Национального собрания. Оно тем более по вкусу бешеным, что они не удовлетворяются тем, что привели Францию в состояние ужасной анархии, но стремятся уподобить ей все королевства и государства Европы. По-моему, необходимо установить во всех странах самое внимательное наблюдение над приезжающими туда французами.

Я могу с уверенностью сказать, что пребывание во Франции становится очень опасным для молодых людей других наций: умы их возбуждаются и проникаются принципами, которые могут причинить им вред при возвращении их в отечество.

Во время моей беседы во вторник с графом де Монмореном о вооружении Англии он сказал мне, что уверен в стремлении британского кабинета затеять ссору с Испанией и объявить ей войну, которую надеются легко довести до конца, ввиду невозможности для Франции помогать Испании.

Здесь почти все предполагают, что Англия имеет в Национальном собрании подкупленных ею и преданных ее интересам секретных агентов[4]. В вышеназванном Собрании поставлен вопрос о вооружении Англии и о мерах, которые надлежит при этом принять Франции, и при обсуждении его обнаружится образ мыслей демократов по вопросу о политических связях французского двора.

Имею честь быть с почтительнейшей преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугой

И. Симолин

D. R., к. 48, л. 8. Шифровано. Получено 25 мая.

[1] См. прим. 4-е к приложению к № 64 от 13 июля 1789 г.

[2] То-есть английским: Сен-Джемский дворец—дворец английского короля.

[3] Nootka—пролив, отделяющий остров того же наименования от о-ва Ванкувера, у Тихоокеанского побережья Британской Колумбии. Эта борьба за господство в проливе окончилась договором 28 сентября 1790 г. в пользу Англии.

[4] Англия воздействовала на Мирабо через своих агентов Miles и Elliot.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 24 МАЯ 1790 г.

К № 46

Париж, 13/24 мая 1790 г.

Истины, раскрытые обществу на страницах «Gazette de Paris»[1], навлекли на ее издателя ненависть и месть демагогов из Клуба якобинцев. В субботу народ произвел нападение на дом одного книгопродавца и сжег все имевшиеся там газеты; редактор, которого разыскивали,

спасся бегством. Книгопродавец «Actes des Apôtres» испытал ту же участь накануне и должен был скрыться, чтобы избежать насилий. Таково уважение, с которым господствующая партия относится к декрету о свободе печати. Только пасквили и клевета на двор и королевскую семью пользуются терпимостью и уважением, газеты же, сообщающие об убийствах и ужасах, происходящих при новом порядке вещей в провинциях, преследуются.

Маркиз де Миран, командующий войсками в Провансе, удалившийся в Тараскон, вынужден был оттуда бежать, чтобы спасти свою жизнь. Полк лотарингских драгун, который нес там гарнизонную службу, выступил с оружием, знаменами и музыкой и присоединился к Национальной милиции в Марселе.

Барон де Тот[2], наместник короля в Дуэ, раньше служивший в Турции, должен был также скрыться, чтобы не стать жертвой разнузданной черни. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 48, л. 39. Получено 5 июня.

[1] «Gazette de Paris, ouvrage consacré au patriotisme, à l'histoire, à la politique et aux beaux arts» — орган придворных групп, издававшийся де Розуа (de Rozoi) с 1 октября 1789 г. по 10 августа 1792 г. (всего вышел 81 номер). 22 мая 1790 г. контора газеты, помещавшаяся на улице St. Honoré, № 53, была разгромлена, и находившиеся там, а также у ряда парижских книгопродавцев номера газеты уничтожены. Немногие сохранившиеся майские номера представляют поэтому большую редкость. К донесениям Симолина приложены №№ «Gazette de Paris»:

от	16—20	мая	1790 г.	— к	донесению	от 21/V	1790 г.
„	21—22	„	„	—	„	„ 24/V	„
„	9	июня	„	—	„	„ 11/VI	„
„	12	„	„	—	„	„ 14/VI	„
„	23	„	„	—	„	„ 25/VI	„
„	25—28	„	„	—	„	„ 28/VI	„
„	7	июля	„	—	„	„ 9/VII	„
„	14	„	„	—	„	„ 16/VII	„

Отметим, что до сих пор ни в одном книгохранилище СССР не было обнаружено ни одного номера «Gazette de Paris».

[2] Тотт Франсуа, барон де (1733—1792) — сын венгерского политического эмигранта, французский дипломат и военный деятель, известный созданием артиллерии в Турции и работой по укреплению Дарданелл (1773—1775) для оборонительной борьбы с Россией. По возвращении во Францию получил командование частями в Дуэ в чине бригадного генерала («Maréchal de camp»). В 1790 г., после восстания войск гарнизона, угрожавших ему повешением на фонаре, эмигрировал в Швейцарию, а оттуда в Венгрию.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 4 ИЮНЯ 1790 г.

[*Без №*]

Париж, $\frac{\text{24 мая}}{\text{4 июня}}$ 1790 г.

Милостивый государь,

Неожиданная и крайняя нужда заставила одного чиновника департамента иностранных дел предложить мне через посредство г. Машкова[1] свои услуги и засвидетельствовать полную преданность нашему двору. Я счел полезным и даже совершенно необходимым в интересах императрицы не упустить такой благоприятный для нас случай заручиться надежным источником информации. Вышеуказанный чиновник начал с того, что доставил мне шифр, употребляемый г. Жене[2] при его переписке с графом де Монмореном, и шифр последнего для переписки его с вышеупомянутым поверенным в делах,—эти шифры совершенно различны. Затем

он доставил шифр, служивший для общей переписки королевских министров при иностранных дворах, которым они пользовались еще в прошлом году, причем он не уверен, что шифр не был изменен с тех пор; затем копии нескольких депеш из Константинополя и ответа г. де Монморена от 20 апреля[3], оригиналы которых проходили через мои руки. Шифр так сложен, что без особой инструкции невозможно им пользоваться. Г-н Машков постарался его изучить под руководством упомянутого чиновника. Это обстоятельство вместе с другим, которое я не хотел бы доверить бумаге, побудило меня без всяких колебаний предложить г. Машкову отправиться в отпуск в С.-Петербург по семейным обстоятельствам, отвезти как шифр, который, ввиду его сложности, очень объемист, так и настоящую депешу и передать их вашему сиятельству, а также лично сообщить вам о тех обстоятельствах, которые я не хочу и не могу изложить письменно, ввиду того, что судьба человека, решившегося посвятить себя службе нам, зависит от тайны, которая должна остаться сокровенной.

Я, без сомнения, желал бы иметь предварительно распоряжение вашего сиятельства относительно требующегося для этой цели расхода, но я вынужден был решиться произвести его, ибо все зависело от момента, и если бы я его упустил, то другой едва ли бы представился. Я надеюсь, что ее императорское величество и ваше сиятельство не откажете в одобрении этого решения, которое я принял по собственному почину, предварив ответ своего начальства.

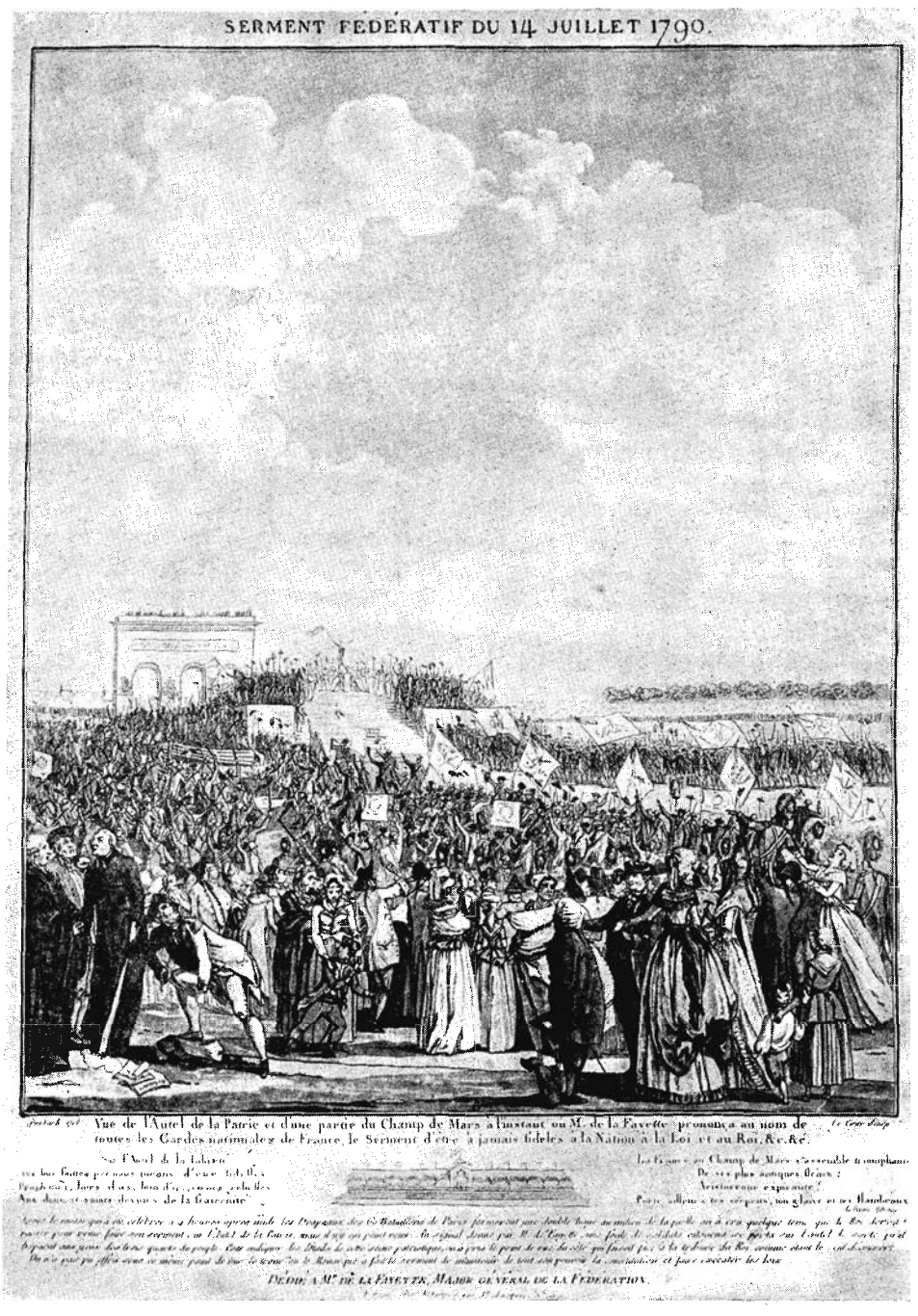
Чиновник, о котором идет речь, потребовал от меня десять тысяч ливров наличными, нужных ему для выхода из затруднительного положения, от чего зависела судьба его семьи.

Мне казалось, что я не должен был колебаться еще и потому, что эта сумма не может итти в сравнение с той важной услугой, которую он оказывает нашему двору, и той опасностью, которой он себя подвергает, если когда-нибудь будет уличен. Ограничиваясь такой умеренной суммой, он надеется на щедрое вознаграждение в будущем, и притом сообразно важности сообщений, которые он будет мне делать. Я сделал все, что мог, чтобы укрепить в нем эту надежду, уверив его, что нет государя, который вознаграждал бы с такой щедростью, как императрица, за оказываемые ей полезные услуги, и что я, со своей стороны, с готовностью сделаю для этого все зависящее от меня[4].

Чтобы еще больше обеспечить себя в отношении его, я заставил его выдать мне вексель на предъявителя на авансируемую ему сумму, сроком на три месяца, из которых один месяц уже истек.

Не располагая здесь никакими фондами и не осмеливаясь выписать вексель на имя вашего сиятельства, чтобы добыть сумму в десять тысяч ливров, я не имел другого выхода, как только заложить часть моей посуды в ломбарде, где берут 10 процентов. Я выдал более трех тысяч ливров г. Машкову на его путевые издержки. Его светлость князь Потемкин перевел мне деньги на некоторые покупки для него в Париже, и я взял указанные три тысячи из этой суммы в надежде вернуть их, прежде чем будут выполнены его поручения, и я умоляю ваше сиятельство послать мне эту сумму незамедлительно или же разрешить выдать поставщикам векселя сроком на четыре—шесть недель в том случае, если деньги не прибудут к сроку обратного отправления курьера, прибывшего из Ясс.

Я осмеливаюсь настоятельнейше просить ваше сиятельство не медлить с пересылкой мне суммы в тринадцать тысяч ливров для покрытия моих



КЛЯТВА ФЕДЕРАТОВ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ 14 ИЮЛЯ 1790 г.
Цветная гравюра Л. Ле-Кёра с рисунка Свебаха-Дефонтэна, 1790 г.

Эрмитаж, Ленинград

расходов. Г-н Машков может лично рассказать вашему сиятельству о трудностях получения кредита в настоящий момент, при наличии волнений, растерянности и недоверия, в частности, о тех трудностях, которые я испытываю здесь, существуя на свое жалованье. Я добавляю к нему ежегодно 6 000 альбертовских риксдалеров, ссужаемых мне митавским банкиром Бернером, которому я задолжал со времени моего приезда в Париж тридцать тысяч риксдалеров.

Я не осмеливался докладывать о затруднительном положении моих личных дел, ввиду войны, которую ведет наш двор, но я не могу воздержаться, чтобы не сказать вашему сиятельству об этом несколько слов, дабы вы соблаговолили вспомнить обо мне при более благоприятных обстоятельствах и расположили бы ее величество в пользу одного из самых старых ее министров и слуг, состоящих при иностранных дворах.

И еще одной милости прошу я у вашего сиятельства: соблаговолите вернуть ко мне г. Машкова возможно скорее, ввиду неотложной необходимости поддерживать сношения с нашим осведомителем, что во время его отсутствия будет очень затруднительно, как за невозможностью иметь другого посредника, так и по причинам, которые будут объяснены лично вашему сиятельству.

Ваше сиятельство еще более чувствительно меня обяжете, если позаботитесь о том, чтобы одновременно с посылкой тринадцати тысяч ливров мне были бы также высланы деньги на покрытие перерасходов прошлого года в сумме 6231 ливра 10 су. Я не просил бы об этом с такой настойчивостью, если бы не имел самой крайней нужды.

В уверенности, что ваше сиятельство соблаговолит получить от императрицы всемилостивейшее одобрение моего поведения[5], мне остается лишь просить ваше сиятельство сохранить свое благоволение ко мне и быть уверенным, что ничто не может сравниться с той почтительностью и непоколебимой преданностию, с которыми я имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 48, л. 86. Получено 19 июня.

[1] Машков—первый секретарь русского посольства в Париже. Машков, подкупивший чиновника французского министерства иностранных дел, достоин, по мнению Симолина, ордена св. Владимира (приложение к данному донесению в публикацию не входит). В июле 1790 г. Машков назначается советником посольства. В апреле 1791 г. он отправляется в Петербург с секретными документами и шифрами, полученными от тайного агента (см. донесения за 1791 г. от 4 и 15 февраля, 11 и 15 апреля).

[2] Genest или Genêt Эдмон-Шарль (1765—1834)—секретарь французского посольства в Петербурге с 1787 г. и поверенный в делах его после отъезда из России посла графа де Сегюра (6 октября 1789 г.). Республиканские убеждения Жене вызывали неодобрение Екатерины II, вообще не желавшей иметь в России официального представителя революционной Франции, и 16 июля 1792 г. он был выслан из Петербурга.

[3] К донесению приложены рукописные копии письма Шуазёль-Гуффье к Монморену от 7 февраля 1790 г. и письма Монморена к Шуазёль-Гуффье от 20 апреля того же года.

[4] В дальнейшем агент осведомлял Симолина о деятельности Жене (см. донесения за 1791 г. от 10 и 17 октября и за 1792 г. от 27 января), доставлял шифры и секретные документы, относящиеся к дипломатическим сношениям Монморена с французскими послами в Константинополе, Стокгольме, Копенгагене, Варшаве (см. приложения к донесениям за 1790 г. от 17 августа и от 17 октября; донесение за 1790 г. от 18 октября; донесение и приложение к нему от 31 января 1791 г.; донесения за 1791 г.: от 4 февраля, от 11 апреля, от 14 октября, от 28 октября и от 19 декабря). В донесениях Симолина сведения об услугах агента чередуются с сообщениями о требуемых последним пособиях и вознаграждениях (см., например, донесения за 1790 г.: от 17 августа и от 17 октября).

[5] В исходящих депешах («Dépêches-expédition») за 1790 г. имеется отпуск письма Остермана Симолину от 30 сентября 1790 г., в котором ему от имени Екатерины II объявляется одобрение за установление связи с агентом, а этому последнему утверждается ежемесячное вознаграждение в 1 000 ливров и единовременная награда в 10 000 рублей. На полях отпуска собственноручная помета Екатерины II: «быть по сему».

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 9 ИЮЛЯ 1790 г.

К № 59

Париж, $\frac{\text{28 июня}}{\text{9 июля}}$ 1790 г.

Марсово поле представляет собой уже несколько дней самое необычайное зрелище. Амфитеатр, возводимый по всей его окружности, оставался незаконченным, несмотря на непрерывную работу от 12 до 15 тысяч рабочих. Граждане, из опасения, что эта большая работа не будет выполнена к назначенному сроку, взялись однажды вечером за заступы и лопаты, чтобы помочь рабочим. На другой день стечение народа стало еще многочисленнее, можно было видеть людей всех сословий, всех возрастов, нарумяненных женщин в шляпах, украшенных перьями, кавалеров ордена св. Людовика, священников, монахов,—все они поспешили принять участие в этих работах.

Таким образом, более 40 тысяч человек занято теперь сооружением этого обширного амфитеатра.

Вокруг всего поля возвели земляной вал, возвышающийся ступенями, на нем будут установлены в тридцать рядов скамейки, что составит сто шестьдесят тысяч удобных мест, где смогут сидеть все граждане. Кроме того, на остальном пространстве вала может поместиться стоя более 100 тысяч человек, так что Марсово поле превратится в огромный зал, который вместит, кроме Национального собрания, короля, всего двора, депутатов от различных коммун и всех, кто должен присутствовать на празднике, еще около 300 тысяч зрителей.

Простой алтарь, вышиною в 25 футов, воздвигнутый на широких ступенях, будет единственным украшением этого храма. Триумфальная арка будет его замыкать. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 48, л. 163. Получено 20 июля.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 27 ИЮЛЯ 1790 г.

№ 65

Париж, 16/27 июля 1790 г.

Милостивый государь,

Я получил письмо, которое ваше сиятельство оказали мне честь написать 4-го прошедшего месяца, чтобы довести до моего сведения высокие намерения ее императорского величества по отношению к ее подданным, живущим во Франции с начала волнений, которые потрясают это королевство.

С момента получения распоряжений е. в. я не теряю ни минуты, чтобы собрать сведения о русских подданных, находящихся в Париже, и поставить их в известность, что, согласно воле ее императорского величества, они должны немедленно покинуть эту страну. Я приказал составить два списка, которые и прилагаю, со сведениями об именах, возрасте, времени пребывания и с различными замечаниями о лицах, находящихся в Париже; те из них, с которыми я говорил, уверили меня, что они тотчас же выедут, как только устроят свои дела и найдут средства на дорогу. Г-н Козлов-

ский, скульптор, выезжает даже завтра с двумя учениками, которые находятся при нем.

В настоящее время в Париже очень мало знатных лиц. Князь Борис Голицын[1], который живет несколько лет во Франции со своей семьей, уже готов к отъезду, чтобы вернуться в Россию.

Княгиня Шаховская постоянно болеет и живет в деревне. Г-н Хотинский[2] также слабого здоровья и находится в деревне. Родственные связи заставили его обосноваться во Франции, однако, он объявил мне, что готов отправиться в Петербург, если такова воля императрицы и если исключения по отношению к нему не допускаются; он считает своим долгом повиноваться, несмотря на то, что подвергает свое здоровье очень большому риску.

Меня уверяли, что в Париже был, а может быть, находится и теперь молодой граф Строганов[3], которого я никогда не видел и который не познакомился ни с одним из соотечественников. Говорят, что он переменил имя, и наш священник[4], которого я просил во что бы то ни стало разыскать его, не мог этого сделать. Его воспитатель[5], должно быть, свел его с самыми крайними бешеными из Национального собрания и Якобинского клуба, которому он, кажется, подарил библиотеку. Г-н Машков сможет дать вашему сиятельству некоторые сведения по этому поводу. Даже если бы мне удалось с ним познакомиться, я поколебался бы делать ему какие-либо внушения о выезде из этой страны, потому что его руководитель, гувернер или друг предал бы это гласности, чего я должен и хочу избежать. Было бы удобнее, если бы его отец прислал ему самое строгое приказание выехать из Франции без малейшей задержки.

Есть основания опасаться, что этот молодой человек почерпнул здесь принципы, не совместимые с теми, которых он должен придерживаться во всех других государствах и в своем отечестве и которые, следовательно, могут его сделать только несчастным.

Я не премину своевременно известить ваше сиятельство о том, как каждый из русских согласовал свои действия с повелением ее императорского величества. Я должен ожидать, что некоторые из них не покинут Парижа из-за семьи или определенного материального положения или из опасения за свою свободу.

Имею честь быть с почтительною преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

К донесению приложена копия записки Екатерины II на русском языке:

Читая вчерашние реляции Симолина из Парижа, полученные через Вену, о российских подданных за нужное нахожу сказать, чтоб оные непременно читаны были в Совете сего дня и чтоб графу Брюсу поручено было сказать графу Строганову, что учитель его сына Ром [Ромм] сего человека младого, ему порученного, вводит в клуб Жакобенов [якобинцев] и Пропаганда [sic!], учрежденный для взбунтования везде народов противу власти и властей, и чтоб он, Строганов, сына своего из таковых зловредных рук высвободил, ибо он, граф Брюс, того Рома в Петербург не впустит.

Положите сей лист к реляции Симолина, дабы ведали в Совете мое мнение[6].

D. R., к. 48, л. 215. Получено 24 августа.

А. С. и П. А. СТРОГАНОВЫ
Рисунок А. Воронихина
Русский музей, Ленинград

К донесению от 27 июля 1790 г. приложены:

1-Й СПИСОК, СОДЕРЖАЩИЙ ИМЕНА, ВОЗРАСТ И Т. П. РУССКИХ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ПАРИЖЕ

Имена	Возраст	Сколько лет проживает в Париже	Звание	Примечания
ПЕСКОРСКИЙ[7] . .	35	10	Живописец	Был прислан сюда с.-петербургской Академией художеств, учеником которой он является, для усовершенствования в живописи; и хотя срок, на который он был послан, истек, он остается еще здесь работать, чтобы уплатить свои долги.
КОЗЛОВСКИЙ[8] .	37	2	Скульптор	Собирается уехать отсюда в свое отечество.
СОКОЛОВ[9] . . .	27	5	Скульптор	Ученик той же Академии художеств. Так как срок его пребывания здесь истек уже несколько месяцев тому назад, он получил распоряжение возвратиться в свое отечество, но сумма, ассигнованная ему на путешествие, оказалась недостаточною, и он вынужден остаться здесь, ожидая милостей вышеупомянутой Академии.
РОДЧЕВ[10] . . .	24	2	Скульптор	Послан сюда вышеупомянутой Академией. Время его обучения, установленное Академией, еще не истекло.
КОМИССАРОВ[11] .	29	3	Архитектор	Ученик той же Академии, приехал сюда на свои средства для усовершенствования в архитектуре. Он пробрался во время революции в парижскую Национальную гвардию исключительно с целью избежать налогов и сборов, взимаемых с проживающих в своих квартирах. Он выразил желание уехать в свое отечество, как только получит проценты на вложенные им здесь деньги, которых он не получает уже более года.
ПАВЛОВ[12] . . .	21	3	Архитектор	Пенсионер его императорского высочества великого князя.

2-й СПИСОК ИЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ ИМЕН ВСЕХ РУССКИХ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ПАРИЖЕ

Имена	Возраст	Сколько лет проживает в Париже	Вольный или крепостной	Примечания
РЯЗАНОВ	38	13	Крепостной графа Андрея Шувалова	Женился на француженке и покинул своего господина при его отъезде отсюда; тогда же поступил на службу к покойному г. графу де Верженну, министру иностранных дел, которому он служил в качестве камердинера-парикмахера до его смерти; во время революции поступил в парижскую Национальную гвардию.
ЗАРИН	Больше 40	14	Крепостной графа Бутурлина	После того, как ушел от своего господина, поступил на службу к графу де Верженну в качестве выездного лакея. После смерти его живет на ренту, оставленную ему этим графом.
ЛАРИВОН.	37	14	Крепостной того же графа Бутурлина	Служил у музыканта Саккини, оставившего ему после своей смерти ренту, на которую он живет; теперь находится на службе у герцога Орлеанского.
КОВАЛЬКОВ . . .	30	—	Крепостной князя Трубецкого	Женился на француженке, имеет от нее детей, основался в Париже, торгует парфюмерией.
ТИМОФЕЙ	50	—	Солдат-дезертир	Живет в Париже, имеет детей от француженки, на которой очень давно женат.
ТАТАРИНОВ . . .	36	—	Крепостной г. Бибикова	После того, как ушел от своего господина, научился парикмахерскому ремеслу и живет им.
(Имя не обозначено)	24	—	Крепостной князя Юсупова	Парикмахер без работы.
МАКСИМ	26	—	Крепостной г. Полянского	После того, как находился на службе у нескольких господ и был выгнан за пьянство, поступил в драгунский полк.
ФИЛИПП	25	6	—	Приехал в Париж с майором Лангелем, при возвращении которого в Россию ушел от него и был без хозяина, затем поступил в линейные войска.

Имена	Возраст	Сколько лет проживает в Париже	Вольный или крепостной	Примечания
СЕМЕН	22	6	Крепостной покойного камер-юнкера Шкурина	После того, как в Гамбурге ушел от своего господина, приехал морем в Бордо и поступил на службу к англичанину, которого вскоре обворовал и затем бежал в Монпелье, где чуть было не был повешен также за воровство. Возвратившись в Париж, был на службе у одного депутата Национального собрания, обворовал его и уехал в провинцию.
КАРЛ	25		Лифляндец, неизвестно — вольный или крепостной	Неизвестно, где он находится в настоящее время.
ИВАН СОЛОМОНОВ	34	12	Крепостной г. Нащокина	Парикмахер по профессии и имеет капитал в 12 тысяч ливров.

[1] Голицын Борис Владимирович, князь (1769—1813) — впоследствии генерал-лейтенант, участник войны 1812 г. (умер от ран, полученных под Бородиным), долго жил во Франции, выступал здесь, а потом и в России (под псевд. Дм. Пименов), как писатель, между прочим, на французском языке (повести, критические статьи, стихи).

[2] Хотинский Николай Константинович (1727—1798) — бывший советник русского посольства в Париже (1766—1784).

[3] Строганов Павел Александрович, граф (1774—1817)—жил в Париже под псевдонимом графа Очера—название одного из пермских заводов Строгановых.

[4] Священником русской посольской церкви в Париже был в это время Павел Васильевич Криницкий. 23 июля (3 августа) 1791 г. Симолин обратился в коллегию иностранных дел со специальным «доношением» (на русском языке), в котором ходатайствовал об отозвании этого священника, так как он ведет себя «самым порочным и соблазнительным образом», «со времени же здешней революции Права человека вступили ему в голову, [так] что он более ни приходить ко мне на требования по церковным делам, ни повиноваться не хочет; на возражения же мои отвечает, что он позовет меня к суду в здешний [трибунал]».

[5] Им был Жильбер Ромм (Romme, 1750—1795), известный член Конвента, монтаньяр, ярый якобинец, один из составителей республиканского календаря. До революции жил в России (1779—1787) в качестве гувернера Павла Строганова.

[6] Эта записка опубликована в книге: В. кн. Николай Михайлович, Граф П. А. Строганов, т. I, СПБ. 1903, 70.

[7] Пескорский (Пескарский) Иван Яковлевич (1757—ум. после 1811)—живописец, воспитанник Академии художеств, в 1777 г. был послан пенсионером за границу на 4 года; в 1783 г. уволен из Академии, так как остался за границей. В Париже работал под руководством Brenet.

[8] См. о нем выше, в донесении от 5 января 1789 г.

[9] Соколов Павел Петрович (1764—182?)—скульптор, воспитанник Академии художеств, с 1786 г.—заграничный пенсионер. Из его работ известны статуя в парке Детского села, навеявшая Пушкину стихотворение: «Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила», грифоны и львы на мосту б. Екатерининского канала в Ленинграде. В списках парижской Академии живописи и скульптуры значится, как ученик Bridan.

[10] В списках русских художников, отправленных Академией художеств за границу, нет скульптора Родчева, но есть художник-портретист Василий Палладиевич Родчев (он же Родичев) (1768—1803), отправленный в Париж пенсионером Академии художеств в начале 1789 г. Кроме того, в списке парижской Академии («Старые Годы», 1909, июнь, 317) числится Родчев Гавриил, ученик Давида.

[11] Комиссаров (Камиссаров) Иван Яковлевич—архитектор, воспитанник Академии художеств с 1764 г. (был принят, как «сын служителя»). Заграничным пенсионером был за счет денег, оставленных ему в наследство дядей его, золотых дел мастером.

[12] Выяснить имя и даты жизни не удалось.

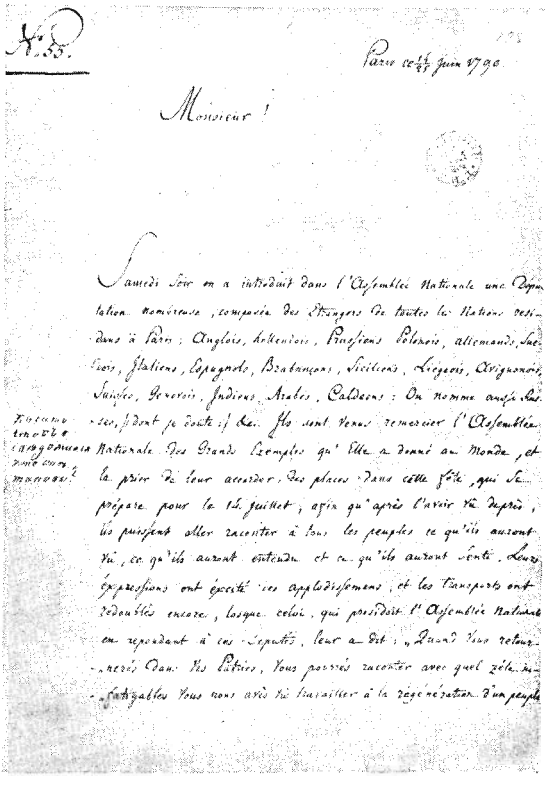
ДОНЕСЕНИЕ ОТ 25 АВГУСТА 1790 г.

№ 76

Париж, 14/25 августа 1790 г.

Милостивый государь,

Я получил письмо, которое ваше сиятельство сделали честь написать мне 16-го прошедшего месяца[1] по поводу комической депутации, состоявшей из иностранцев нескольких наций, которая была введена в Национальное собрание для засвидетельствования ему своей преданности новым и совершенно необыкновенным образом. Барон Клоотс[2], прусский подданный из Клеве, возглавлял это смехотворное посольство, депутаты которого получили по три ливра на человека, чтобы разыграть этот фарс, а некоторые из них также и для того, чтобы заплатить старьевщику за взятую у него напрокат одежду. Но я не мог найти никаких следов того, что среди этих, с позволения сказать, депутатов был хотя бы один русский, несмотря на то, что об этом сообщали газеты для бо́льшего прославления этого фарса. Большинство этих нелепых депутатов записало свои имена в регистре, который находится в архиве Национального собрания. Я распорядился, чтобы его просмотрели, но в нем не нашли ни русских, ни польских имен, и я склонен думать, что все русские, живущие в Париже, воздержались от участия в такой сумасбродной затее. Единственно, на кого



N.35.

Paris ce 14/25 juin 1790

Monsieur !

Samedi soir on a introduit dans l'Assemblée Nationale une Députation nombreuse, composée des Etrangers de toutes les Nations résidans à Paris : Anglois, hollandois, Prussiens Polonois, allemands, Suisses, Italiens, Espagnols, Brabançons, Siciliens, Liégeois, Avignonois, Savoisiens, Genevois, Indiens, Arabes, Chaldéens : On nomme aussi des Turcs, dont je doute si ils sont venus remercier l'Assemblée Nationale des Grands bienfaits qu'elle a donné au Monde, et la prier de leur accorder des places dans cette fête, qui se prépare pour le 14 juillet ; afin qu'après l'avoir vu depuis, ils puissent aller raconter à tous les peuples ce qu'ils auront vu, ce qu'ils auront entendu et ce qu'ils auront senti. Leurs expressions ont excité des applaudissemens, et les transports ont redoublés encore, lorsque celui, qui possédoit l'Assemblée Nationale en répondant à ces Députés, leur a dit : „Quand vous retournerés dans vos Patries, vous pourrés raconter avec quel zèle infatigables vous nous avés vu travailler à la régénération d'un peuple

Turcs trouvés campagnards mais cura manoeuvre

ДОНЕСЕНИЕ СИМОЛИНА
ОТ 14/25 ИЮНЯ 1790 г.
С СООБЩЕНИЕМ О ПОСЕЩЕНИИ
НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕПУТАЦИЕЙ

На полях резолюция Екатерины II

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

может пасть подозрение, это на молодого графа Строганова, которым руководит гувернер с чрезвычайно экзальтированной головой. Меня уверяли, что оба они приняты в члены Якобинского клуба и проводят там все вечера. Ментор молодого человека, по имени Ромм, заставил его переменить свое имя, и вместо Строганова он называется теперь г. Очер; покинув дом в Сен-Жерменском предместье, в котором они жили, они запретили говорить, куда они переехали, и сообщать имя, которое себе присвоил этот молодой человек[3].

Я усилил свои розыски и узнал через священника нашей посольской церкви, что они отправились две недели тому назад пешком, в матросском платье, в Риом, в Оверни, где они рассчитывают остаться надолго и куда им недавно были отвезены их вещи.

Г-н Салтыков, камергер императрицы, только-что прибыл из Спа со своей супругой и своими детьми. Я не преминул довести до его сведения высокие намерения ее императорского величества по отношению к ее подданным, пребывающим во Франции, чтобы оградить их во время всеобщего брожения умов от неприятностей и от лишения той свободы, на которую имеют права иностранцы, пользующиеся гостеприимством во всех странах. Он меня уверил, что поспешит поступить сообразно распоряжениям ее императорского величества и, не теряя времени, уедет из этой страны.

Я не могу удержаться от просьбы к вашему сиятельству походатайствовать перед Академией художеств за одного из ее учеников, г. Соколова, который совершенно покинут ею и вернулся бы, если бы у него были средства. Под влиянием нужды он одно время вел себя не совсем исправно, и я почел своим долгом заплатить за него 200 ливров, чтобы его выпустили на свободу и тем избавили от позора судебного преследования. Художник, у которого он работал, засвидетельствовал, что у него есть талант.

Я писал уже пять-шесть месяцев тому назад в Академию по поводу него, но мне не сочли нужным даже ответить. Я написал в Гавр, чтобы узнать, нет ли кораблей, отправляющихся в Зунд или Гамбург, чтобы его отправить; а пока я его поместил в дом, занимаемый нашей посольскою церковью, и плачу за его прокормление[4].

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 49, л. 69. Получено 11 сентября.

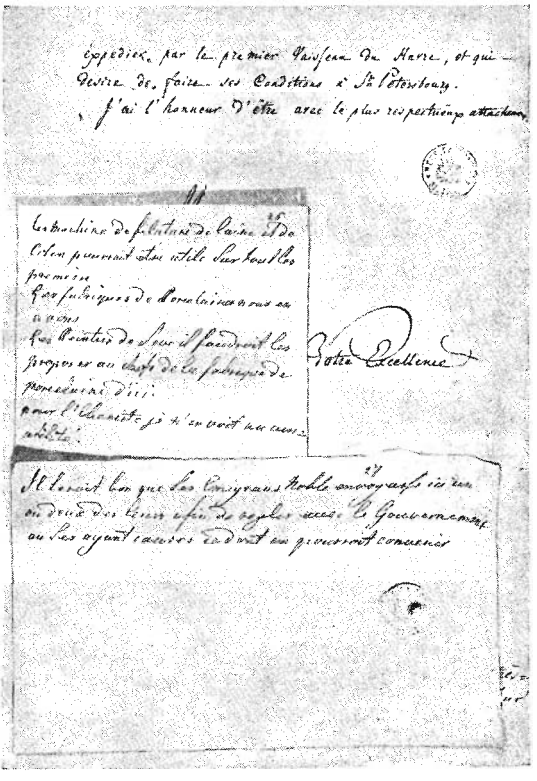
[1] В этом письме Симолину дано распоряжение сообщить имена русских, участвовавших 19 июня 1790 г. в международной депутации в Национальное собрание (см. «Dépêches-expédition» за 1790 г., л. 11). Последовало это распоряжение в результате донесения Симолина от 25 июня 1790 г., в котором сообщалось об этой депутации. На полях донесения рукой Екатерины II была наложена резолюция: «Писать, чтоб сведомился, кто оне таковы?».

[2] Cloots Жан-Батист, барон Анахарсис (1755—1794)—известный член Конвента и Клуба кордельеров, якобинец 1793 г., «оратор человечества», много содействовавший экспансии идей революции за пределы Франции, один из создателей культа Разума. Был гильотинирован вместе с эбертистами.

[3] В дальнейшем, сведения о «неподобающем» поведении Строганова Симолин получал от депутатов Национального собрания (донесения от 5 и 25 октября 1790 г.). Депутат Гиллерми сообщил Симолину, что Ромм внушает своему ученику мысль о необходимости революции в России. В подтверждение своих слов Гиллерми передал Симолину письмо, полученное им от своего родственника, с критикой воспитания Роммом Строганова и его поведения. Письмо это, приложенное Симолиным к донесению от 25 октября, попало в руки Екатерины II. На записке, приложенной к донесению, имеется ее собственноручная помета: «Покажите Строганову дабы знал как и к чему сыну его готовят»

ЗАПИСКИ ЕКАТЕРИНЫ II, ПРИЛОЖЕННЫЕ К ДОНЕСЕНИЮ СИМОЛИНА ОТ 26 ЯНВАРЯ 1791 г.

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва



(орф. подлинника). По настоянию отца Строганов выехал из Парижа в Россию 1 декабря 1790 г. и расстался с Роммом, которому Екатерина II навсегда запретила въезд в пределы России.

[4] В приложении к донесению № 48 от 20 сентября 1791 г. Симолин сообщает, что художник Соколов, проигравший свою одежду и попавший в тюрьму, отправляется на его счет в Россию.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 26 ЯНВАРЯ 1791 г.

[*Без №*]

Париж, 15/26 января 1791 г.

Милостивый государь,

Общество, поручившее г. бальи де Вириё передать мне записку, на которую ваше сиятельство сделали мне честь ответить 9 октября прошедшего года, пришло к соглашению относительно проекта эмиграции[1]. Этот проект передал мне на этих днях вышеупомянутый бальи. Артиллерийский офицер г. де Вант, предполагавший выехать в С.-Петербург больше месяца тому назад, отложил свой отъезд до завтрашнего утра. Я пользуюсь этим удобным случаем, чтобы переслать вашему сиятельству копию этого проекта, и рассчитываю своевременно получить на него ответ, чтобы иметь возможность сообщить его всем заинтересованным в нем лицам, которые надеются, что императрица предоставит им безвозмездно невозделанные земли.

Я не упустил из виду поручения, которое ваше сиятельство соблаговолили возложить на меня,—убеждать переселяться в Россию и поощрять к этому всех являющихся ко мне лиц, в особенности фабрикантов сукна, тонких тканей, а также других мастеров полезных ремесел, и облегчать

им переселение, выдавая под расписку столько денег, сколько, по моему мнению, им будет для этого необходимо.

В моем письме от 25 ноября (6 декабря) прошлого года я осмелился доложить вашему сиятельству, что в городе Париже совсем нет таких фабрикантов, какие были бы желательны.

Мне пришлось прибегнуть к некоторым посредникам в провинции, и я ожидаю результатов их услуг. Коронация императора во Франкфурте и Северный мир[2] подняли производство лионских фабрик, благодаря полученным ими заказам из Голландии, Германии и России. Что же касается ремесленников, то несколько человек явилось ко мне, и я прилагаю к сему предложения, переданные мне двумя из них. Одно из предложений от англичан об установке прядильных машин для хлопка и шерсти, другое касается устройства фарфоровой мануфактуры на подобие Севрской и Ангулемской. Есть также художники Севрской мануфактуры, желающие переселиться в Россию, но я еще не знаю их условий; кроме того, есть известный немецкий столяр-чернодеревщик, работавший для королевы, которого я рассчитываю отправить из Гавра с первым кораблем, условия же свои он желает сообщить в Петербурге.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 24. Получено 19 февраля.

К донесению приложены две собственноручные записки Екатерины II на французском языке:

1

Прядильные машины для шерсти и хлопка могли бы быть полезны, особенно первые.

Фарфоровые фабрики мы имеем.

Севрских живописцев надо было бы предложить начальнику здешней фарфоровой фабрики.

Что же касается столяра-чернодеревщика, то в нем я не вижу никакой надобности.

2

Было бы хорошо, если бы эмигранты-дворяне прислали сюда одного или двух из своих, чтобы установить с правительством или с его уполномоченными, как бы лучше притти к соглашению.

[1] Приложен «Проект эмиграции»—«Projet d'émigration». В состав упоминаемого в донесении общества эмигрантов, основанного правым депутатом бальи де Вириё, входили дворяне, среди которых были и члены Национального собрания. «Лишенные состояния и звания», «желая сохранить свое дворянское достоинство» и «предпочитая иметь одного господина, чем легион тиранов» (см. вышеуказанный «проект»), они обратились к Екатерине II с просьбой предоставить им безвозмездно земли для поселения, обещаясь насаждать в России промышленность и предлагая организовать «военно-дворянскую компанию» («une compagnie de noblesse militaire»).

[2] Имеются в виду коронация Леопольда II и мир России со Швецией, заключенный в Вереле в 1790 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 28 ЯНВАРЯ 1791 г.

К № 6

Париж, 17/28 января 1791 г.

В прошедшее воскресенье при дворе был объявлен траур на восемь дней по случаю кончины герцогини Моденской.

Г-н де Вант отложил свой отъезд в С.-Петербург, и я ему вручил, кроме двух пакетов, переданных мною более шести недель тому назад, еще два пакета *А* и *Б* с брошюрами, список которых я прилагаю[1].

В понедельник была стычка из-за контрабанды между егерями, охранявшими заставы, и жителями деревни Ла Шапель, расположенной близ заставы Сен-Дени; несколько человек убито и ранено с той и другой стороны.

В среду народ сжег заставу в предместье Сен-Марсо, несмотря на то, что по толпе была открыта стрельба. Вчера наступила очередь заставы Вожирар. Говорят, что народ не хочет, чтобы существовали пошлины на предметы ввоза в город.

Во вторник вечером г. Барнав[2] донес Национальному собранию на Монархический клуб, как на подстрекателя к этим беспорядкам, и обвинил егерей в получении денег от этого клуба для совершения насилий. На другой день Клуб якобинцев разослал 15 курьеров по провинциям для распространения там этой ужасной лжи и возбуждения тем самым народа к новым преступлениям и злодеяниям. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 43. Получено 8 февраля.

[1] К донесению приложен список высылаемых брошюр: «Désignation des brochures envoyées à St.-Pétersbourg avec M-r de Vente, officier d'artillerie, le 15/26 janvier 1791».

[2] Barnave Жозеф-Антуан (1761—1793)—один из лидеров большинства в Национальном собрании, представлявшего интересы либерального дворянства и крупной буржуазии, член так называемого «триумвирата» (Дюпор—Шарль Ламет—Барнав), сыгравшего большую роль в попытках спасения конституционной монархии в последние годы ее существования. После «бегства в Варенн» организовал тайную переписку с Марией-Антуанеттой в расчете руководить через нее поведением короля и тем спасти монархию и принцип собственности и «положить предел революции». Раскрытие этой связи привело Барнава на гильотину.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 14 ФЕВРАЛЯ 1791 г.

К № 12

Париж, 3/14 февраля 1791 г.

Банда разбойников опустошила Шантильи[1]. Сады были вытоптаны и обезображены. Орды варваров не причинили бы бóльшего разорения на своем пути. Парк Сильвии, хижина, зеленые рощи, фазанник, цветники—все было уничтожено.

Муниципалитет, спокойный свидетель этих ужасов, даже не вызвал кавалерийского отряда, который, впрочем, направился в лес при первом слухе об этом нашествии. Причины, по которым он не проявил деятельности, неизвестны. Декретом Национального собрания муниципалитет признан ответственным за опустошения, которым он мог бы воспрепятствовать, и обязанным возместить убытки.

Секции Парижа замышляют объединиться и воспротивиться путешествию их высочеств, теток короля, и некоторые из секций уже вынесли постановление о подаче петиции Национальному собранию, с просьбой не допускать выезда из королевства членов королевской семьи прежде, чем не будет выработана конституция, и декретировать, что все выехавшие должны вернуться в королевство в месячный срок под угрозой лишения прав.

Король, предупрежденный в субботу вечером мэром Парижа и г. де Лафайетом о том, что намереваются послать толпу торговок в Бельвю,

чтобы вернуть их высочества, его теток, в Париж и запретить им выезд из него, послал в тот же вечер за ними в Бельвю герцога де Виллекье, первого камер-юнкера королевского двора, для сопровождения их до Парижа. Вчера был у них прием. Маловероятно, что они смогут осуществить свой проект поездки на некоторое время в Рим.

Г-н де Бугэнвиль[2] вернулся из Бреста. Эскадра, назначенная в плавание к Антильским островам, отбыла. Она состоит из 6 линейных кораблей, 14 фрегатов, 3 катеров и 6 транспортов. В Бресте остались вооруженными 15 линейных кораблей, из них два трехпалубных, четыре — 80-пушечных и девять — 74-пушечных. Готовят запасы сухарей, вина и т. д. на тридцать кораблей.

Г-н де Бугэнвиль сохраняет за собой командование и вернется в Брест, если этого потребуют обстоятельства.

Г-н Морский, получивший назначение польским посланником в Мадрид, приехал в Париж и рассчитывает остаться здесь на несколько недель. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 133. Получено 27 февраля.

[1] Средневековый замок и дворец с парком, расположенный на притоке Уазы. Свою замечательную художественную отделку замок получил при Людовиках XIV и XV.

[2] Bougainville Луи-Антуан де (1729—1811) — знаменитый мореплаватель. Первый из французов совершил путешествие вокруг света (1766—1769). В 1790 г. был поставлен во главе брестской эскадры, но не мог восстановить дисциплину и вышел в отставку. См. дальше, в донесении от 30 ноября 1791 г., о его роли тайного королевского советника.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 4 МАРТА 1791 г.

К № 18

Париж, $\frac{\text{21 февраля}}{\text{4 марта}}$ 1791 г.

Муниципалитет Парижа недавно отдал распоряжение починить башню Венсенского замка для устройства дополнительного отделения парижской тюрьмы. Так как на ней были оставлены амбразуры и распространился слух о том, что на площадке будут поставлены пушки, часть народа вообразила, что там воздвигают крепость, угрожающую свободе, и вследствие этого в понедельник огромная толпа вооруженных людей бросилась туда, чтобы уничтожить все произведенные в башне работы.

Как только об этом волнении стало известно, тотчас же было отряжено достаточное число конных и пеших национальных гвардейцев для рассеяния бунтовщиков. Кавалерия пустила в ход сабли и разогнала мятежников, после чего можно было уже не беспокоиться, ибо их затея не могла больше иметь успеха.

40 из числа самых буйных были схвачены в толпе, а остальным предоставили возможность убежать.

Маркиз де Лафайет издал в понедельник утром приказ всем секциям держать наготове половину своих национальных гвардейцев, чтобы они могли выступить по первому удару барабана. Дворяне решили, что опасаются нового народного восстания. Они отправились к 7 часам вечера в количестве около 1 500 человек в «l'Œil-de-bœuf»[1], одни одетые, как полагалось, другие не по форме, но все при шпагах и многие с пистолетами в кармане.

Охрана дворца, которая была удвоена, довела до сведения короля о своем недовольстве выступлением дворян. Его величество вышел в

«l'Œil-de-bœuf», чтобы сказать этим господам, что, будучи уверен в их преданности к его особе, он в доказательство ее просит их сдать оружие, хотя бы пистолеты, которые он сохранит у себя до завтра. Некоторые из дворян подчинились королю и положили свои пистолеты на кресло его величества, другие же этого не сделали. Полчаса спустя видели, как вошел в кабинет короля г. де Лафайет, который, пробыв там с четверть часа, вышел оттуда, а вслед за ним, по его распоряжению, вынесли все

МИРАБО
Цветная гравюра Анжелики Брисо-Аллэ, 1791 г.
Эрмитаж, Ленинград

вышеуказанные пистолеты для сдачи их на хранение коменданту охраны дворца.

Когда люди, несшие это оружие, пересекали королевский двор, где собралась толпа народа, на них напали, и они вынуждены были отдать его первым попавшимся.

Дворян при выходе из дворца обыскала Национальная гвардия, и те, которые оставили при себе пистолеты и отказывались их сдать, подвергались оскорблениям как со стороны гвардейцев, так и со стороны народа. Они были отведены в тюрьмы Аббатства в количестве 32 человек, среди

которых есть несколько известных имен. Некоторые были отпущены, другие еще находятся там, и народ требует им возмездия.

Герцог де Пьен, первый камер-юнкер двора, преемник в этом звании своего отца, герцога де Виллекье, был сильно избит и только благодаря своему дяде, герцогу д'Омону, начальнику дивизии Национальной гвардии, был освобожден. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 163. Получено 15 марта.

[1] Аванзал перед парадными апартаментами в Тюильрийском дворце, в котором ожидали приема у короля. Назывался так по аналогии с аванзалом такого же назначения с круглыми окнами («l'œil-de-bœuf») в Версальском дворце.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 7 МАРТА 1791 г.

К № 19

Париж, $\frac{\text{24 февраля}}{\text{7 марта}}$ 1791 г.

В пятницу и субботу король почувствовал приступы лихорадки, вчера его величество принял рвотное, и лихорадка не повторилась. Утреннего приема не было, и мессу его величество слушал у себя в комнате.

Их высочества, тетки короля, отбыли, наконец, из Арнуа ле Дюк, и их багаж отправили вслед за ними три дня тому назад.

Камер-юнкеры королевского двора написали г. де Лафайету письмо о происшедшем в понедельник 28-го прошедшего месяца в апартаментах короля. Осмеливаюсь приложить это письмо[1]. Говорят, что г. де Лафайет им ответит. Если бы, по несчастной случайности, раздался хотя бы один пистолетный выстрел в апартаментах его величества, это повлекло бы за собой ужасную резню в Тюильрийском дворце, где головы национальных гвардейцев очень разгорячены, и неизвестно, как далеко зашли бы эти убийства. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 167. Получено 20 марта.

[1] К донесению приложено «Lettre de messieurs Alexandre d'Aumont, ci-devant duc de Villequier et Amedée de Durfort, ci-devant marquis de Daras, premiers gentilshommes de la Chambre du Roi».

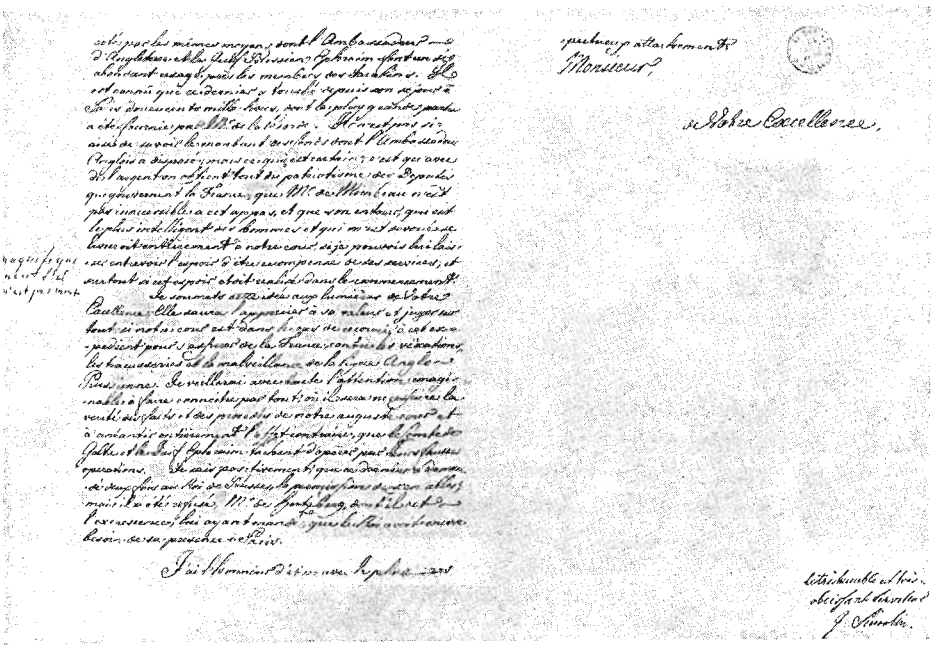
ДОНЕСЕНИЕ ОТ 1 АПРЕЛЯ 1791 г.

№ 27

Париж, $\frac{\text{21 марта}}{\text{1 апреля}}$ 1791 г.

Милостивый государь,

Я получил депешу от 11 февраля, которую ваше сиятельство сделали честь прислать мне[1] и в которой вы чрезвычайно правильно определили мотивы и действия, которые руководят кабинетом ее императорского величества и отличают его от берлинского кабинета. Я не преминул изложить все это графу де Монморену во время моей беседы с ним; он проникся истинностью всего, что я ему сказал. В то же время я расположил в свою пользу близкого друга г. де Мирабо, который руководит им во всем, что имеет отношение к внешней политике[2], чтобы познакомить его с истинным положением вещей и привлечь его сочувствие к принципам нашего двора и его действиям в несправедливой войне, которую ему навязали. Я указал, что, вследствие непреклонности врага, поддерживаемой влиянием и низкими и коварными происками дворов Лондона и Берлина' он [русский двор] вынужден продолжать эту войну, вопреки желаниям



ДОНЕСЕНИЕ СИМОЛИНА ОТ 1 АПРЕЛЯ 1791 г. С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ СДЕЛКИ С МИРАБО
Страницы пятая и последняя. На полях помета Екатерины II
Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

императрицы и несмотря на то, что она идет навстречу заключению справедливого и достойного мира. Г-н де Мирабо проникся всем тем, что ему было внушено, и дал понять, что Национальное собрание не отнесется безразлично к отправлению английской эскадры в Балтийское море и что, по его мнению, в этом случае следует привести в боевую готовность эскадры в портах Франции.

Доброжелательность этого депутата, мнение которого имеет большой вес в Дипломатическом комитете, душой которого он является, была бы действеннее, если бы ее подкрепить с нашей стороны теми же средствами, какие широко применяют в отношении депутатов-якобинцев английский посол и прусский еврей Эфраим[3]. Известно, что этот последний истратил за время своего пребывания в Париже 1 миллион 200 тысяч ливров, большая часть которых была доставлена г. де Ла Борд[4]. Не так-то легко узнать сумму, которой располагал английский посол, но несомненно одно, что посредством денег можно получить все от патриотизма депутатов, управляющих Францией, что г. де Мирабо не недоступен для этой приманки*, а его друг, человек очень умный и преданный мне, будет всецело на стороне нашего двора, если я смогу ему подать надежду на вознаграждение за его услуги и, особенно, если эта надежда получит свое осуществление в самом начале.

Я представляю эту мысль на усмотрение вашего сиятельства. Вы сумеете оценить ее по достоинству и решить, в состоянии ли наш двор прибегнуть

* На полях около этих слов собственноручная помета Екатерины II на французском языке: «Проявить щедрость, если он не умер»[5].

к этому средству, чтобы расположить к себе Францию, ввиду притеснений, придирок и недоброжелательства англо-прусской лиги. Я приложу старание со всем возможным вниманием к тому, чтобы везде, где это будет необходимо, узнали правду о действиях и методах нашего августейшего двора, дабы совершенно уничтожилось неверное представление, которое стремятся создать граф де Гольц[6] и еврей Эфраим своими лживыми действиями. Я наверное знаю, что этот последний два раза просил у прусского короля разрешения уехать, но ему отказали. Г-н де Герцберг[7], паразитическим придатком которого он является, сообщил ему, что королю еще нужно его присутствие в Париже.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 240 б. Получено 10 апреля.

[1] Сохранился отпуск этой депеши Остермана (с карандашными пометами Екатерины), содержащей предложение Симолину «разоблачить интриги берлинского двора». На обороте отпуска дата отправления—11 февраля («Dépêches-expédition» за 1791 г. без №).

[2] Сопоставление ряда фактов, известных из обширной мемуарной литературы, переписки и других документов того времени, с письмом Екатерины II к Гримму о влиянии епископа Отёнского на Симолина убеждает в том, что здесь, несомненно, речь идет о Талейране, которого Симолин сумел оценить по достоинству и подкупить. (Ср. ниже, донесение от 27 мая 1791 г. и прим. 3-е к нему).

[3] Ephraïm—секретный агент прусского короля. В приложении к донесению от 7 января 1790 г. Симолин сообщает о его приезде в Париж и совещаниях с Монмореном и якобинцами, очевидно, со сторонниками Бриссо и Дюмурье, ориентировавшимися не на Австрию, а на Пруссию. В донесениях за 1791 г. от 22 и 25 июля сообщается о временном аресте Эфраима и о бумагах, взятых у него при обыске. Однако, и в 1792 г. Эфраим поддерживал связь с прусским посланником.

[4] La Borde Жан-Бенжамен, маркиз де (1724—1794)—банкир Людовика XV, музыкант и писатель. Во время семилетней войны давал взаймы государству огромные суммы и получил от короля должность откупщика (fermier général). При его посредстве проводился ряд операций в целях контрреволюции. Не только Мирабо, но и Барнав имели с ним «дела» и «связи». Был гильотинирован в 1794 г.

[5] Известно, что в это время Мирабо был уже подкуплен королем. О серьезной болезни Мирабо Екатерина II узнала из одновременно полученного приложения Симолина к публикуемому донесению (см. ниже).

[6] Goltz Бернгард-Вильгельм, граф фон дер (1730—1795)—прусский посланник во Франции (1772—1792).

[7] Hertzberg Эвальд-Фридрих, граф (1725—1795)—прусский статс-секретарь по иностранным делам.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 1 АПРЕЛЯ 1791 г.

К № 27

Париж, $\frac{\text{21 марта}}{\text{1 апреля}}$ 1791 г.

Г-н Мирабо настолько сильно захворал, что в продолжение нескольких часов он был в большой опасности; пульс стал перемежающимся и судорожным, и появились боли во всей груди. Головная боль ночью становилась все сильнее, язык обложило, и больного лихорадило.

После беседы моего друга с г. де Мирабо последний пожелал встретиться со мною у себя; день был уже назначен, но болезнь помешала этой встрече. Насколько его смерть была желательна два года тому назад, настолько теперь потеря его гибельна, так как облегчит исполнение пагубных и ужасных планов заговорщиков, которым этот депутат препятствовал. Г-н де Мирабо умирает, и в настоящий момент он безнадежен. Хин-

ная корка, которую ему прописали, не оказала никакого действия. Он умирает так несвоевременно, что все честные люди принуждены сожалеть о нем. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 240 а. Получено 10 апреля.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 4 АПРЕЛЯ 1791 г.

К № 30

Париж, $\frac{\text{24 марта}}{\text{4 апреля}}$ 1791 г.

Известие о смерти г. де Мирабо вызвало глубокое чувство скорби; по предложению, сделанному в Пале-Роаяле, дюжина повес распорядилась о прекращении всех спектаклей, что было исполнено, ко всеобщему удивлению. Секретарь г. де Мирабо, вынужденный за несколько часов до его смерти отдать брошенный им в пепел камина ключ от бюро, нанес себе три раны перочинным ножом, из которых одна довольно серьезная. Он был арестован[1]. Партия принца Орлеанского и Ламетов, которую сдерживал этот необыкновенный человек, проявила в тот же день неприличную радость. Говорят, Мирабо сказал, что с ним будет погребена монархия. Он с большим мужеством ждал приближения смерти, и до самых последних минут свойственная ему твердость не изменила ему.

Труп г. де Мирабо был вскрыт в присутствии сведущих медиков, чтобы прекратить распространяемые слухи о причинах его смерти. Внутренняя гангрена проявилась в полном охлаждении конечностей, длившемся в течение более сорока восьми часов; повидимому, закупорка каутера[2] была основной причиной его болезни.

По случаю смерти Мирабо муниципалитет объявил траур на три дня, и 12 его членов с г. мэром во главе отправятся на погребение.

Дофин был нездоров, у него был насморк и небольшая лихорадка. Королева сказала на вчерашнем приеме, что ему гораздо лучше и что его болезнь была незначительной. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 249. Получено 17 апреля.

[1] По версии Луи Блана, требование умирающего Мирабо дать ключи от бюро его секретарь Comps отказался выполнить. Заподозренный в краже принадлежащих Мирабо денег, Comps покушался на самоубийство в момент, когда запертая им изнутри дверь комнаты была взломана полицией. В позднейшей специальной монографии о Мирабо (Альфреда Штерна, 1900 г.) не подтверждается эпизод с ключами, но говорится, что покушение на самоубийство этого секретаря дало лишний повод для распространения слухов об отравлении Мирабо. Рассказывая о приходе Ла Марка, друга умирающего, и об изъятии и сожжении им с помощью другого секретаря, Pellenc, компрометирующих Мирабо документов, Штерн называет Comps одним из «интимнейших друзей» трибуна. Автор новейшей работы о Мирабо, O. Meunier («Autour de Mirabeau», 1926), на основании ряда неизданных документов освещает вопрос в том смысле, что Combs (sic!) был одним из всецело преданных Мирабо людей и что «неудивительно, если смерть такого патрона (maître) привела его секретаря в состояние отчаяния». Вопрос этот, однако, следует считать до сих пор не разрешенным.

[2] Каутер — искусственно поддерживаемая рана, дающая выход гною; распространенный в то время метод лечения воспалительных процессов.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 10 АПРЕЛЯ 1791 г.

№ 33

Париж, $\frac{\text{30 марта}}{\text{10 апреля}}$ 1791 г.

Милостивый государь,

Получив с последней почтой депешу, которую ваше сиятельство сделали мне честь отправить 1 марта, я могу только известить об ее получении

и довести до вашего сведения, что я сообщил г. бальи де Вириё совет, который был дан обществу, составившему план эмиграции, о посылке одного или нескольких доверенных лиц в С.-Петербург для того, чтобы выяснить, какое количество земли может быть предоставлено обществу, и другие относящиеся сюда вопросы, а также договориться с правительством или его уполномоченными, чтобы лучше притти к соглашению[1].

Г-н де Вириё нашел этот совет разумным и превосходным во всех отношениях и обещал известить об этом одного из членов общества, депутата Национального собрания, чтобы он договорился с остальными членами товарищества. Г-н де Вириё обещал сообщить мне результаты их решения, как только оно будет принято.

Я продолжаю осведомляться о прядильных машинах для шерсти и хлопка. Я узнал, что в Орлеане, Руане, Лионе и других городах их применяют и находят очень полезными. Одна такая машина, сделанная Перрье в Париже, стоит 12 тысяч ливров. В Орлеане прядут до 600 фунтов хлопка в день, причем работают 5—6-летние дети, которые получают по 2 су в день каждый.

Как только я соберу все необходимые сведения и переговорю с лицами, сделавшими мне это предложение, я не премину сообщить обо всем вашему сиятельству. Я постараюсь также получить чертеж этой машины, если его возможно получить, пообещав небольшое вознаграждение.

Я боюсь, что будет очень трудно построить такую машину только по чертежу, и, быть может, понадобится модель в том случае, если не захотят заказать машину г. Перрье.

Относительно живописцев с Севрской фабрики, предложивших свои услуги, я подожду распоряжений вашего сиятельства, чтобы сообразовать с ними свои действия.

Что касается столяра-чернодеревщика, выразившего желание переехать в С.-Петербург, то я его отпустил, сказав ему, что если он хочет, он может ехать в Россию искать применения своих знаний и таланта, но что он не должен рассчитывать при этом, что в отношении его будут приняты какие-либо обязательства и что ему оплатят дорогу.

Я горячо желаю успешно выполнить все поручения, которые ее императорское величество соблаговолили возложить на меня, чтобы заслужить всемилостивейшее ее одобрение, которым ей угодно было наградить мое рвение.

Подполковник г. Болтс, которому покойной императрицей Марией-Терезией и покойным императором было поручено учреждение различных заведений в Восточной Индии и который в 1786 г. заключил договор с шведским королем, передал мне мемуар и копию вышеупомянутого договора, которые ваше сиятельство найдете приложенными к сему[2]. Г-н Болтс просил меня передать этот мемуар нашему двору вместе с предложением услуг, ввиду того, что он совершенно свободен и готов привести в исполнение по отношению к России тот план, который он предлагал Швеции, на тех же условиях, какие установлены в вышеупомянутом договоре[3].

Представляя этот мемуар на мудрое и просвещенное усмотрение ее императорского величества, я прошу ваше сиятельство осчастливить меня ответом, который я мог бы передать г. Болтсу, предполагающему жить в Париже до тех пор, пока этот ответ не будет получен. Если его предложение бу-

дет принято, то он рассчитывает сам отправиться в С.-Петербург, чтобы приступить к исполнению своего плана.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 262 а. Получено 17 мая.

ЛЮДОВИК XVI
Миниатюра на кости Шарля Берни
Эрмитаж, Ленинград

[1] Совет исходил от Екатерины II. См. выше ее записку, приложенную к донесению от 26 января 1791 г. Об обществе эмигрантов см. это же донесение.

[2] К донесению приложены: 1) «Mémoire de la part du Sr. Guillaume Bolts, Lieutenant Colonel, ci-devant au service de l'Empereur, soumis à la considération de Son Excellence Monsieur de Simolin—ministre plénipotentiaire de Sa Majesté de toutes les Russies». 2) «Convention entre S. M. le Roi de Suède et le Sr. Guillaume Bolts, faite au Château d'Upsal le 1-er novembre l'an 1786».

[3] Болтс предлагал в целях создания противовеса торговле Англии учредить на одном из островов Индийского океана факторию для торговли с Восточной Индией. Шведский король, подписавший соглашение с Болтсом 1 ноября 1786 г., отказался от выполнения плана, предложенного Болтсом, ввиду начавшейся войны с Россией.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 6 МАЯ 1791 г.

К № 41

Париж, $\frac{\text{25 апреля}}{\text{6 мая}}$ 1791 г.

Булла папы[1] к архиепископам и епископам, членам Национального собрания Франции, по поводу декретированного Собранием гражданского устройства духовенства, наконец, получена несколько дней тому назад. Вторая булла папы от 13 апреля тоже появилась уже во вторник. Она обращена ко всем кардиналам, архиепископам, епископам, духовенству и народу Франции. Обличив присягнувших епископов, как виновников раскола, папа касается истории своей переписки с королем, который не санкционировал бы гражданского устройства духовенства, если бы его не толкало на это и не принуждало некоторым образом Национальное собрание, как то удостоверяют, по словам папы, письма, написанные ему королем 28 июля, 6 сентября и 6 декабря. Вследствие этого объявляется, что все епископы, которые не отрекутся от своей присяги в течение сорока дней, считая от даты буллы, будут лишены своего сана и дальнейшее исполнение ими своих обязанностей будет признано незаконным. Далее указывается, что новые выборы должны рассматриваться, как незаконные и нечестивые; что эти епископы навлекут на себя отрешение от должности и что они должны будут воздерживаться от исполнения своих епископских обязанностей под угрозой отлучения. Наконец, запрещается принимать какой-либо сан и производить рукоположения, которые будут аннулированы. Папа объявляет, что если в течение назначенного времени не произойдет подчинения самозванных епископов, чего он ждет от них, они уже не будут избавлены от канонических наказаний, ими на себя навлеченных, и что после установленного срока они будут подвергнуты отлучению, объявлены раскольниками в католической церкви и лишены причастия под обоими видами.

Римский двор неудачно выбрал момент для своих угроз и метания молний против новой доктрины. Он будет очень удивлен, узнав о расправе, уже учиненной над буллой в прошлый вторник в саду Пале-Роаяля. Там установили изображение Пия VI — большой манекен, одетый в белый стихарь, обшитый кружевами, в красную мантию, окаймленную белым мехом, с такой же шапочкой на голове и в малиновых туфлях. На пальце у манекена было пастырское кольцо и на его груди наперсный крест. Один из присутствовавших прочел обвинительную речь от имени нации против представленного здесь папы; он указал в ясных выражениях все несчастия, которые причинит булла, если нация, нарушив установленные ею самой законы, примет ультрамонтанские принципы, развиваемые буллой. Заключение было таково: «Пастырское кольцо будет снято с пальца, наперсный крест с груди, и они будут сохранены в надежном месте, в знак уважения нации к католической религии, а после этого манекен будет сожжен». Этот приговор огласил некий г. де Сент-Юрюж[2].

Затем манекен понесли к цирку, там к нему прикрепили две надписи: одну спереди — со словом ф а н а т и з м, другую сзади — со словами г р а ж д а н с к а я в о й н а; вместо пастырского кольца манекену вложили в руку кинжал. В то время, как складывали костер из соломы, люди, вооруженные палками, наносили ими удары по голове манекена, и, наконец, он был сожжен вместе с буллой при радостных криках собравшихся.

Отъезд графа де Сегюра в Рим, в качестве посла, не состоится. Папа отказал ему в приеме за принятие гражданской присяги без всяких ого-

ворок. Граф де Монморен написал нунцию, что король отказывается понимать поведение папы, что он имеет самое твердое намерение посылать только принесших присягу послов и что, если Пий VI не откажется от такого легкомысленного акта, разрыв между Римом и Францией неизбежен.

Уже два дня говорят о предстоящей отставке графа де Монморена и называют его преемником графа де Шуазёль-Гуффье[3], посла в Константинополе, который будет замещен г. де Мустье[4], полномочным министром в Берлине, или, как говорят другие, ушедшим в отставку морским министром, г. де Флёрьё[5].

Г-н Булгаков[6] известил меня вчера о значительной победе корпуса под начальством генерал-лейтенанта князя Голицына[7], одержанной 26 марта за Дунаем над турецкими войсками трехбунчужного паши, пользующегося большим доверием нового визиря, и о взятии города Мачина, которым наши войска овладели 28-го вышеуказанного месяца.

Я умоляю ваше сиятельство соблаговолить повергнуть к стопам ее императорского величества мои почтительнейшие поздравления с новыми успехами ее оружия и принять также искреннейшие приветствия по поводу события, тем более значительного, что победа одержана в начале правления визиря Юсуфа-паши, на которого турки возлагали свои последние надежды. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 63. Получено 17 июня.

[1] Пия VI (1775—1799).

[2] Saint-Huruge Виктор-Амедей, маркиз де (1750—1810)—популярный оратор, часто выступал в Пале-Роаяле.

[3] Choiseul-Gouffier Мари-Габриэль, граф де (1752—1817)—ученый, археолог и дипломат, игравший видную роль во взаимоотношениях России с Турцией и Францией. Получив в 1784 г. пост посла в Константинополе, содействовал установлению более мирных отношений Порты с Россией. К революции отнесся настолько враждебно, что вступал в переписку непосредственно с французским послом в России, Сегюром, минуя Монморена. Назначенный в 1791 г. послом революционного правительства в Лондоне, отклонил это назначение и остался в Константинополе, посылая свои донесения принцам-эмигрантам. Наконец, переехал в Россию, где Павлом I был поставлен во главе управления Академией художеств и Императорской библиотекой. Вернулся во Францию в 1802 г. и после Реставрации получил министерский портфель, пэрство и кресло в Академии.

[4] Moustier или Moutier Эли-Франсуа, граф де (1751—1817)—посол при курфюрсте Трирском, затем в САСШ (1787), посланник в Берлине (1790—1791). От предлагавшегося ему в 1791 г. Людовиком XVI портфеля министра иностранных дел дважды отказывался. Тайно вел переговоры от имени Людовика XVI с прусским королем по вопросам интервенции. Пост посланника в Константинополе вместо Шуазёль-Гуффье принял, но вскоре отказался и был послан в Неаполь. После 10 августа был одновременно представителем эмиграции у коалиционных держав. Переписка его была перехвачена генералом революционной армии Келлерманом, и 27 октября 1792 г. был издан против него обвинительный декрет. В эмиграции играл роль тайного посла графа Прованского при европейских дворах.

[5] Fleurieu Шарль-Пьер, позднее граф де (1738—1810)—морской офицер и крупный ученый гидрограф и географ; в 1776 г. был назначен Людовиком XVI на созданный специально для него пост генерального директора гаваней и арсеналов. Успехи французов в войне за американскую независимость приписываются в значительной степени его оперативным планам. С 27 октября 1790 г. по 17 мая 1791 г.—морской министр, а затем гувернер дофина, пост, на который претендовал Монморен и за который Флёрьё поплатился 14-месячным тюремным заключением. После 9 термидора вернулся к научной и политической деятельности в качестве члена Института, сенатора и пр.

[6] Булгаков Яков Иванович (1743—1809)—дипломат, с 1781 г. полномочный посол в Константинополе, добился у Порты признания присоединения Крыма к России,

в 1787—1789 гг. сидел в заключении в Семибашенном замке, по возвращении в Петербург был щедро награжден, в 1793 г. назначен послом в Варшаву.

[7] Голицын Сергей Федорович, князь (1743—1810) — видный военный деятель Екатерины II, участник турецких войн, впоследствии генерал-губернатор Риги и член Государственного совета.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 27 МАЯ 1791 г.

№ 49

Париж 16/27 мая 1791 г.

Милостивый государь,

Со времени получения шифрованной депеши вашего сиятельства от 17 апреля[1] я, не теряя ни минуты, старался употребить в дело доступные мне меры воздействия[2], чтобы побудить Францию, через Дипломатический комитет, произвести вооружения, могущие внушить страх Англии и заставить ее отказаться от замыслов, которые она имеет против нас. Мне уже удалось расположить преемника г. де Мирабо в вышеупомянутом комитете к точке зрения и образу мыслей покойного[3], а также и к цели, которую мы должны себе поставить. Надежды, которые я, с вашего разрешения, подал всем желающим содействовать видам и намерениям ее императорского величества, и знаки ее щедрости и великодушия подействовали сильнее на умы, чем соображения о самых насущных интересах Франции, которые, казалось бы, должны были побудить Дипломатический комитет предложить Национальному собранию те меры предосторожности, сознанием необходимости которых я пытался возбудить их патриотизм. Усилия, направленные в течение двух недель на достижение намеченной цели, не могли преодолеть малодушного сопротивления министра иностранных дел, с которым комитет должен был согласовать свои действия. То он возражал, что, благодаря этому, английский министр[4] получил бы возможность блестяще выйти из теперешних своих затруднений и мог бы обратить против Франции свои военные приготовления, повод для которых, выставляемый ныне, вызвал нечто в роде всеобщего неодобрения со стороны нации; при этом он прибавлял, что при том положении, в котором Франция находится, было бы крайне неполитично подать повод к малейшему столкновению. То министр говорил, что мир между императрицей и Портой скоро будет заключен, что с предложениями мадридского двора, повидимому, соглашаются обе заинтересованные стороны и что Россия удовлетворится разрушением Очакова и окончательной гарантией овладения Крымом, вследствие чего вооружение Франции явилось бы запоздалым и излишним по отношению к императрице и опасным по отношению к Англии, так как оно означало бы недостаток доверия к официальному заявлению, сделанному здесь два месяца назад английским послом.

Однажды он заметил членам вышеупомянутого комитета, и именно тем из них, которые целиком на моей стороне, что флот еще слишком заражен духом неповиновения, чтобы рисковать компрометацией офицеров, из которых едва ли кто согласится взять на себя командование вышедшим из повиновения экипажем, способным, быть может, выбросить в море своих командиров. Он прибавил при этом, что, пока организация флота еще не декретирована, было бы невероятно затруднительно произвести вооружение и что ничто не может сравниться с позором, который принес бы провал этой операции.

На это были даны следующие ответы:

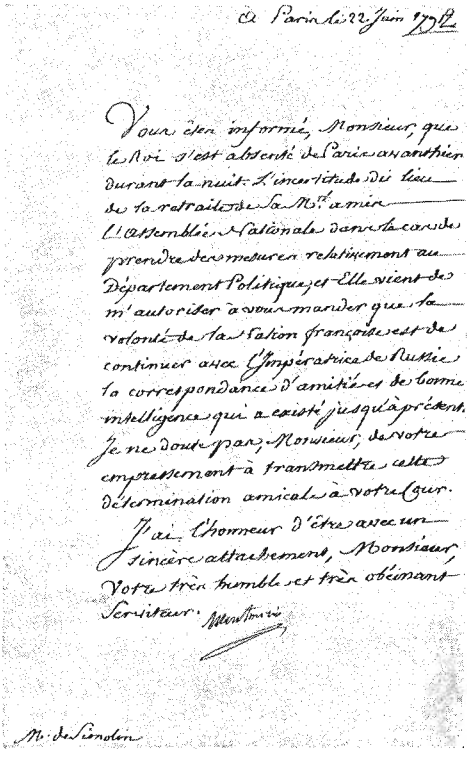
Во-первых, что если два месяца тому назад было выражено полное доверие декларации английского посла, то обстоятельства могли измениться, особенно с тех пор, как французским колониям угрожают новые мятежи, могущие вызвать алчность англичан либо соблазнить Англию взять реванш за освобождение Америки, и что торговля требует в этом отношении обеспечения.

Во-вторых, что предложенная мера предосторожности была бы обоюдной, что она нисколько не втягивала бы Англию в политику континента, а свидетельствовала бы о бдительности, доказывающей, что нация совсем не потеряла и не предполагала терять ни своей энергии, ни своего влияния в международных делах.

В-третьих, что значительное вооружение, объявленное в настоящий момент, было бы действительным средством для ускорения организации личного состава флота и явилось бы мерой побуждения для офицерства отправиться в свои части, чтобы дисциплинировать их и получше узнать тех, кто должны быть исключены из нового состава.

И, наконец, в-четвертых, что уважение, которое было бы этим мероприятием некоторым образом оказано ее величеству императрице, не явилось бы лишним как раз теперь, когда она поручила своему послу предложить его, и что вообще нация расположена укрепить с этой державой связи, обоюдную полезность которых она признает.

В среду третьего дня министр был, наконец, поколеблен, и комитет решился. Один из членов Дипломатического комитета набросал с моим другом доклад, который он должен был сделать в тот же вечер в комитете, равно как и текст речи, с которой он выступит в Собрании, чтобы изло-



à Paris le 22 Juin 1791

Vous êtes informé, Monsieur, que le Roi s'est absenté de Paris avant hier durant la nuit. L'incertitude du lieu de sa retraite de Sa Mté a mis l'Assemblée Nationale dans le cas de prendre des mesures relativement au Département Politique et Elle vient de m'autoriser à vous mander que la volonté de la Nation française est de continuer avec l'Impératrice de Russie la correspondance d'amitié et de bonne intelligence qui a existé jusqu'à présent. Je ne doute pas, Monsieur, de votre empressement à transmettre cette détermination amicale à votre Cour.

J'ai l'honneur d'être avec un sincère attachement, Monsieur, votre très humble et très obéissant Serviteur. Montmorin

M. de Simolin

ПИСЬМО МОНМОРЕНА К СИМОЛИНУ ОТ 22 ИЮНЯ 1791 г.

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

жить ему желание комитета и предложить декретировать немедленное вооружение тридцати пяти линейных кораблей и соответствующего числа фрегатов, так же как и отправку чрезвычайного посланника в Лондон для объявления там этого решения, вызванного беспокойством за французскую торговлю, и с просьбой дать объяснения о мотивах английских вооружений.

Это решение требовало больших усилий. До сих пор все, казалось, шло как нельзя лучше, но на вечернем заседании комитета в среду герцог Дю Шатле[5] с яростью выступил против предложения этой меры, заявляя, что это было бы объявлением войны Англии, скомпрометировало бы Францию и имело бы опасные последствия. Хотя другие члены комитета сумели дать должную оценку надоедливой болтовне этого посланника, но, не собрав большинства в комитете, они, однако, сочли нужным отложить внесение этого предложения в Национальное собрание.

Главные ораторы Собрания—г. Боме[6], Ле Шапелье[7] и многие другие—приготовились поддерживать предложение комитета, содействовать его принятию и декретированию.

Спешу доложить вашему сиятельству о теперешнем положении вещей, причем если последует решение комитета и если будет возможность преодолеть сопротивление г. Дю Шатле, что решится через четыре-пять дней, то я отправляю эстафету. Мои друзья с тем же рвением стараются довести это дело до счастливого успеха, но гарантировать его невозможно.

Я не смог заставить их уменьшить вознаграждение, которое они желали бы получить за свое усердие. Они дали мне почувствовать, что всецело полагаются на врожденную и всем известную щедрость ее императорского величества; но, каков бы ни был успех этих переговоров, я не могу не рекомендовать особому благоволению императрицы того, кто служит мне с такой проницательностью, преданностью и умом. Он является душой Дипломатического комитета, благодаря своим тесным связям с его членами. Если г. де Шуазёль-Гуффье получит департамент иностранных дел, то возможно, что он будет иметь на него очень большое влияние через г. епископа Отёнского, который играл решающую роль при его назначении в министерство, поскольку сам он не мог к нему стремиться из-за декрета Собрания, направленного против него. Я более чем когда-либо сожалею о смерти г. де Мирабо: он смог бы преодолеть препятствия, которые создали г. Дю Шатле и г. де Монморен к выполнению его плана, и увлек бы их вопреки их воле.

Если Испания решится на вооружение, то, вероятно, и Франция также вооружится.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 117. Шифровано. Получено 7 июня.

[1] В депеше Остермана от 17 апреля 1791 г. Симолину предписывалось побудить Францию в ответ на вооружение Англии мобилизовать внушительную эскадру («Dépêches-expédition»).

За энергию, проявленную Симолиным в данном направлении, ему было выражено в особом рескрипте от 26 мая (6 июня) 1791 г. «высочайшее одобрение». Кроме того, в рескрипте объявлялось повеление Екатерины II выплачивать Симолину сверх оклада шесть тысяч рублей в год и перевести ему 350 тысяч ливров на расходы по

приисканию людей «отличных и способных для службы». «Rescrits-expédition» за 1791 г., к. 50.

[2] Симолин имеет в виду меры воздействия через подкупленных им лиц, осведомителей («mes canaux»).

[3] В «Dépêches-expédition» за 1791 г. (л. 29) сохранился отпуск депеши Симолину без даты с предложением установить сношения с видными депутатами Национального собрания и расположить в свою пользу преемника Мирабо. В секретном письме к Екатерине II от 12 апреля 1791 г. (ГАФКЭ, I отд., VII, № 2769, лл. 10—18) Симолин сообщает, что этим «преемником» Мирабо в Дипломатическом комитете явился Талейран («C'est M-r l'Evêque d'Autun qui a remplacé M-r de Mirabeau dans le Comité diplomatique»), что Симолин имел с ним свидание и Талейран обещал оказывать свое содействие планам Екатерины II. На этом же свидании был поднят вопрос о вооружениях Франции, причем Талейран сообщил Симолину, что ярым

АРЕСТ ЛЮДОВИКА XVI В ВАРЕННЕ
Современная гравюра неизвестного мастера
Эрмитаж, Ленинград

противником этих вооружений был герцог Дю Шатле (см. об этом в нижепубликуемом донесении № 51 от 30 мая 1791 г.).

[4] Pitt (младший, 1759—1806)—английский премьер-министр Вильям Питт, известный вдохновитель коалиции против революционной Франции.

[5] Du Châtelet Луи-Мари, герцог (1727—1793) — член Учредительного собрания и Дипломатического комитета. Был посланником в Австрии, затем в Англии. Имел репутацию исключительно честного человека и в комитете являлся, повидимому, единственным неподкупным его членом.

[6] Beaumetz Альбер-Мари-Огюст, маркиз де (1759—1809)—один из лидеров конституционной партии. После 10 августа эмигрировал.

[7] Le Chapelier Исаак-Рене, герцог де (1754—1794)—один из крупных ораторов и деятелей Национального собрания, инициатор организации Национальной гвардии, редактор декрета об уничтожении феодальных прав и привилегий; известен больше всего, как автор закона против рабочих коалиций (14 июня 1791). После бегства короля в Варенн он, Барнав и другие умеренные конституционалисты вышли из Якобинского клуба (15 июля), организовав Клуб фейянов. По его инициативе проведен был декрет 29 сентября 1791 г. об ограничении деятельности клубов, оставшийся, однако, без применения.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 30 МАЯ 1791 г.

№ 51

Париж, 19/30 мая 1791 г.

Милостивый государь,

Во время моей беседы с графом де Монмореном два дня тому назад этот министр мне сказал, что Дипломатический комитет совещался о вооружении портов Франции и что комитет считает это предложение несвоевременным в момент, когда появилась надежда, что мир между Россией и Турцией может быть заключен без посредников и в очень короткий срок; что эта мера была бы хороша, если бы Франция прибегла к ней в то время, когда Англия начала вооружаться, но что теперь она дала бы предлог союзным дворам обойти обещания помощи, сделанные ими Порте, внушив ей, что Франция препятствует осуществить эту помощь своими вооружениями; это могло бы помешать графу Шуазёль-Гуффье установить прямые переговоры между воюющими сторонами и сделать эти переговоры бесплодными.

Граф де Монморен повторил мне, что он написал в Испанию, с целью согласовать вооружения Франции с вооружениями мадридского двора, для придания им большего веса, и если бы мадридский двор на это решился, то Франция поступила бы так же. В портах, по его словам, создается такое положение, что в течение трех-четырех недель смогут выйти в море тридцать линейных кораблей; наконец, он настаивал на своем утверждении, что ни в Лондоне, ни в Берлине не хотят войны и что все демонстрации обоих дворов сделаны были без всяких оснований, в уверенности, что твердость петербургского двора будет поколеблена одними угрозами и приготовлениями; но, увидев, что их ожидания напрасны, они, как будто, перешли к более миролюбивым предложениям.

Это герцог Дю Шатле своим противодействием поколебал усердие и добрые намерения членов Дипломатического комитета, вполне расположенных к нашему двору, и хотя казалось, что граф де Монморен в среду колебался, однако, два дня спустя он уже придерживался мнения этого сварливого и болтливого герцога, который, как и покойный герцог де Шуазёль[1], полон желчи и ненависти по отношению к нашему двору и не способен понять, что новое положение вещей должно вызвать новые политические комбинации. Ответ мадридского двора определит решение французского, но малодушие графа де Монморена заставляет меня опасаться, как бы он не разубедил испанский кабинет теми соображениями о плане вооружений, которых сам он придерживается, желая избавить от вооружения Францию, чтобы не навлечь на нее вражды британского министерства.

Первый секретарь канцелярии иностранных дел, г. де Рейневаль, трепещет при мысли, что Франция вооружится, и потому старается подкрепить опасения министра и поддержать его колебания.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 137. Шифровано. Получено 11 июня.

[1] Choiseul Этьен-Франсуа, герцог де, ранее известный, как граф Стэнвиль (1719—1785)—военный деятель, дипломат. Фактический руководитель политики Франции с 1758 г., когда получил пост министра иностранных дел и вслед затем портфель военного министра. Восстановил влияние Франции в Европе, провел ряд полезных реформ. В Турции вел политику, направленную против завоевательных планов России, и противодействовал ее польской захватнической политике.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 23 ИЮНЯ 1791 г.

№ 58

Париж, 12/23 июня 1791 г.

Милостивый государь,

Во вторник утром[1] в восемь с половиной часов распространилась весть, что король, королева, дофин, ее высочество дочь короля и принцесса Елизавета удалились ночью и их не нашли во дворце. Тотчас же г. мэр и г. де Лафайет отправились туда, и факт этот был удостоверен.

В 9 часов была поднята тревога: из пушек, установленных на Новом мосту, дали залп, ударили в набат, забили общий сбор, и вся Национальная гвардия была поставлена на ноги.

Муниципалитет собрался и выработал полицейский регламент о мерах сохранения порядка, который члены муниципалитета в шарфах, по установленной форме, сопровождаемые Национальной гвардией, отправились огласить в разные кварталы столицы.

Около десяти часов распространился слух, что король арестован в Мо, но этот слух впоследствии не подтвердился.

Собравшиеся секции приняли различные постановления о поддержании порядка и наблюдении за общественным спокойствием.

Их высочества—Monsieur, брат короля, с супругой—также уехали инкогнито. Предполагают, что королевская семья направилась через Компьен, где, думают, она встретит отряд, который должен будет их сопровождать, но нет ничего менее достоверного, чем этот слух.

Национальное собрание заседает день и ночь, и заседания его прерывались лишь на несколько часов.

Чтобы осведомить ваше сиятельство обо всех предложениях, сделанных по этому случаю в Собрании, и о вынесенных декретах, я беру на себя смелость приложить №№ 474, 475 и 476 газеты «Postillon par Calais», с точными отчетами обо всем, и сослаться на них[2].

Во вторник г. испанский посол[3] довел до моего сведения, что, ввиду создавшегося положения, при таких критических, невыясненных обстоятельствах, было бы более приличествующим и даже необходимым для чести и безопасности дипломатического корпуса придерживаться однообразного направления в своем поведении и что он послал г. Монморену письмо с просьбой сообщить о его намерениях на этот счет. Ответ этого министра гласит, что он намерен тотчас же отправиться в Национальное собрание, чтобы получить его распоряжения, и уверен, что они будут вполне удовлетворительными при настоящих ужасных обстоятельствах.

Вчера вечером я получил письмо от графа де Монморена, копию которого спешу переслать вашему сиятельству; он пишет, что уполномочен сообщить мне волю французской нации поддерживать с ее императорским величеством дружеские взаимоотношения и доброе согласие, существовавшие до сих пор[4].

В продолжение вчерашнего дня несколько раз распространялись слухи об аресте короля, однако, они тотчас же опровергались, но в девять часов вечера в зал Национального собрания вошел курьер и передал председателю несколько писем, которые и были зачитаны. Они извещали, что король и его семья арестованы в Варенне, небольшом местечке в 7 или 8 милях от люксембургской границы. Я прилагаю «Postillon par Calais» № 477 с сообщениями о сделанных предложениях и вынесенных декретах, касающихся этого важного события.

Г-н де Буйе[5] отстранен от командования, и отдано распоряжение администрации арестовать его и препроводить в Шалон.

Эта же газета передает также основное содержание обращения Национального собрания к французам, которое должно служить опровержением воззвания короля[6], переданного Собранию во вторник утром г. де Ла Портом[7].

Отправление курьеров опять задержано, и Собрание постановило, что все лица, выезжающие из Парижа, будут арестовываться. Возможно, что и по отношению к обычной почте, везущей письма, также не будет допущено никаких снисхождений.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 183. Получено 1 июля.

[1] 21 июня нов. ст.

[2] Указанные номера «Postillon par Calais» приложены к донесению.

[3] Фернан-Нуньес (Fernàn-Nùñez) Карл-Хозе, граф (1778—1821)—дипломат, с 1787 г. испанский посланник в Париже; после бегства Людовика XVI в Варенн и его ареста был отозван со своего поста.

[4] Копия письма Монморена от 22 июня 1791 г. приложена к донесению, оригинал хранится среди документов архива парижской миссии за 1791 г. (ГАФКЭ, фонд № 95, дело № 4).

[5] Bouillé Франсуа-Клод, маркиз де (1739—1800)—реакционный генерал, жестокий усмиритель солдатского «бунта» в Нанси в 1790 г. Один из четырех организаторов бегства короля. Командовал частями в Меце, опираясь на которые король при содействии австрийских войск собирался произвести контрреволюционный переворот.

[6] Воззвание к народу, составленное королем накануне бегства, в котором он объяснял его причины.

[7] См. прим. 5-е к приложению к № 64 от 2/13 июля 1789 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 23 ИЮНЯ 1791 г.

К № 58

Париж, 12/23 июня 1791 г.

Взрыв, который я предчувствовал, разразился скорее, чем я предполагал. План содействия выезду короля из дворца со всей королевской семьей был задуман и выполнен очень умно и в большой тайне, но не увенчался успехом. Монарх был арестован в двух милях от границы и препровожден в Мец; можно только содрогаться при мысли о несчастиях, которые грозят королевской семье, особенно королеве, рискующей стать жертвой жестокого и кровожадного народа.

Я намеревался направить эстафету, чтобы возможно скорее довести до сведения императрицы о событии такой большой важности; но бюро почт постановило с некоторого времени не отправлять эстафет, и я пришел к решению направить эту депешу обычным путем—графу Румянцову во Франкфурт-на-Майне, с просьбой немедленно передать ее далее эстафетой. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 202. Первый абзац шифрован. Получено 1 июля.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 27 ИЮНЯ 1791 г.

№ 60

Париж, 16/27 июня 1791 г.

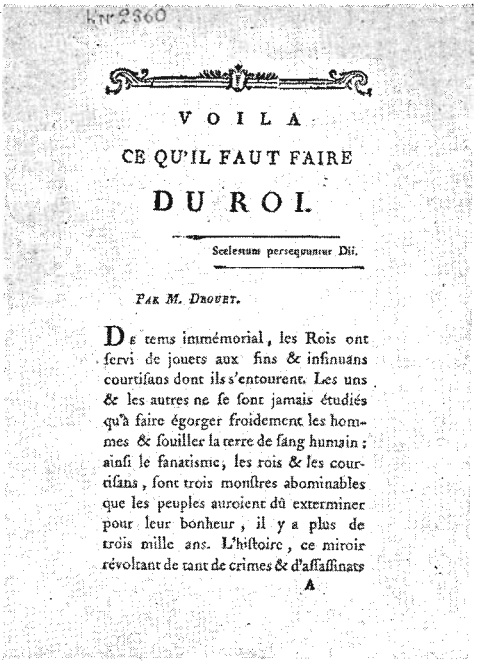
Милостивый государь,

В пятницу, по предложению г. Камюса[1], Национальное собрание постановило, что, начиная с этого дня, выплата пенсий, жалованья и дол-

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА БРОШЮРЫ ПОЧТАРЯ ДРУЭ, ОПОЗНАВШЕГО КОРОЛЯ В ВАРЕННЕ

Брошюра не упоминается библиографическими справочниками изданий эпохи Французской революции

Библиотека Академии наук СССР, Ленинград



Kn 2360

VOILA

CE QU'IL FAUT FAIRE

DU ROI.

Scelerum persequuntur Dii.

PAR M. DROUET.

DE tems immémorial, les Rois ont servi de jouets aux fins & insinuans courtisans dont ils s'entourent. Les uns & les autres ne se sont jamais étudiés qu'à faire égorger froidement les hommes & souiller la terre de sang humain; ainsi le fanatisme, les rois & les courtisans, sont trois monstres abominables que les peuples auroient dû exterminer pour leur bonheur, il y a plus de trois mille ans. L'histoire, ce miroir révoltant de tant de crimes & d'assassinats

A

гов будет производиться только тем, кто будет являться лично и предъявлять свидетельства от муниципалитетов и дистриктов, удостоверяющие постоянное пребывание этих лиц во Франции, с обозначением их имен и звания, если люди эти неизвестны. В иных случаях платить будут только по специальным доверенностям лиц, проживающих в королевстве. Настоящее распоряжение не распространяется на пенсионеров и кредиторов иностранцев, не являющихся должностными лицами. Этот проект закона был предложен и принят, главным образом, в отношении Monsieur, графа д'Артуа и остальных эмигрантов.

Затем был прочитан протокол ареста короля. Власти Клермонского дистрикта вышли навстречу его величеству. Когда председательствующий дистрикта сообщил королю о тревоге граждан по поводу его отъезда, он ответил, что в его намерения не входил выезд за пределы королевства.

После того, как Собранию было сообщено, что король предъявил в дороге паспорт, выданный за подписью Монморена г-же Корф[2], отправляющейся во Франкфурт с двумя детьми, лакеем, тремя слугами и горничной, министра призвали к решетке; он был приведен под конвоем, но ему не трудно было доказать, что он не содействовал и не мог содействовать бегству королевской семьи, и он очень быстро отвел от себя эти обвинения.

Однако, народ бросился с такой яростью к его дому, что забили тревогу, и отряды Национальной гвардии отправились туда, чтобы защитить дом от разграбления. Так как я также несколько замешан, хотя и самым невинным образом, в этом крупном событии данного момента, считаю своим долгом дать разъяснение обо всем, что касается меня в этом деле.

В первых числах текущего месяца г-жа Корф, вдова полковника Корфа, состоявшего на службе ее императорского величества и убитого двадцать лет тому назад при штурме Бендер, попросила у меня через третье лицо

достать ей два отдельных паспорта — один для нее, другой для г-жи Штегельман, ее матери, чтобы поехать во Франкфурт. Я написал г. де Монморену записку с просьбой об этом, и он распорядился доставить мне паспорта. Несколько дней спустя г-жа Корф поручила написать мне, что, сжигая различные ненужные бумаги, она имела неосторожность бросить в огонь также свой паспорт и просит меня достать ей дубликат. Я в тот же день обратился с просьбой об этом к секретарю, ведающему выдачей паспортов, приложив ее записку к своему письму. Секретарь заменил якобы сгоревший паспорт другим. Не вина г. де Монморена и не моя вина, что г-жа Корф дала использовать свой паспорт для таких целей, для которых он не предназначался и которых мы никак не могли предполагать. В статьях, появившихся в печати в связи с этим событием, г-жа Корф именуется шведкой,—я счел своим долгом исправить эту ошибку и написал письмо г. де Монморену, которое просил напечатать в газетах. Беру на себя смелость приложить к сему копию этого письма, так же как и записку г-жи Корф, в которой она выражает огорчение по поводу своей неосторожности. Я не сомневаюсь, что общество откажется от того предубеждения, которое у него могло возникнуть по отношению ко мне.

В субботу около четырех часов пополудни король вернулся в Париж и остановился в Тюильрийском дворце. В момент прибытия короля Собрание заседало. Комиссары, посланные навстречу королю, вошли в зал заседаний, и один из них дал в немногих словах отчет об исполнении возложенного на них поручения.

Поскольку в № 483 газеты «Le Postillon» подробно сообщается обо всем, что произошло, вашему сиятельству, надеюсь, угодно будет одобрить, что я прилагаю этот номер к сему и ссылаюсь на его содержание[3].

На утреннем заседании один из депутатов внес, после очень короткого доклада, проект следующего декрета:

Статья 1. Как только король прибудет в Тюильрийский дворец, ему будет дана временно охрана под начальством главнокомандующего парижской Национальной гвардией, которая будет оберегать его и отвечать за его особу.

Статья 2. Наследнику престола также будет дана временно особая охрана, состоящая под начальством главнокомандующего, и ему будет назначен Национальным собранием воспитатель.

Статья 3. Все лица, сопровождавшие королевскую семью, будут арестованы и допрошены. Королю и королеве будет предложено дать объяснения, которые будут заслушаны; все это будет сделано без промедления, чтобы Собрание могло принять надлежащие решения.

Статья 4. Королеве будет дана временно особая охрана.

Статья 5. Впредь до новых распоряжений декрет от 21 этого месяца, предписывающий министру юстиции скреплять государственной печатью декреты Собрания без санкции или согласия короля, должен сохранять всю свою силу.

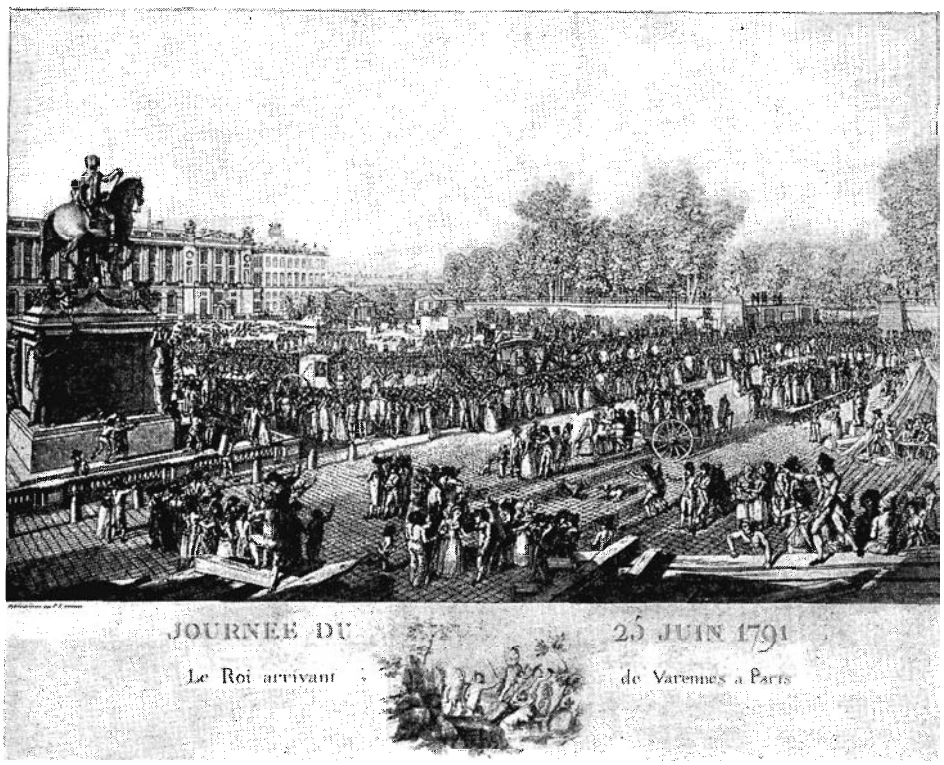
Статья 6. Министры и королевские комиссары государственного казначейства, кассы чрезвычайных доходов и ликвидационной кассы временно уполномочиваются, каждый в своем ведомстве и за своей ответственностью, принять на себя обязанности исполнительной власти.

Один из депутатов заметил, что предлагаемые меры явно не конституционны: конституция объявляет особу короля неприкосновенной и священной, а предлагаемый декрет превращает короля в пленника.

Г-н д'Андре[4] ответил г. Малуэ[5], что он плохо понял декрет, что Собрание провозгласило монархический образ правления и будет его поддерживать.

Прения были закрыты, предложенные поправки отвергнуты, и проект принят без всяких изменений.

Один из членов Собрания дал краткий отчет об аресте гг. Шуазёля[6], Дама́[7] и пр., и Собрание постановило, что они будут содержаться в заключении в городе Вердене до тех пор, пока Национальное собрание не получит дальнейших сведений о лицах, способствовавших отъезду короля.



ВОЗВРАЩЕНИЕ АРЕСТОВАННОГО ЛЮДОВИКА XVI ИЗ ВАРЕННА В ПАРИЖ
Гравюра П.-Ф. Жермена
Эрмитаж, Ленинград

Должностным лицам муниципалитета вменяется в обязанность заботиться об их безопасности. Говорят, что г. Буйе уехал в Люксембург.

Положение создалось в высшей степени щекотливое и затруднительное, и я не думаю, чтобы господствующая в Собрании партия взяла на себя какое бы то ни было решение вопроса об образе правления, ввиду того, что затруднительные и возбуждающие страсти обстоятельства могут ввести в заблуждение самых благонамеренных и благомыслящих людей. В общем, ожидают успокоения умов, чтобы приступить к существенным изменениям в самой форме конституции, для чего необходимо было бы достичь соглашения всей нации или, по крайней мере, значительного ее большинства, что не может явиться делом одного дня.

Одна из газет предлагает шесть различных решений, которые можно принять при существующих обстоятельствах:

1. Упразднить королевскую власть и заменить ее республиканской формой правления.
2. Предоставить решению нации вопрос о короле и о королевской власти.
3. Предать короля суду нации.
4. Требовать его отречения.
5. Отрешить его от власти и назначить регента.
6. Оставить его на троне, создав при нем выборный совет.

Вчера утром обсуждался вопрос об исполнении декрета, вынесенного в субботу утром, о том, что все сопровождавшие короля и его семью должны быть арестованы и допрошены и выслушаны объяснения короля и королевы.

Самый способ исполнения был установлен следующим декретом:

Статья 1. Собрание декретирует, что трибунал Тюильрийского округа назначит из своего состава двух комиссаров для осведомления повсюду, где потребуется, о событии, имевшем место в ночь с 20 на 21-е этого месяца, и обо всех связанных с ним происшествиях, как предшествовавших ему, так и последующих.

Статья 2. Вышеупомянутые комиссары в силу декрета от 25-го этого месяца немедленно приступят к допросу арестованных, так же как и к опросу свидетелей.

Статья 3. Национальное собрание назначит трех комиссаров из своего состава, чтобы принять объяснения короля и королевы, касающиеся вышеупомянутых событий.

Статья 4. Обо всем вышеуказанном будет доложено Собранию для принятия соответствующих решений.

Две первые статьи были декретированы без изменений, а третья была принята после обсуждения с поправкою, гласящей, что объяснения короля и королевы будут даны ими каждым в отдельности и подписаны их величествами и комиссарами. Статья 4-я не вызвала никаких затруднений.

Председатель объявил Собранию, что комиссары будут утверждены абсолютным большинством голосов.

После подсчета голосов председатель объявил результат выборов.

Гг. Тронше[8], д'Андре и Дюпор[9] получили большинство голосов.

В день отъезда короля Собрание постановило, что его заседание будет непрерывным и что оно сможет быть приостановлено только особым декретом. Г-н председатель предложил вынести такой декрет и отложить заседание до девяти часов сегодняшнего утра. Все это было утверждено.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 218. Дата получения неизвестна.

К донесению от 27 июня 1791 г. приложены:

1. Копия письма г. Симолина графу де Монморену от 25 июня 1791 г.

Только сегодня утром из газет узнал я о несчастном случае с паспортом, который я имел честь просить у вашего сиятельства три недели тому назад. Я прочел также, что баронесса Корф—ш в е д к а,

и опасался, что общественное мнение, которым я безмерно дорожу, может приписать мне намерение вмешаться в права и обязанности г. шведского посланника.

Спешу исправить эту ошибку и заявляю, что баронесса Корф—русская, уроженка Петербурга, вдова барона Корфа, полковника, состоявшего на службе императрицы, убитого при штурме Бендер в 1770 г.; она дочь г-жи Штегельман, родившейся также в Петербурге, и обе они прожили около 20 лет в Париже. Обе эти дамы не могли и не должны были обращаться ни к кому другому, как только ко мне, за получением паспортов. Хотя я никак не был связан с ними и даже не имел чести их когда-либо видеть, я не мог и не должен был отказать им в небольшой любезности и содействии в этом деле. Действительно, утверждали, что один паспорт будто бы сгорел; об этом г-жа Корф сама написала мне в записке, которую я приложил к моей просьбе с целью получить его дубликат.

Но мое поведение в этом случае было естественно и соответствовало моим обязанностям, и, смею надеяться, каждый согласится, насколько для меня было невозможно заподозрить, что оно впоследствии может дать повод к малейшим обвинениям против вашего сиятельства и против меня, несмотря на необдуманное употребление, которое, повидимому, было дано этому второму паспорту. Поэтому я надеюсь, ваше сиятельство одобрите, если я дам напечатать это письмо в газетах.

Имею честь быть и т. д.

Подписано: Симолин

2. Копия записки баронессы Корф

Я в отчаянии: вчера, сжигая различные ненужные бумаги, я имела неосторожность бросить в огонь паспорт, который вы были так добры получить для меня; я, право, очень сконфужена тем, что мне приходится затруднять вас и просить исправить мою рассеянность.

[1] Camus Арман-Гастон (1740—1804)—крупный юрист, член Учредительного собрания, а затем Конвента и ряда их комиссий.

[2] Корф Анна-Христина, баронесса—дочь петербургского банкира Штегельмана, в течение 20 лет вместе со своей матерью жила в Париже, была в дружеских отношениях с Ферзеном (см. ниже, прим. 2-е к приложению к № 83 от 18/29 авг. 1791 г.), их считали шведками. Кроме паспорта, Корф предоставила Людовику XVI большие денежные средства. Впоследствии с просьбой содействовать возмещению их ей императором Францем II, ввиду ее крайней нужды, обращался к Екатерине II Ферзен. Письма Ферзена к ней от 1795 и 1796 гг. и письмо по этому поводу Остермана к послу в Вене, Разумовскому, опубликованы в «Русском Архиве», 1866, IV, 800—816. В предъявленном королем в Варенне паспорте на имя баронессы Корф число лиц вполне соответствовало тому, какое указывалось в препровожденном Симолиным заявлении о выдаче паспорта: в нем, кроме баронессы, которую изображала воспитательница детей короля, M-me de Tourzel, были названы горничная (королева), лакей (король), трое слуг (Дамà, Шуазёль, Мустье) и, кроме того, двое детей (дофин и его сестра); M-me Elisabeth, сестра короля, сопровождавшая семью, вообще не была предусмотрена в паспорте.

[3] К донесению приложен «Le Postillon par Calais» № 483.

[4] D'André Антуан-Бальтазар-Жозеф, барон (1759—1827)—представитель умеренных роялистов в Национальном собрании, член Дипломатического комитета, высказывался против отрешения короля после его бегства в Варенн.

[5] Malouet Пьер-Виктор (1740—1814)—видный представитель группы Национального собрания, называвшей себя «монархистами», выражавшей интересы финансовой буржуазии и крупного чиновничества и отстаивавшей, под влиянием идей Монтескьё, абсолютное veto короля, двухпалатную систему и т. д.

[6] Choiseul-Stainville Клод-Антуан-Габриэль, герцог де (1760—1838)—участник бегства короля. Впоследствии эмигрировал.

[7] Damas d'Antigny Жозеф-Франсуа-Луи-Шарль-Сезар, герцог де (1758—1829). Командовал драгунами, расставленными, по распоряжению Буйе, на пути следования короля во время его бегства. Впоследствии эмигрировал.

[8] Tronchet Франсуа-Дени (1726—1806) — юрист. Впоследствии защитник Людовика XVI во время его процесса в 1793 г.

[9] Du Port Адриен-Жан-Франсуа (1759—1798) — один из лидеров либерального дворянства и крупной буржуазии. Член «триумвирата» (Дюпор—Шарль Ламет—Барнав). После бегства короля встал на защиту королевских прерогатив.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 27 ИЮНЯ 1791 г.

К № 60

Париж, 16/27 июня 1791 г.

Воззвание короля, обращенное ко всем французам при его выезде из Парижа, не подлежало обнародованию до его прибытия в надежное место, так как иначе оно нанесло бы ущерб его делу. Ваше сиятельство одобрите, что я его прилагаю, так же как и обращение Национального собрания к французам, декретированное на заседании 22 июня 1791 г., которым оно пытается ослабить впечатление, произведенное вышеупомянутым воззванием[1].

Г-н де Монморен видел вчера короля, который очень спокоен. Король, королева и королевская семья видаются друг с другом попрежнему. Г-жа де Турзель, воспитательница детей Франции[2], сопровождавшая их во время путешествия, заключена в тюрьму Аббатства по постановлению Национального собрания. Последнее старается казаться строгим, но, быть может, не будет таковым в действительности.

Отъезд короля был событием, которое дало повод приостановить декретом на неопределенное время первичные собрания и выборы депутатов для нового Законодательного собрания.

В Брест будет отправлено распоряжение об обивке медью некоторых кораблей, два из которых трехпалубные; имеется продовольствие для 45 кораблей на 18 месяцев, и 25 тысяч матросов готовы отправиться в порты, где они станут под команду.

Говорят, что в проливе замечена крейсирующая английская эскадра. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 228. Шифровано. Дата получения неизвестна.

[1] К донесению приложены: 1) «Mémoire du Roi, adressé à tous les français, à sa sortie de Paris» (извлечение из «Journal des Débats» № 763, 27 стр.), и 2) «L'Assemblée nationale. Proclamation décrétée dans la séance du juin 1791» (De l'Imprimerie Nationale, 1791), 8 стр.

[2] «Enfants de France»—т. е. детей короля.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 1 ИЮЛЯ 1791 г.

К № 61

Париж, $\frac{\text{20 июня}}{\text{1 июля}}$ 1791 г.

В Брест послан приказ вооружить 118-ти пушечный корабль, называющийся «Бургундские штаты», и разработать план операций его, равно как и некоторых других, ранее назначенных кораблей, один из которых 80-ти пушечный. Мне подтвердили, что имеется 25 тысяч матросов, подготовленных к службе, и продовольствия на 18 месяцев для сорока пяти кораблей.

Я продолжаю поддерживать намерение моих друзей добиться решения привести флот в боевую готовность. Они этому очень сочувствуют и не

пропускают ни одного случая, чтобы дать понять совершенно неотложную необходимость этой меры, но при теперешнем замешательстве во всех делах, когда исполнительная власть монарха полностью приостановлена, ни на что нельзя положиться, и успех их хлопот продолжает быть сомнительным.

В Париже попрежнему довольно спокойно, несмотря на все усилия нарушить это спокойствие, которое царило в нем с момента отъезда короля.

Клуб кордельеров велел расклеить свое постановление, в котором он предлагает установление республики. Департамент Парижа уничтожил это обращение к народу, как неконституционное и незаконное.

„ПОЧЕСТИ, ОКАЗАННЫЕ ПРАХУ ВОЛЬТЕРА 11 ИЮЛЯ 1791 г."
Современная гравюра неизвестного мастера
Эрмитаж, Ленинград

Другой клуб, в свою очередь, расклеил петицию с требованием к Собранию, чтобы оно призвало к решетке для объяснений короля и королеву.

Мнения Национального собрания по вопросу о положении короля, видимо, разделились. Большинство склоняется, как будто, к тому, чтобы продлить срок приостановления действий исполнительной власти, пока не будет выработана конституция, чтобы предъявить ее затем его величеству и запросить его, желает ли он принять ее и быть королем французов на установленных в ней условиях; если он на это согласится, он будет продолжать царствовать; если же откажется, ему позволят удалиться, куда он захочет, назначив ему пенсию в несколько миллионов. Дофин будет объявлен королем, и, кроме того, будут назначены регент и совет при нем. Вот план, который обсуждается в умеренных кругах.

Уверяют, что Monsieur, брат короля, только-что написал Национальному собранию, что он скоро присоединится к королю в Париже.

Говорят также, что принц де Конде[1] распустил свой придворный штат с первого июля. Ожидают ответа, который он даст г. Дюверье, уполномоченному сообщить ему декрет Национального собрания[2]; он пригласил его приехать к нему в Кобленц, чтобы дать ответ возможно скорее.

В Собрании получено известие из Дюнкирхена от 25 июня, что все офицеры, кроме двух, полка «Colonel-Général», который прежде находился под командованием принца де Конде, перешли границу близ Фюрна[3]. Они взяли с собой знамена полка, оставив только их древки. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 257. Первые два абзаца шифрованы. Получено 11 июля.

[1] Condé Людовик-Жозеф де Бурбон, принц де (1736—1818) эмигрировал на другой день после взятия Бастилии. В Кобленце организовал на свои средства отряд эмигрантов.

[2] Декрет требовал возвращения эмигрантов под угрозой конфискации их имущества.

[3] Furnes—город в Западной Фландрии, ныне бельгийский город Верн.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 4 ИЮЛЯ 1791 г.

К № 62

Париж, $\frac{\text{23 июня}}{\text{4 июля}}$ 1791 г.

Уже три дня очень горячо обсуждается вопрос о республике. Некий г. Пэн[1], бывший секретарь Американского конгресса, по предположению многих секретный эмиссар г. Питта, стоит во главе этого нового общества[2], и подозревают даже, что г. де Лафайет является тайным сторонником этой доктрины, которую сейчас выдвигают. С другой стороны, принимают меры к тому, чтобы эти мечтания не пустили корней.

Управление государством теперь в полном застое. Король арестован и временно отрешен от власти. Он не работает со своими министрами, и они не имеют возможности видеться с ним каждый в отдельности, а лишь все вместе, в полном составе.

Иностранные послы и полномочные министры также не допускаются к нему на прием, хотя испанский посол дал понять графу де Монморену, что они ожидают разрешения исполнить этот долг по отношению к их величествам.

Невозможно, чтобы такое положение вещей долго продолжалось. Кажется, остается в силе план, изложенный в последней моей депеше, предъявить королю всю конституцию в целом, предоставив ему свободу принять ее или отвергнуть. Что бы там ни было, нельзя не согласиться, что Национальное собрание обращается с этим несчастным монархом с суровостью и жестокостью, которым нет примера в истории. Оно даже попирает ногами собственные декреты, принятые несколькими днями раньше на тот случай, если бы король, действительно, выехал из королевства. Эти факты кладут вечное пятно на французскую нацию.

Я беру на себя смелость приложить список брошюр в шести пакетах, врученных мною некоему Оберу, главному повару, которого я направил к гр. Чернышеву и который уже отправился морем из Гавра в С.-Петербург. Я прилагаю его расписку в получении этих пакетов[3]. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 270. Шифровано (за исключением последнего абзаца). Получено 16 июля.

[1] Paine Томас (1737—1809)—известный английский публицист, один из главных деятелей борьбы за независимость Америки. В своих памфлетах горячо защищал революционную Францию и не только не был секретным эмиссаром Питта, но пытался воздействовать на последнего в интересах Франции.

[2] Повидимому, Симолин говорит здесь об «Обществе друзей прав человека и гражданина», или Кордельерском клубе. Возникновение этого общества должно быть отнесено к апрелю 1790 г., но крупную роль оно начинает, действительно, играть летом 1791 г., когда ведет энергичную пропаганду республики. Был ли Пэн его главой, данных в литературе не имеется, но известна его тесная связь с Кондорсе, игравшим виднейшую роль в этом клубе в данный период.

Из числа организаций республиканско-демократического направления в событиях 17 июля, имевших значение республиканской демонстрации, особо отмечены следственными органами «Le club des Indigents («Клуб бедняков») и «Société fraternelle» («Братское общество»). Роль Пэна заключалась в идейном руководстве всем республиканским движением этого периода. Свои взгляды Пэн сформулировал в памфлете «Права человека» («Rights of Man»), выпущенном им в начале 1791 г. (I часть) в противовес памфлетам Бёрка (Burke). Возможно, однако, что речь идет о каком-либо другом республикански настроенном обществе или клубе, число которых чрезвычайно увеличилось за этот период, несмотря на преследования, которым они подвергались. Наиболее смелая пропаганда в середине 1791 г. велась так называемым «Cercle social»— «единственным клубом после Кордельерского, действовавшим так открыто в столице».

[3] К донесению приложены: 1) список высылаемых брошюр — Désignation des brochures envoyées avec s-r Aubrey (Aubert) и 2) расписка Aubert в их получении.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 8 ИЮЛЯ 1791 г.

К № 63

Париж, $\frac{\text{27 июня}}{\text{8 июля}}$ 1791 г.

Утверждают, что здесь имеются неопровержимые доказательства осведомленности шведского короля о плане бегства короля и что теперь, когда этот план потерпел такую досадную неудачу, этот государь хочет извлечь пользу из создавшегося положения. Я узнал из очень верного источника о сделанном шведским послом намеке одному из членов Дипломатического комитета, что король, его повелитель, будто бы готов содействовать всеми имеющимися у него средствами делу патриотов. Неизвестно только, каковы эти средства, которыми он мог бы быть полезен этому делу, но предполагают цель короля заставить Национальное собрание заплатить ему некоторую сумму денег, что оно едва ли расположено сделать. Граф де Монморен видел короля и королеву наедине. Их величества говорили с ним о своем путешествии, в тайну которого они его не посвятили. На это министр ответил: «Ваше величество, не желая подвергать испытанию мою совесть, вы подвергли опасности мою жизнь». Король выразил ему свое огорчение по поводу усиленно распространяемых в обществе слухов, будто бы он побил зеркала и мебель в своих апартаментах, тогда как Монморен знает, что он не сумасшедший и не пьяница.

Король говорил то же самое графу де Нивернэ[1] и другим. Граф де Монморен полагает, что через неделю дела будут налажены, королю вернут его права и он приступит к исполнению своих функций. Курьер, отправленный этим министром несколько месяцев тому назад в Константинополь к г-ну Шуазёль-Гуффье, вернулся оттуда. Депеши последнего датированы 13 июня. Он сообщает, что представители Англии и Пруссии потеряли у Порты всякий кредит, что их вызвали на совещание и объяснялись с ними самым нелюбезным образом, что, возвращаясь к себе, они бросали деньги в народ, который приписывает им все испытываемые несчастия и который хотел уже поджечь здания посольств.

Г-н Шуазёль-Гуффье не мог узнать, о чем шла речь на этом совещании.

Этот посол полагает, что война между Австрией и Портой возобновится, ввиду отказа последней произвести какой-либо обмен для урегулирования вопроса о границах Кроатии, хотя обмен ей и выгоден, и что военные действия еще продлятся.

Кажется, г. Шуазёль-Гуффье восстановил свой кредит и оттоманские министры проявляют к нему доверие. Он отказался от предложения быть министром иностранных дел. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 300. Шифровано. Получено 19 июля.

[1] Nivernais Луи-Жюль, маркиз (1716—1798)—литератор, дипломат, бывший послом в Риме, Берлине и Лондоне, член Королевского совета.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 15 ИЮЛЯ 1791 г.

К № 67

Париж, 4/15 июля 1791 г.

В понедельник состоялось перенесение праха Вольтера. Процессия отправилась в 4 часа с площади Бастилии, и был установлен следующий порядок шествия.

Впереди отряд национальной кавалерии, депутации от Якобинского клуба, школ, секций, герольдов [площади] de la Halle, братских обществ и т. д., и т. д.

Далее несли один из камней Бастилии, с высеченным на нем профилем Мирабо. Затем—на носилках золоченую статую Вольтера, окруженную триумфальными знаменами наподобие того, как у римлян. За статуей—собрание сочинений Вольтера в ларце, имеющем форму ковчега.

Наконец, двигалась колесница с прахом Вольтера, запряженная двенадцатью конями белой масти по четыре в ряд; на колеснице был установлен саркофаг с навевающими скорбь изображениями старости и смерти.

Национальное собрание, департамент Парижа, муниципалитет, Академия, писатели сопровождали колесницу, окруженную почетным эскортом лиц, одетых, в подражание грекам, музами и жрецами Аполлона.

Носилки со статуей Вольтера, изображенного сидящим в кресле, остановили в первый раз у дверей Королевской музыкальной академии. Г-н Шерон[1] увенчал статую лаврами, г-жа Понтёйль[2] сделала то же, поцеловав ее.

Г-н Байи шел за колесницей под гром аплодисментов, расточаемых Вольтеру; каждое проявление общественного энтузиазма он принимал с выражением растроганности, признательности и учтивости, так что можно было подумать, что он заблуждается и принимает их на свой счет.

В четверть 8-го колесница остановилась против дома г. де Виллета[3]. Облако цветов покрыло ее; пели гимны, бросали гирлянды и венки.

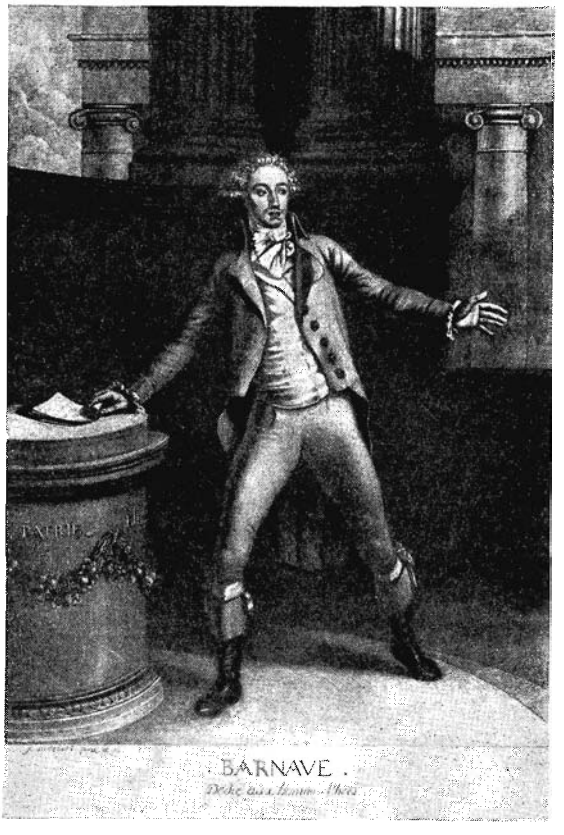
Другая остановка—у театра Французской комедии; опять те же почести, та же пышность.

Наконец, довольно поздно процессия прибыла к церкви св. Женевьевы. На этом последнем переходе ее промочил дождь, что набожные люди истолковали по-своему.

Чувства, вызванные проведением этого празднества, различны. Те, кто всегда порицают все, что не они придумали, утверждают, будто этой церемонии, жалкой в своих деталях, нехватало цельности, торжественности и достоинства; что смешение современного с античным, поскольку это имело

БАРНАВ В БЫТНОСТЬ ДЕПУТАТОМ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
Гравюра Ж. Одбера с портрета маслом его же работы

Эрмитаж, Ленинград



место, придавало шествию смешной вид и что Вольтер был бы более почтён, если бы его останки были просто положены, как останки Декарта, в последний приют, предоставленный ему его родиной.

Г-н испанский посол прислал мне несколько печатных экземпляров депеши его двора от 1 июля и своего письма графу де Монморену; разрешите послать вашему сиятельству один экземпляр, как приложение к сему[4]. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 335. Получено 26 июля.

[1] Chéron Огюстэн (1760—1829)—известный в то время певец.

[2] Ponteuil (1760—1825)—известная певица.

[3] Villette Шарль, маркиз де (1736—1793)—литератор, поэт. Пользовался покровительством Вольтера, друга его матери.

[4] К донесению приложены: 1) «La dépêche de M. Florida-Blanca du 1 juillet 1791». 2) «Lettre de M. le comte de Férnan-Nuñez, ambassadeur d'Espagne à Mr. de Montmorin le 8 juillet 1791».

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 16 ИЮЛЯ 1791 г.

№ 68

Париж, 5/16 июля 1791 г.

Милостивый государь,

В моем нижайшем донесении за № 33 от 30 марта (10 апреля), в ответ на депешу вашего сиятельства от 1 марта, я имел честь представить вам предварительный отчет обо всех сведениях, которые я смог получить, о прядильных машинах для шерсти и хлопка[1]. Прибавлю к этому только

то, что упомянутые машины прядут короткую шерсть для основы и утка, какая нужна для выработки сукон.

Так как ваше сиятельство высказали в вышеупомянутой депеше мнение, что цена, назначенная английскими механиками за установку машин, слишком высока, я попытался добиться значительного ее уменьшения. Один из компаньонов, по фамилии Пикфорд, согласился на снижение цены, но другой, Флинт, уехавший в Англию и с которым первый вступил в переписку, чтобы побудить его дать свое согласие, упорно отказывается уступить и хотя бы немного изменить поставленные ими условия. Таким образом, Пикфорд, который не может действовать без взаимного согласия, вынужден присоединиться к мнению своего компаньона.

При таком положении дел я ограничился тем, что попросил сообщить мне цену полного ассортимента механизмов для чесания и прядения шерсти. Имеется пять машин стоимостью в 8 000 ливров, но если машина явится моделью, по которой могли бы конструировать другие, бóльших размеров, то, в таком случае, хотят за ассортимент 6000 ливров. Осмеливаюсь приложить к сему доставленный мне проспект[2]. Что же касается чертежа, то Пикфорд сказал, что для конструирования машины его было бы недостаточно.

Я думаю, что в Англии можно было бы найти такого же рода механиков, но более сговорчивых, чем те, какие явились ко мне в Париже.

Представитель Общества эмигрантов был болен и потому лишь три дня тому назад доставил мне продолжение проекта эмиграции, который я осмеливаюсь препроводить вашему сиятельству, прилагая его к сему[3]. Прежде, чем решиться, сообразно данному им совету, послать нескольких из членов Общества для переговоров и выработки с правительством или его уполномоченными оснований для дальнейшего соглашения, глава этого предприятия желал бы предварительно узнать:

Будут ли земельные участки предоставлены правительством бесплатно, ввиду того, что общество, которое он предполагает довести до 500 семейств, не было бы в состоянии их купить.

Соблаговолит ли императрица принять предложение военной службы, на которую хотят себя завербовать эмигранты? И согласится ли на их присоединение к Мальтийскому ордену?

Имеется ли банк или другое учреждение, куда эмигранты могли бы вложить половину капитала, который повезет с собой каждая семья и размер которого определяется в 20 тысяч ливров, как это изложено более подробно в проекте.

Я должен прибавить, что арпан земли равен 900 французским туазам[4]. В разговоре, который я имел с агентом Общества, бароном де Гоннес, депутатом Национального собрания, он сказал, что мог бы вывезти много искусных мастеров, ремесленников и других рабочих, но что необходимо было бы знать, каковы условия жизни, которые могли бы им быть обеспечены.

Я ожидаю своевременных разъяснений вашего сиятельства, которые не премину сообщить главе Общества.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 354. Получено 2 августа.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ ЛЮДОВИКОМ XVI В НАЦИОНАЛЬНОМ СОБРАНИИ 14 СЕНТЯБРЯ 1791 г.

Гравюра Ф.-А. Давида с рисунка Лежена

Эрмитаж, Ленинград

[1] См. выше, стр. 451—453.

[2] К донесению приложено: «Un assortiment complet de mécaniques pour le cardage et la filature de laine». Подпись Pickford, дата: Paris, avril 30, 1791.

[3] К донесению приложено «Suite du projet d'émigration» (ср. донесение от 26 января 1791 г.).

[4] La toise—мера длины, около одной сажени (в данном случае имеются в виду квадратные туазы); l'arpent равняется 42,21 га.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 18 ИЮЛЯ 1791 г.

К № 69

Париж, 7/18 июля 1791 г.

В пятницу 15-го, когда кончилось заседание и депутаты хотели покинуть зал, они были окружены огромной толпой, теснившейся у дверей. Наиболее достойных членов встретили оскорблениями и угрозами. Многие вынуждены были вернуться в зал, другие прошли боковыми выходами. Фонарь! Отрубленные головы! Пики!—казалось, все ужасы, на которые способна разгоряченная чернь, готовы были возобновиться.

В это самое время Марсово поле заполнилось гражданами, возбужденными против самого духа Национального собрания и выставлявшими лишь два требования: обновление состава законодательного собрания и обновление исполнительной власти[1]. Эта скромная петиция сопровождалась очень явно выраженным желанием возвести Робеспьера на трон Генриха IV. Г-н Робеспьер—король французов!

Якобинцы собрались у себя в клубе. Когда Робеспьер был на трибуне, пришла депутация Пале-Роаяля с просьбой допустить ее. Собрание приняло ее с восторгом; оратор изложил требование секции Пале-Роаяля, чтобы король, отказывающийся санкционировать декрет, отрешающий его от власти, был предан суду, причем секция назначила даже преемника Людовику XVI.

Г-н де Лакло[2], всецело преданный герцогу Орлеанскому и являющийся его агентом, появляется на трибуне: он отвечает этим господам, что их петиция совершенно справедлива, но, чтобы придать ей больше яркости, он берется сам ее проредактировать и что она будет подписана на алтаре Федерации всеми теми, кто ее одобряет.

В день, когда был вынесен декрет, смутьяны Пале-Роаяля выдумали, что этот декрет Собрания является общественным бедствием; поэтому они самочинно отправились прекращать начавшиеся спектакли. Они имели успех там, где сила была на их стороне, но потерпели неудачу в Оперном театре и в Национальном театре, где охрана оказала им решительное сопротивление.

Все эти волнения не поколеблют, надо надеяться, решения, которое приветствуют все добрые граждане. Только те, чьи намерения изменить конституцию всем известны, восстали против декрета[3].

Г-н Кондорсе[4], член Французской академии, произнес речь о республике, г. де Сегюр-старший ответил на нее и встретил живое одобрение. Он прислал мне экземпляр своей речи, и я осмеливаюсь приложить его к сему[5]. Нет никакого сомнения в том, что иностранные эмиссары раздают деньги и подкупили нескольких так называемых патриотов, чтобы поддерживать и увеличить, если это еще возможно, анархию в этом королевстве.

Это большое событие настолько поглотило внимание Национального собрания, что и в комитетах не ставилось никаких других вопросов на

обсуждение. Конституционный и Ревизионный комитеты работают без перерыва над созданием Великой конституционной хартии, которая должна быть предъявлена королю, прежде чем ему будут возвращены его полномочия.

Французский негоциант по фамилии Буше, обосновавшийся в Петербурге, выехал туда обратно из Парижа, и я вручил ему свою депешу за № 68 от 5/16 июля и два пакета с печатными произведениями, которые он обещал в полной сохранности доставить вашему сиятельству.

Он рассчитывает совершить свое путешествие со скоростью курьера. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 356 б. Получено 30 июля.

[1] В этот момент резко обнаружилось противоречие в интересах и настроении между парижскими массами и Национальным собранием, которое по призыву Барнава решило спасти монархию во имя спасения собственности и «остановить» революцию. Поэтому 15 июля оно вынесло решение только продлить временное отрешение Людовика XVI от исполнительной власти до принятия им вновь пересмотренной, в реакционном духе, конституции (декрет 15/16 VII 1791 г.). Пересмотр конституции вызывал отсрочку созыва нового собрания, что возбуждало подозрения масс, опасавшихся узурпации со стороны слишком уже правого для них Национального собрания.

[2] Лакло (Laclos) Шодерло де (1741—1803) — писатель и военный деятель. Автор романа «Опасные связи» («Les liaisons dangereuses»). Секретарь герцога Орлеанского. Один из самых деятельных его приверженцев.

[3] Симолин имеет в виду республиканскую агитацию, которую возглавлял в это время Клуб кордельеров.

[4] Condorcet Мари-Жан, маркиз де (1743—1794)—известный философ, автор «Эскиза о прогрессе человеческого разума», математик, видный член Клуба кордельеров, выступал в этот момент также за демократическую республику. Впоследствии член Конвента и автор конституции 1793 г.

[5] К донесению приложена брошюра: «Réponse au discours de M. de Condorcet sur la République par M. de Ségur ainé». На титульном листе помета: «Mr de Simolin, ministre plénipotentiaire de S. M. I. l'Impératrice de Russie. Rue Basse du Rempart».

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 18 ИЮЛЯ 1791 г.

К № 69

Париж, 8/19 июля 1791 г.

Народные выступления продолжались вчера на Марсовом поле, и когда какой-то инвалид с деревянной ногой и молодой парикмахер были повешены толпой в Gros Caillou, около поля Федерации, муниципалитет отправился туда, развернул красное знамя и объявил военное положение. Национальная гвардия дала залп из сотни ружей, чернь рассеялась и разбежалась; не известно точное число убитых и раненых; это, быть может, единственный способ восстановить мир и спокойствие в столице[1].

Вчера к вечеру решили оставить на ночь охрану у Тюильрийского дворца, били тревогу, и вся парижская армия была на ногах.

Сегодня утром все, как будто, спокойно в моем квартале, и я не слыхал, чтобы ночью была какая-нибудь тревога. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 50, л. 371. Получено 30 июля.

[1] Эти события 17 июля разыгрались в связи с агитацией, развернутой Клубом кордельеров за подписание другой, республиканской петиции, в противовес орлеанистской петиции, составленной в Якобинском клубе 15 июля.

ПИСЬМО СИМОЛИНА ЕКАТЕРИНЕ II ОТ 3 АВГУСТА 1791 г.

[*Без №*]

Париж, $\frac{\text{23 июля}}{\text{3 августа}}$ 1791 г.

Ваше величество,

Министр иностранных дел и Дипломатический комитет заняты теперь только наблюдениями за передвижением армий, которое могло бы угрожать границам.

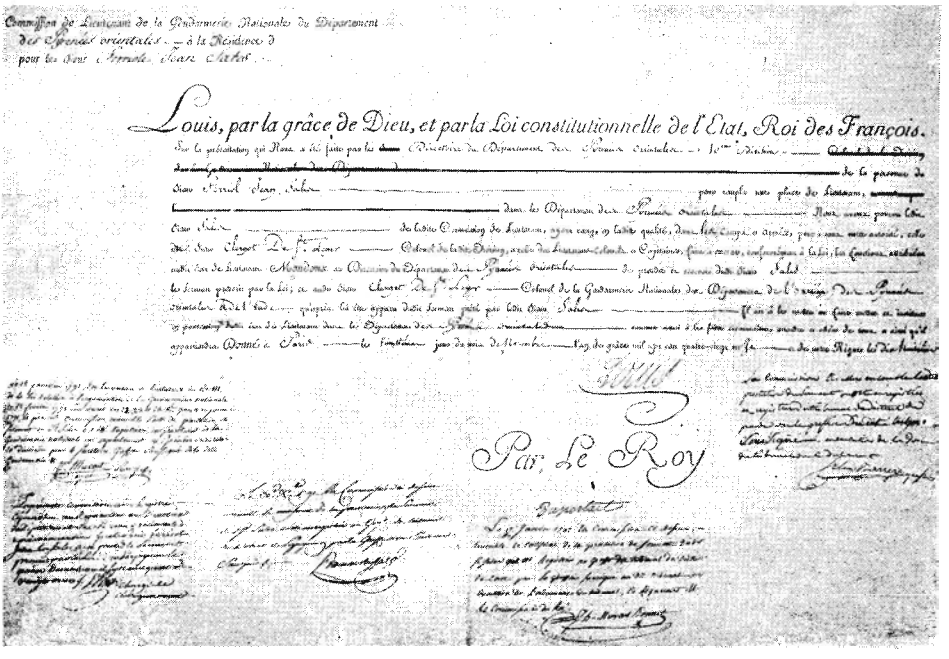
Интриги имперских духовных князей и видных французских эмигрантов становятся чрезвычайно активными, особенно старается шведский король, чтобы играть среди них важную роль. Путешествие г. де Калонна в Лондон имело целью просить его британское величество[1] не препятствовать ландграфу Гессенскому[2] предоставить от 12 до 14 тысяч людей для армии, которой Густав предполагает командовать. Духовные князья, епископ Шпейерский и несколько других мелких князей, вместе с эмигрантами берутся укомплектовать остальную часть армии, так что они рассчитывают вступить в королевство с корпусом примерно в двадцать пять тысяч человек. Но, так как их проект совершенно лишен главного жизненного нерва, король обратился к мадридскому двору, чтобы достать хотя немного этой единственной двигательной силы, именуемой деньгами, однако, в канцелярии иностранных дел уверены, что испанский король[3], хотя и недовольный холодным приемом, оказанным Национальным собранием его декларации и его советам во время бегства и ареста короля, его двоюродного брата, все же откажется принять участие в осуществлении этих иллюзорных идей. Кажется, до сих пор только один английский король оказал некоторую денежную помощь, и с этими первыми полученными деньгами и с напрасными надеждами на помощь Испании его шведское величество, не жалея ни трудов, ни сил, отправился в Стокгольм, где, как условлено, должен получиться ответ Мадрида. Оттуда он немедленно переправит 12 тысяч человек на канонерских лодках в Остенде достаточно быстро, чтобы намеченное сосредоточение войск смогло дать ему возможность вернуться, развернуть свою деятельность и двинуть свои силы еще в течение ближайшего месяца. Но если решение Испании будет отрицательным, на что здесь надеются, то этот грандиозный проект превратится в басню об опрокинутом горшке с молоком[4], и Густав останется сидеть на месте со своими лодками, солдатами и горькими воспоминаниями о прекрасных погибших планах. Г-н де Монморен допускает также возможность, что король натолкнется в собственной стране на внутренние препятствия, которых он не предвидел.

Тем временем здесь неуклонно приближаются к завершению конституционной хартии, которая через несколько дней будет отпечатана; она содержит около 172 статей. В конституции смягчено несколько декретов как по существу, так и в отношении отдельных употребленных в них выражений и определений, например, уничтожен мало лестный титул первого должностного лица в государстве, предназначавшийся королю. Он заменен титулом первого и верховного представителя нации; включен также пункт о том, что монарх является неотъемлемой частью конституции. Совершенно выпущен раздел гражданского устройства духовенства, который отнесен к распорядительным статьям, могущим быть пересмотренными и измененными последующими законодательными собраниями. Сохранено только несколько краеугольных камней, которые могут послу-

жить в дальнейшем для перестройки здания по системе двух палат, по видимости равных, но в действительности неизбежно, что одна из них получит некоторое преобладание; это приблизило бы ее к роли верховной палаты, однако, ровно ничего не дало бы бывшему дворянству, против существования которого так резко в настоящий момент высказывается народ.

Кавалер де Куаньи[5] уехал сегодня в ночь с личным письмом короля к графу д'Артуа и с запиской, довольно умно составленной, рисующей истинное положение вещей.

Мой друг получил оба документа для прочтения из рук того, кто посоветовал их написать и продиктовал их[6]. Письмо нежно и довольно убе-


Louis, par la grâce de Dieu, et par la Loi constitutionnelle de l'Etat, Roi des François.

Par le Roy

КОРОЛЕВСКИЙ ПРИКАЗ ОТ 20 НОЯБРЯ 1791 г., ПОДПИСАННЫЙ ЛЮДОВИКОМ XVI— КОНСТИТУЦИОННЫМ МОНАРХОМ

Исторический музей, Москва

дительно. Прося оказать доверие подателю письма, король говорит своему брату, что пора прекратить раздоры, которые могут только навлечь непоправимое несчастие на всех, увлекшихся их идеями, что принцип, согласно которому государи могут править только на условиях и в пределах, которые предписывает им воля наций, остается незыблемым. Что такое положение в особенности присуще конституционным странам и что, поскольку Франции суждено и бесповоротно предрешено иметь конституцию, стало невозможным как физически, так и морально противиться этому всеобщему решению с каким бы то ни было успехом; что во время своего путешествия он вполне пришел к этому сознанию и искренне в этом убедился, что он накануне представления ему хартии и ее принятия, ибо в ней заключаются единственные условия для сохранения им короны для себя и для своего сына и для всех, которые будут иметь права на нее после

них, что вопрос о том, вполне ли свободно будет им совершен этот акт, не подлежит ни обсуждению, ни рассмотрению, потому что, по его мнению, истинная свобода будет состоять в отказе или в принятии хартии, в чем он совершенно волен. Он призывает и даже просит брата, как только это будет сделано и завершено, вернуться и дать всем его окружающим пример, которому они последуют. Он пишет, что этот поступок принесет, в частности, и самому графу д'Артуа больше славы и будет для него полезнее, чем преследование целей, которые могут только повергнуть его в несчастие на долгие годы. В заключение король говорит, что, когда они расставались, он, конечно, не рассчитывал, что прощается с ним навек, и что из всех знаков дружбы, которые брат мог бы когда-либо ему выказать, настоящий будет самым дорогим для его сердца.

Таково письмо почти слово в слово.

Записка развивает и обсуждает, какие личные интересы и намерения должны руководить графом д'Артуа; говорит о том, что он не должен целиком доверяться не только обещаниям, но даже и реальной кратковременной помощи, которую иностранные державы могли бы ему оказать. В записке высказывается предположение и почти уверенность, что этот интерес скоро ослабеет и постепенно совсем исчезнет, как только королевство будет успокоено установлением конституции и решением монарха присоединиться к ней; не забыли в записке и о личных интересах графа д'Артуа, подчеркнув и противопоставив их тем затруднениям, которые ему причинит его упорство, а также отметили ценное преимущество своевременности в решении каждого дела.

Если у кавалера де Куаньи хватит таланта заставить оценить надлежащим образом все эти доводы, то должно надеяться, что его переговоры увенчаются успехом, что было бы вдвойне выгодно для графа д'Артуа, поскольку его возвращение возбудило бы восторг и усилило бы чувство удовлетворения, которое вызовет здесь завершение конституционной хартии.

Здесь так устали от волнений и от неуверенности, в которой живут изо дня в день, что все умы одинаково склонны к единению, которое представляется залогом возвращения спокойствия. Однако, здесь не надеются на успех и особенно опасаются, что у г. де Калонна, рассчитывавшего по возвращении играть главную роль в управлении государством и овладевшего полным доверием графа д'Артуа, не окажется достаточно великодушия и здравого смысла, чтобы дать тому лучший для него совет, а самому добровольно отстраниться и обречь себя на бездеятельность и уединение, которые стали бы уделом его жизни. Впрочем, известная близость, постоянно существовавшая между ним и кавалером де Куаньи, могла бы дать этому последнему некоторую возможность убедить его решиться на эту великую жертву.

Monsieur, брат короля, будет, конечно, в силу своего характера, более склонен к примирению, и он даже более заинтересован в нем, ввиду того, что в качестве первого кандидата на трон он формально обязан пребывать здесь [в Париже] во время малолетства наследника престола. В силу этого он неизбежно будет вынужден подчиниться декрету, чтобы не быть лишенным своих прав, отказавшись считаться с ним. Такого особенного условия не существует для графа д'Артуа.

Впрочем, среди вожаков недовольных, сосредоточенных на границах Франции, отнюдь не наблюдается полного единения. Их можно разделить на две или три очень различные партии, которые не имеют ни общих интересов, ни общих намерений.

Принц де Конде и кардинал де Роган[7] составляют одну из партий, граф д'Артуа другую; имелась и третья, именно та, под защиту которой рассчитывали отдаться король и королева. Партия эта состояла из барона де Бретёйля, г. де Буйе и их сторонников. Министерские места были уже распределены в этой третьей партии. Бомбель[8] должен был получить министерство иностранных дел, Барантен—снова стать хранителем печати, Буйе—военным министром. Этот последний поступил на службу к шведскому королю. Королева никогда не согласилась бы увидеться ни с кардиналом де Роганом, ни с г. де Калонном, так что коалиция всех этих главарей, если бы удался отъезд их величеств, была бы очень трудной и повлекла бы за собой еще худшие интриги по сравнению с теми, что волновали Версаль в самые памятные в этом отношении дни.

Впрочем, что касается существа политики, то убеждения в необходимости тесного союза с Российской империей продолжают укрепляться в сознании членов Дипломатического комитета и членов министерства, а настроение Собрания окончательно склонилось к этой идее.

Имею честь быть, государыня, с глубочайшим уважением вашего императорского величества верноподданный

Иван Симолин

Rapports en cour, к. 50, л. 6. Дата получения неизвестна.

[1] Георга III (1738—1820)—короля Англии с 1760 г.

[2] Ландграф Гессен-Кассельский Георг-Вильгельм (1743—1821). Впоследствии вошел в коалицию, выступившую в 1792 г. против революционной Франции.

[3] Карл IV (1748—1819)—король Испании с 1788 по 1808 гг.

[4] Басня Лафонтена, аналогичная русской сказке о мужике и зайце.

[5] Coigny Мари-Франсуа-Анри де Франкето, впоследствии герцог де (1737—1821)—маршал Франции, депутат в Генеральные штаты, один из наиболее преданных Марии-Антуанетте придворных, фактически являлся эмиссаром короля, а не руководящей группы Собрания. Прибыл в Кобленц 13 августа, когда граф д'Артуа выезжал в Пильниц для участия в совещаниях прусского короля с императором. Это был период, когда эмиграция начала получать признание со стороны ряда иностранных государств: Россия и Швеция послали в Кобленц своих представителей. Граф Куаньи остался в Кобленце и занялся организацией представительства «дворян и собственников королевства Франции». Сражался в армии принца Конде.

[6] «Мой друг»—Талейран (см. прим. 3-е к донесению № 49 от 27 мая 1791 г. и прим. 2-е к донесению № 27 от 1 апреля 1791 г.). Получил документы он, очевидно, из рук Барнава или другого члена «триумвирата», так как известно, что Барнав со своей группой был инициатором и автором тех писем, которые были посланы королем Леопольду II и Мерси о примирении с народом, готовности принять конституцию и т. д. Барнав воздействовал в этом смысле на короля и официально через Монморена и неофициально через королеву, в своих письмах к ней. Однако, Мария-Антуанетта послала одновременно два секретных письма Мерси и одно Ферзену с предупреждением о том, чтобы они не доверяли официальным письмам: «совершенно необходимо, чтобы, по крайней мере, еще некоторое время они верили, что я следую всем их советам» (Lettres de Marie-Antoinette, II, 266, см. также ниже письмо Марии-Антуанетты к Екатерине II).

[7] Rohan Людовик-Рене-Эдуард, принц де (1734—1803)—кардинал, скомпрометировавший себя в деле с ожерельем королевы. Во главе собранного им отряда присоединился к армии принца Конде.

[8] Bombelles Мари-Марк, маркиз де (1744—1821)—дипломат. Был послом в Португалии, Венеции, эмигрировал, служил в армии принца Конде. Неоднократно приезжал в Россию, через него Екатерина II поддерживала сношения с принцами, братьями Людовика XVI; впоследствии Бомбель был послан ими к императрице с поручением убедить ее созвать конгресс для обсуждения способов восстановления монархии во Франции.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 29 АВГУСТА 1791 г.

К № 83

Париж, 18/29 августа 1791 г.

Дня через три или четыре конституционный акт будет закончен и приготовлен для представления королю. В Тюильри и среди советников, окружающих монарха,—скрытое волнение. Он получает со всех сторон, как извне, так и из глубины страны, докладные записки, проекты и всякого рода бумаги, которые, как будто, целиком поглотили его; чтение их, повидимому, приводит его в состояние все большей и большей нерешительности[1]. Если верить некоторым очень частным и секретным сообщениям, то король и королева, как будто, все еще питают намерение бежать и поспешат его осуществить, как только им будет предоставлена некоторая свобода для принятия конституционного акта. Подозревают, что барон де Бретёйль, который, как известно, был душой проекта г. де Буйе, приведенного в исполнение г. Ферзеном[2], поддерживает с этой же целью письменные сношения с монархом. Можно быть уверенным, что не было бы ничего тягостнее и гибельнее для страны, чем осуществление подобного плана, потому что его неизбежным следствием была бы гражданская война, сигнал к которой был бы дан массовыми убийствами. Однако, у г. де Монморена не возникает, повидимому, по этому поводу никаких опасений; впрочем, король и королева привыкли его обманывать и подвергли его уже однажды испытанию, которое едва не оказалось для него весьма прискорбным. Достоверно известно, что тайно собирают в большом количестве луидоры, притом при помощи тех же лиц, которые производили эту операцию в первые дни июня, перед отъездом короля.

Министры, между тем, повидимому, заняты совершенно другими мыслями. Они озабочены вопросом, даст ли король свои замечания к конституции или нет. Их намерение сводится теперь к тому, чтобы заставить его принять ее в целом и без оговорок и сопроводить свое принятие некоторыми замечаниями, основание для которых, несомненно, имеется, потому что все партии единодушно признают конституцию в ее настоящем виде в высшей степени неудовлетворительной. Значительное число сторонников министров, которых эти последние имеют теперь в Собрании, считает, что первое из этих замечаний будет сводиться к отмене декрета, запрещающего членам Национального собрания, срок полномочий которого уже истекает, занимать в течение двух лет министерские посты. Именно поэтому они и вычеркнули этот декрет из дополнительных статей, будучи уверены, что неминуемо потерпели бы с этим предложением поражение в Собрании и в надежде таким путем достигнуть бóльшего успеха, в чем я, однако, сомневаюсь.

Что король и королева примкнут к этой группе, заставляет предполагать то обстоятельство, что королева продолжает высказываться весьма пренебрежительно о принцах и утверждать, что у них нет никаких средств, что они скорее испортили им дело, нежели помогли, что они слишком высоко расценивают свои мнимые услуги, требуя за них благодарности. Не говорит ли она так, чтобы лучше обмануть? В этом очень трудно разобраться.

Борьба мнений, которая царит среди руководителей эмигрантов, вносит также большие разногласия в их планы. Совсем особо стоит план г. Калонна. Он заключается в том, чтобы побудить императора предложить свое посредничество между королем, Собранием и принцами-эмигран-

ДОМ СЕНТ-ФУА НА УЛИЦЕ BASSE DU REMPART В ПАРИЖЕ, В КОТОРОМ ЖИЛ В 1788 г. СИМОЛИН
В 1791 г. Симолин занимал квартиру в одном из ближайших домов по той же улице
Современная гравюра неизвестного мастера

Музей Карнавале, Париж

тами (для того-то он только-что и увлек за собой графа д'Артуа в Пильниц). Если бы это произошло, Собрание было бы поставлено в очень затруднительное положение. Виднейшие из его членов придерживаются того мнения, что на это необходимо было бы реагировать; они поняли теперь, какую большую политическую ошибку они совершили, отнесясь с такой грубостью к декларации, с которой к ним обратился испанский король после отъезда короля; они возлагают вину за это на тех сумасбродов, которые имеются в их среде.

Король и королева очень опечалены декретом, устанавливающим состав их личной охраны; из нее исключена королевская гвардия, которую они хотели бы вернуть, и им предписывается выбрать себе охрану среди пехоты, линейных войск или Национальной гвардии.

Выборы депутатов в Законодательное собрание начинаются сегодня. Республиканская партия очень сильна среди избирателей. Если надежды их оправдаются и они начнут с того, что заставят избрать Керсэна[3], Кондорсе и Бриссо[4], то это будет служить самым дурным показателем настроений будущего Собрания.

Все заставляет думать, что оно будет из рук вон плохим и что якобинцы приобретут самое большое влияние.

Г-н испанский посол рассчитывает использовать свой отпуск, разрешение на который он носит в кармане уже свыше 13 месяцев, и отправиться около 8—9-го будущего месяца в Ниццу, чтобы повидаться со своим дядей, герцогом де Роганом[5], у которого там скончалась жена и который не может приехать провести зиму в Париже. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 51, л. 131. Получено 10 сентября.

[1] Современники свидетельствуют (напр., La Marck в своей переписке), что в связи с предстоявшим принятием конституции Людовику XVI было представлено до 20 проектов, в том числе один на 27 стр., составленный бывшим секретарем Мирабо Pellenc'ом.

[2] Fersen Аксель, граф де (1755—1810)—шведский дворянин, приближенный короля Густава III; командовал своим полком Royal-Suède на службе французской монархии и пользовался особым расположением Марии-Антуанетты. Один из главных организаторов бегства короля. Выехав одновременно с королем из Парижа, он покинул Францию и сам продолжал из Брюсселя и других мест сноситься с королевой и подготовлять интервенцию и новые планы бегства, даже во время заключения королевской семьи в Тампле. Убит во время революционной вспышки в Стокгольме.

[3] Kersaint Арман-Ги-Симон, граф де (1742—1793)—моряк, литератор, член парижского городского самоуправления.

[4] Brissot de Warvile Жак-Пьер (1754—1793)—известный вождь жирондистов, выдающийся мыслитель, писатель, публицист и политический деятель, член Якобинского клуба, редактор наиболее прогрессивного буржуазного органа «Patriote Français», член парижского муниципалитета. Редактировал республиканскую петицию. Избран депутатом от Парижа в Законодательное собрание, несмотря на сопротивление двора, и сразу выступил против эмигрантов и за войну против монархической Европы, опирался на группу, представлявшую интересы крупной торгово-промышленной буржуазии Франции («бриссотинцы», позднее жирондисты).

[5] Rohan-Chabot Людовик-Антуан-Август, герцог де (1733—1807)—военный деятель, был депутатом от дворянства в Генеральные штаты, эмигрировал в начале революции.

[ПЕРВОЕ] ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 12 СЕНТЯБРЯ 1791 г.

К № 87

Париж, 1/12 сентября 1791 г.

Продолжают оказывать давление на решение важного вопроса о принятии королем конституции. В пятницу вечером лицо, принимающее самое близкое участие в этих делах, покинуло в гневе заседание некоего ко-

митета, образованного по этому случаю, говоря о невозможности служить людям, чьи мнения так изменчивы, которые так же быстро хватаются за несбыточные надежды, как и впадают в отчаяние от малейших неудач; что нескольких аплодисментов, полученных королевой, когда она стояла у окна Тюильри, достаточно для того, чтобы считать себя кумирами народа и думать, что, следовательно, они могут все изменить, все восстановить по своему усмотрению. Далее это лицо сетовало, что на основании всех советов, всех докладов, всех писем, полученных королем по этому случаю, он составил на свой лад акт принятия [конституции], настолько же неудовлетворительный, насколько и гибельный для его собственных интересов, каким было обращение с протестом, оставленное им 21 июня г. де Ла Порту и в результате которого он отрешен до сих пор от своей исполнительной власти; указанное лицо утверждало, что если они будут настаивать на этом своем проекте, то чтение акта в Собрании не пойдет далее первых десяти фраз и Конституционный комитет во всем своем составе поднимется на трибуну с требованием отвергнуть его, а дальнейшее рассмотрение этого акта в объединенном заседании всех комитетов, куда он будет затем передан на обсуждение, несомненно, приведет только к решению свергнуть монарха, мотивированному его оскорбительным отказом пойти навстречу нации и ее представителям.

Это же лицо прибавило, что сам г. де Монморен исчерпал все свое влияние, чтобы заставить их величества изменить свои мнения[1], внушенные, несомненно, членами правой, стремящимися лишь к смуте, и пришел к выводу, что если уж невозможно добиться правления конституционно-монархического, то лучше довериться республикоманам и иметь республику, чем не иметь совсем ничего.

Король решил предъявить этот опасный акт сегодня. Однако, имеется основание предполагать, что третьего дня возникли некоторые новые соображения, потому что два видных члена Собрания конфиденциально сообщали в субботу вечером, что, по их мнению, король склонен к принятию конституции без всяких оговорок.

С другой стороны, один человек, хорошо осведомленный обо всем, что происходит в покоях короля, сказал вчера утром, что принятие конституции в целом без изменений будет сопровождаться внесением параграфа, в котором монарх укажет на трудности проведения в жизнь конституции, которое ему должно быть вверено, докажет взаимное противоречие некоторых статей, невозможность выполнения некоторых других и закончит тем, что перенесет на Собрание ответственность за все недоразумения, которые может повлечь конституционный акт. Попрежнему создается впечатление, что король желает сменить часть своих министров; г. де Монморен продолжает добиваться места воспитателя дофина, но паралич, только-что разбивший г. де Ла Люзерна[2], посла в Англии, лишает г. де Монморена надежды, что тот его заменит. И действительно, среди всех составляющих дипломатический корпус не видно никого, кто мог бы быть призван на этот пост; разве что придется снизойти до выбора между графом Сегюром[3] и г. де Мустье[4], которые оба одинаково молоды и очень мало рассудительны. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 51, л. 4. Получено 24 сентября.

[1] Можно, на основании опубликованной переписки Марии-Антуанетты с Барнавом («Marie-Antoinette et Barnave. Correspondance secrète». Par Alma Söderhjelm, P., 1934),

предполагать, что «лицо», о котором здесь говорит Симолин,—Барнав или один из его группы, поскольку именно эта группа проводила через посредство Монморена то давление на короля и королеву, которое одновременно, втайне от Монморена, проводил Барнав в своих письмах к королеве. В конце концов, был принят проект Монморена—Барнава, а не короля.

[2] La Luzerne Анн-Сезар де (1741—1791)—дипломат, французский посол в САСШ (1779—1783), затем (с 1788) в Лондоне.

[3] См. прим. 1-е к донесению № 18 от 13 марта 1789 г.

[4] См. прим. 4-е к приложению № 41 от 6 мая 1791 г. На этот раз, в сентябре, отказ Мустье был согласован с королевой, которая решила его «приберечь для лучших времен».

[ВТОРОЕ] ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 12 СЕНТЯБРЯ 1791 г.

К № 87 Париж, 1/12 сентября 1791 г.

Только-что появился протест 283 членов Национального собрания против конституции и против предстоящего принятия ее королем. Редакцию его приписывают г-ну д'Эпременилю[1].

Вчера предполагали, что король отправится завтра в Национальное собрание, чтобы принять конституцию. Две партии стараются набросить тень на этот поступок: одни, чтобы разжечь народные страсти, утверждают, что король потребует поправок, указанных в декларации, которую он оставил 21 июня этого года, другие же заявляют, что монарх не располагает надлежащей свободою, чтобы дать согласие, имеющее законную силу, и они пытаются поднять народ на восстание с целью показать призрачность этой свободы. Рост цены на хлеб, к несчастию, способствует влиянию агитаторов. На хлебном рынке возбуждение, внушающее тревогу. Мэр не преминул туда отправиться, чтобы успокоить умы, но встретил самый плохой прием. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 51, л. 6. Получено 24 сентября.

[1] D'Espréménil Жан-Жак Дюваль (1745—1794)—бывший королевский адвокат в суде Шатле, советник Парижского парламента, сосланный за резкие выступления против старого режима. Возвращение его сопровождалось народными манифестациями. В Национальном собрании уже был в группе правых монархистов. В связи с дебатами о присоединении Авиньона, происходившими в Собрании 12 сентября 1791 г., выступил от группы правых с заявлением по поводу конституционного акта, но Собрание лишило его слова. Поскольку на следующий день конституция была подписана королем, протест не имел последствий.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 16 СЕНТЯБРЯ 1791 г.

№ 89 Париж, 5/16 сентября 1791 г.

Милостивый государь,

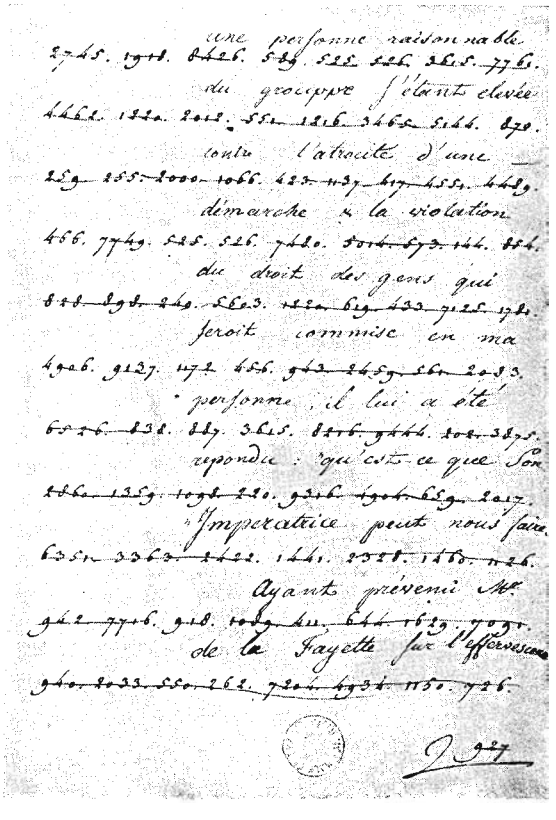
Речь, с которой г. Туре[1], руанский адвокат, занимавший кресло председателя, обратился к королю, была в высшей степени неуместна и заслужила всеобщее неодобрение. Он обошелся с королем, как с посторонним делу человеком, вместо того, чтобы поздравить его, как творца конституции, и сказать ему слово утешения по поводу всех горестей и несчастий, постигших его в течение двух лет. Незадолго до прибытия короля он предупредил Собрание, что достоинство законодательного корпуса требует, чтобы каждый депутат сел и надел шляпу, когда король начнет произносить свою присягу. Преувеличенная поспешность, с которой сам он сел, так удивила монарха, который этого совершенно не ожидал, что он с некоторым жестом презрения тотчас также сел; это так поразило Собрание, что в ту же минуту раздался гром аплодисментов, и все, хотя и продолжая сидеть, остались с непокрытой головой[2].

Я имел честь сообщить вашему сиятельству во вчерашней депеше, которую вы получите с эстафетой, что все судебные дела, возбужденные за эти два года против различных лиц, прекращены, и из тюрем освобождены как сопровождавшие короля, так и содействовавшие его отъезду. Герцог де Шуазёль[3], содержавшийся в тюрьме в Орлеане, и г. Шарль Дамà[4] появились вчера на утреннем приеме короля, который отыскал их в толпе и приветствовал. Орлеанский трибунал будет распущен, и следственные комитеты будут уничтожены. Предоставлена свобода въезда и выезда из королевства без всяких паспортов. Не сделали даже никаких исключений для г. де Буйе, так что эмигранты могут совершенно свободно вернуться к своим очагам, не опасаясь никаких неприятностей.

Возможно, что люди, уехавшие только из страха, решатся вернуться, но принцы и высшее дворянство, связавшее с ними свою судьбу, не проявят, вероятно, такой покорности.

Общественное настроение в этот первый момент довольно благоприятно. Если их величества воспользуются этим — не упустят случая появляться на спектаклях и тотчас же используют предоставленную им свободу выезжать, по желанию, в свои загородные дворцы, то народ легко убедится в искренности их намерений, и они с успехом используют всеобщий энтузиазм.

Принцесса Елизавета, высокомерная ханжа, не может себя заставить признать новое положение вещей и не проявлять своего недовольства, которое достигло такой степени, что королева вынуждена была третьего дня запретить своей маленькой дочери беседы с ней наедине.


une personne raisonnable.
du groupe s'étant élevée
contre l'atrocité d'une
démarche et la violation
du droit des gens qui
seroit commise en ma
personne, il lui a été
répondu : qu'est-ce que Son
Impératrice peut nous faire.
Ayant prévenu Mr
de la Fayette par l'effervescence

СТРАНИЦА ШИФРОВАННОГО ДОНЕСЕНИЯ СИМОЛИНА ОТ 8/19 СЕНТЯБРЯ 1791 г. С СООБЩЕНИЕМ ОБ ОПАСНОСТЯХ, КОТОРЫМ ОН ПОДВЕРГАЛСЯ, БУДУЧИ ЗАПОДОЗРЕН В СОДЕЙСТВИИ БЕГСТВУ КОРОЛЯ

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

Эта подробность, как и то, что я вам раньше сообщал о чувствах королевы по отношению к принцам, свидетельствует о недостатке согласия между членами королевской семьи и определяет тот образ действий, которого придерживаются теперь король и королева; они выжидают время, что является в настоящий момент, повидимому, самым лучшим решением, если люди, которые будут руководить их делами, сумеют искусно использовать те средства обольщения, которых у них осталось еще много.

Срок созыва новой легислатуры быстро приближается, и она очень скоро сменит Учредительное собрание. Все выборы, о которых уже известно в Париже и провинциях, свидетельствуют о том, что оно будет крайне демократично, а может быть, даже проникнуто республиканским духом.

Я узнал, что г. де Монморен, несомненно, несколько встревожен декларацией, подписанной императором и прусским королем в Пильнице; хотя всем понятно, что она является лишь условным договором и требует содействия других держав, тем не менее, считают, что она заслуживает бдительности в отношении ее дальнейшего развития и вытекающих из нее следствий[5].

На вчерашнем заседании Собрание постановило, что конституция будет провозглашена в будущее воскресенье в столице и в следующее за ним воскресенье будет послана во все другие муниципалитеты королевства. Постановлено, что муниципалитеты ознаменуют этот день устройством общественных празднеств.

Один депутат обратился с предложением освободить заключенных в долговой тюрьме за неплатеж кормилицам и заплатить их долги[6]. Было сделано предложение, чтобы эту меру распространить на все королевство. Оба предложения были приняты и отосланы к исполнению в Комитет финансов.

Г-н Фрето[7] предложил постановить, чтобы Военный комитет вошел в соглашение с военным министром и представил проект декрета о включении в линейные войска полка Швейцарской гвардии.

Г-н Реньян высказался в том смысле, что, одобряя по существу предложение предшествовавшего оратора, он считает предложение не соответствующим конституции: по всем вопросам, касающимся армии, предложения вносятся королем на рассмотрение Собрания, которое может обсуждать их только после этого. Он предложил поэтому просить короля, чтобы он приказал военному министру представить соображения относительно судьбы полка Швейцарской гвардии.

Эта редакция получила предпочтение, и г. д'Андре добавил к постановлению, что полк швейцарских гвардейцев будет пока продолжать служить в качестве охраны короля, как прежде.

Собрание вернулось к обсуждению проекта Лесного управления и декретировало 17 статей, а затем перешло к вопросу организации отчетности.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

P. S. Г-н Павлов только-что прибыл и передал мне депешу вашего сиятельства от 15 августа со всеми приложениями к ней.

D. R., к. 51, л. 20. Получено 27 сентября.

[1] Thouret Жак-Гийом (1746—1794)—докладчик Конституционного комитета Национального собрания.

[2] Не только Симолин представлял дело так, будто инициатором этой демонстрации являлся Туре. Барон де Сталь, шведский посол, выразился еще резче: «Президент Туре имел глупость и дерзость провести декрет, чтобы члены Собрания сидели во время речи короля». В действительности, Туре, которого за его невозмутимое спокойствие и кротость прозвали «le placide Thouret», проводил лишь постановление Собрания, вынесенное по предложению депутата д'Андре.

[3] См. прим. 6-е к донесению № 60 от 27 июня 1791 г.

[4] См. прим. 7-е к донесению № 60 от 27 июня 1791 г.; Шуазёль и Дама были амнистированы после подписания конституции Людовиком XVI.

[5] Пильницкая декларация подписана 27 августа 1791 г. императором Леопольдом II и прусским королем в Пильнице, близ Дрездена. Декларация содержала обращение ко всем державам с предложением встать на защиту монархического принципа и французского короля с тем, чтобы вооруженной рукой обеспечить ему «возможность вполне свободно определить основы монархического образа правления, в равной мере обеспечивающего права государей и благополучие французской нации».

[6] Предложение это объясняется распространенностью во Франции того времени обычая отдавать детей на попечение кормилиц и почти столь же широко распространенным явлением уклонения от платежей за отданных кормилицам детей, что нашло отражение в сложном специальном законодательстве.

[7] Fréteau de Saint-Just Эманюэль-Мари (1745—1794) — юрист и политический деятель, член Дипломатического комитета, особенно влиятельный после смерти Мирабо. Предложение его стояло в тесной связи с декретами Собрания от 3 и 5 августа 1791 г. о роспуске Национальной гвардии, состоявшей на жалованье, и образовании из нее особых частей линейных войск, с целью сосредоточить управление этими наиболее революционно и демократически настроенными воинскими частями в руках военного министра и тем изъять их из под влияния парижских, уже республикански настроенных масс.

ПИСЬМО ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГРАФА ОСТЕРМАНА СИМОЛИНУ

[Отправлено 15/26 августа 1791 г.][1]

Ее величество императрица, ознакомившись с депешами вашего превосходительства №№ 58—62, в которых вы сообщали о внезапном отъезде короля Франции из столицы, о его возвращении в Париж и о поведении, которого вы лично в этом случае придерживались, тотчас повелела мне известить вас об ее образе мыслей по этим вопросам и в то же время снабдить вас инструкциями, могущими послужить вам к руководству при непредвиденных случаях сношений, к которым может вас принудить в дальнейшем особое и исключительное положение вещей, создавшееся во Франции.

Прежде всего, я должен вам заметить, милостивый государь, что императрица выразила желание, чтобы при подобных обстоятельствах, заслуживающих особого внимания всех государей, вы взяли бы себе лучше за правило ожидать инструкций отсюда, прежде чем вступать там в какие бы то ни было письменные сношения с министром иностранных дел, не облеченным, после отъезда короля, при котором одном вы только и были аккредитованы, никакими полномочиями, чтобы входить в сношения с вами. Ее императорское величество не одобряет также своего рода оправданий, с которыми вы сочли нужным обратиться к г. де Монморену по поводу выданного по вашей просьбе паспорта, назвав употребление, которое ему было дано, когда его передали в руки короля, необдуманным. Этот эпитет весьма мало приложим к обстоятельству, о котором шла речь, и если бы вы даже предоставили такой паспорт с действительным намерением оказать содействие христианнейшему королю и тем способствовали бы его безопасности, то такой поступок был бы во всех отношениях приятен ее императорскому величеству.

Итак, чтобы оставаться в должных границах в настоящую бурную эпоху при создавшемся положении дел, пока существующий теперь во Франции конфликт властей будет продолжаться, вам надлежит, и императрица вменяет вам это, милостивый государь, в обязанность, воздерживаться от обсуждения каких бы то ни было вопросов с лицами, назначенными или облеченными полномочиями так называемым Национальным собранием, а на устные сообщения и письменные ноты, обращенные к вам, давать всегда однообразный ответ, что, поскольку настоящее положение вещей является совершенно из ряда вон выходящим и необычным, вы не можете ничего брать на себя без особого на то распоряжения вашего двора.

Ее императорское величество предписывает вам одновременно, как общее правило вашего поведения, которого вы должны во всех случаях строго придерживаться, согласовать свои действия с действиями тех иностранных послов и чрезвычайных посланников в Париже, которые проявят наибольшую преданность королю, не отказываясь даже действовать с ними сообща во всем, что они сочтут необходимым задумать и предпринять в пользу его христианнейшего величества.

Если же беспорядок и анархия будут продолжаться во Франции и вашему превосходительству станет ясно, что точное соблюдение начертанных вам здесь правил может навлечь на вас большие неприятности и скомпрометировать ваше звание, то императрица разрешает вам в таком случае под приличным предлогом покинуть Францию и удалиться на время в какое-нибудь германское государство.

Я должен добавить, что для того, чтобы придерживаться и с нашей стороны такого же образа действий, какой предписан вам, было решено, что министерство ее императорского величества будет избегать принимать и, во всяком случае, будет оставлять без ответа все ноты и сообщения, с которыми к нам будет обращаться по распоряжению Национального собрания в этот же период времени французский поверенный в делах.

Имею честь и т. д.

«Dépêches-expedition», к. 50, л. 56. «Проект письма вице-канцлера графа Остермана господину Симолину».

[1] На подлиннике имеется помета: «rendu 31 juillet», обозначающая дату возврата проекта письма, после просмотра, Екатериной II. Дата отправления письма в Париж определяется на основании предшествующего и последующего донесений Симолина.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 19 СЕНТЯБРЯ 1791 г.

№ 90

Париж, 8/19 сентября 1791 г.

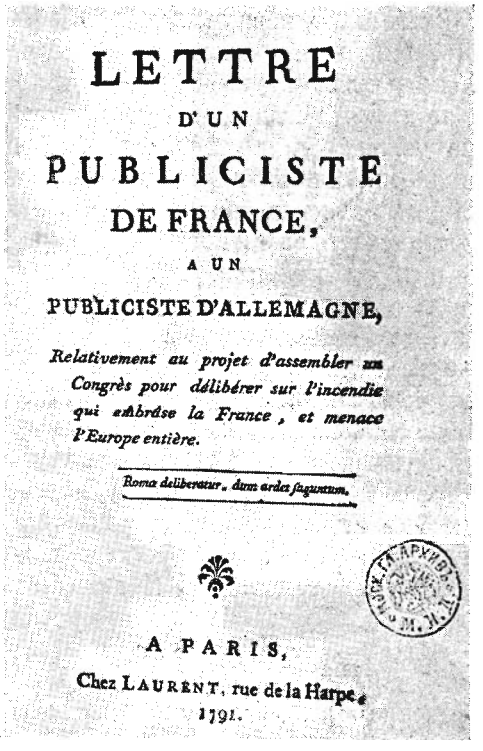
Милостивый государь,

С последним курьером я имел честь известить ваше сиятельство о прибытии г. Павлова и о получении мною в срок депеш от 15 августа, которые ему были вручены для передачи мне.

Я не могу выразить того чувства горечи, с которым я узнал, что мое оправдание по поводу паспортов[1], вызванное, казалось бы, крайней необходимостью, не получило одобрения ее императорского величества. Ваше сиятельство, без сомнения, не знаете, что граф де Монморен и я едва не стали жертвами народной ярости и что только усиленная охрана спасла графа де Монморена от фонаря, а его дом от разграбления. Что касается меня, то на собрании в Пале-Роаяле была вынесена резолюция, подтвержденная на другой день собравшимися в Елисейских

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ РЕДКОЙ БРОШЮРЫ, ПРИСЛАННОЙ СИМОЛИНЫМ ПРИ ДОНЕСЕНИИ ОТ 14 ОКТЯБРЯ 1791 г.

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва



LETTRE
D'UN
PUBLICISTE
DE FRANCE,
A UN
PUBLICISTE D'ALLEMAGNE,

Relativement au projet d'assembler un Congrès pour délibérer sur l'incendie qui embrase la France, et menace l'Europe entière.

Roma deliberatur, dum ardet saguntum.

A PARIS,
Chez LAURENT, rue de la Harpe,
1791.

полях, схватить меня и расправиться со мной, как с сообщником по организации бегства короля. Молодой граф Мусин-Пушкин и его друг по путешествию, услыхав это постановление, требующее крови, прибежали ко мне, чтобы предупредить меня об угрожающей мне опасности. Один разумный человек из толпы восстал против жестокости такого намерения и против нарушения международного права, которому был бы, таким образом, нанесен ущерб в моем лице. Ему ответили: «Что́ его императрица может нам сделать?».

Предупредив г. де Лафайета о возбуждении народа против меня, я просил его позаботиться о моей безопасности и об охране занимаемого мною особняка.

Вышеупомянутый генерал поставил удвоенную охрану из частей бывшей Французской гвардии у трех ворот моего дома с приказом разгонять народные толпы, если они будут собираться поблизости, так что спокойствие в моем квартале не было нарушено.

В то же время г. де Монморен дал мне понять, что мне следовало бы, о чем я и сам думал, обратиться к нему с письмом по поводу паспортов, которое могло бы рассеять подозрения народа о моем мнимом соучастии. Я счел себя обязанным сообразоваться с сделанным мне намеком, чтобы не дать повода к обвинению в том, что я пренебрегаю указанной мне мерой, предупреждающей еще большие недоразумения. В таком озабоченном состоянии я написал письмо, в которое вкрался эпитет, не одобренный ее императорским величеством[2] и за который я прошу у нее прощения. Я смею надеяться, что, если ваше сиятельство будете столь добры представить ее величеству обстоятельства, в которых я находился, она

соблаговолит извинить совершенный мною поступок и простит меня. Я слишком рассчитываю на ее справедливость и великодушие, чтобы не льстить себя надеждой на полный успех. Ваше сиятельство знаете, что в то время, когда произошло это событие, я был занят, и не без надежды на успех, одним важным делом, настойчиво рекомендованным мне вами в депеше от 17 апреля, которое заключалось в том, чтобы побудить Национальное собрание усилить вооружения под предлогом организации безопасности своих колоний и, внушив тем страх Англии, заставить ее отказаться от проектов, замышляемых ею против нашей империи. Таким образом, я имел еще одну причину стремиться устранить всякое подозрение, чтобы оно не повлияло на изменение намерений Дипломатического комитета, проводившего этот проект, благодаря примененным мною мерам воздействия, и не разрушило бы работы, приближавшейся, как меня обнадеживали, к благополучному завершению. Хотя все иностранные послы и посланники, за исключением шведского, продолжали во время отрешения короля сноситься с министром иностранных дел, я, тем не менее, не был ни на одном из совещаний со времени ареста короля. Поверенный в делах венского двора не переставал вести переговоры с ним, я же ограничивался только обращением к нему с просьбами о выдаче паспортов для лиц, которые их у меня просили.

Единственным случаем сношения моего с графом де Монмореном было вручение им мне двух мемуаров вместе с его депешей от 8 июля. Я тем менее мог воздержаться от исполнения его распоряжений, что депешу эту я получил значительно позднее, после того, как до императрицы дошло нижайшее мое донесение от 12 июня, отправленное мною с эстафетой об аресте и об отрешении короля от его функций[3].

Что касается моих знакомств с депутатами, членами Дипломатического комитета, то я был постоянно в курсе дел через посредника, тем более, что с момента установления мирных отношений на севере все сношения с ними стали для меня излишними.

Торжественное принятие королем в зале Национального собрания конституционного акта установило опять новый порядок вещей, и я буду держать себя в соответствующих рамках до получения дальнейших распоряжений императрицы.

Я не премину представить нижайший ответ вашему сиятельству на другую депешу, от 15 августа, привезенную мне г. Павловым.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

На донесении помета карандашом:

«Г-н Павлов прибыл в Париж 5/16 сентября 1791 г.»

D. R., к. 51, л. 24. Шифровано. Получено 1 октября.

[1] См. выше, копию письма Симолина к Монморену от 25 июня 1791 г., приложенную к донесению № 60 от 27 июня 1791 г.

[2] В вышеуказанном письме к Монморену Симолин говорит о «необдуманном употреблении» паспорта, выданного баронессе Корф и предоставленного ею королю. Слово «необдуманное» вызвало неодобрение Екатерины II. См. выше отпуск депеши Остермана Симолину от 31 июля 1791 г., в котором ему объявляется выговор от имени Екатерины II.

[3] Эту недоговоренную Симолиным мысль можно, для ясности, продолжить так: «и, следовательно, рассчитывал, что за истекшее время мне могли бы сделать соответствующие указания».

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 14 ОКТЯБРЯ 1791 г.

№ 100

Париж, 3/14 октября 1791 г.

Милостивый государь,

Курьер, посланный в Мадрид с известием о принятии королем конституции и с приказом довести конституционный акт до сведения министра его католического величества, вернулся в прошедший понедельник. Испанский поверенный в делах сообщил мне, что граф Флорида-Бланка[1] ответил французскому поверенному в делах, что король, его повелитель, не мог допустить мысли, чтобы король Франции мог быть свободен физически и морально, когда принял предъявленную ему конституцию; что его католическое величество желал бы иметь возможность убедиться в этом, и пока у него нет этой уверенности, он не будет отвечать на сделанное ему сообщение.

Прусский посланник, граф Гольц[2], сообщил мне, что в последних письмах из Берлина его извещали, что французский полномочный министр сделал министерству его двора официальное сообщение о принятии королем конституции 13-го прошедшего месяца, но что король подождет высказывать свое мнение по поводу принятия конституции, пока ему не станут известны намерения венского двора и других держав, которые были приглашены участвовать в общем деле, и впечатление, произведенное там этим сообщением.

Шведский посол еще не получил от своего двора ни новых инструкций, ни ответа на извещение о принятии конституции, посланное им в Стокгольм с нарочным, но ожидает со дня на день возвращения этого последнего.

Поверенный в делах императора, г. Блуменсдорф[3], все еще не имеет ни известий, ни инструкций по поводу того важного дела, о котором ведутся переговоры между его двором и главными европейскими дворами; но возможно, что он получит необходимые ему инструкции лишь тогда, когда заключение соглашения между императором и присоединяющимися к этому соглашению державами, затянувшееся из-за больших расстояний, их разделяющих, будет окончательно решено.

Упомянутый поверенный в делах подошел ко мне во вторник, когда мы выходили после совещания от графа де Монморена, и сказал, что министр сообщил ему об отказе господина де Мустье от предложенного ему портфеля министерства иностранных дел и что, ввиду того, что г. де Мустье дано распоряжение вернуться в Париж, он ожидает его в ближайшем будущем. Граф де Монморен признался ему, что будет в большом затруднении в связи с необходимостью приискания себе преемника, в случае, если г. Мустье по своем возвращении станет настаивать на своем отказе занять его пост.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

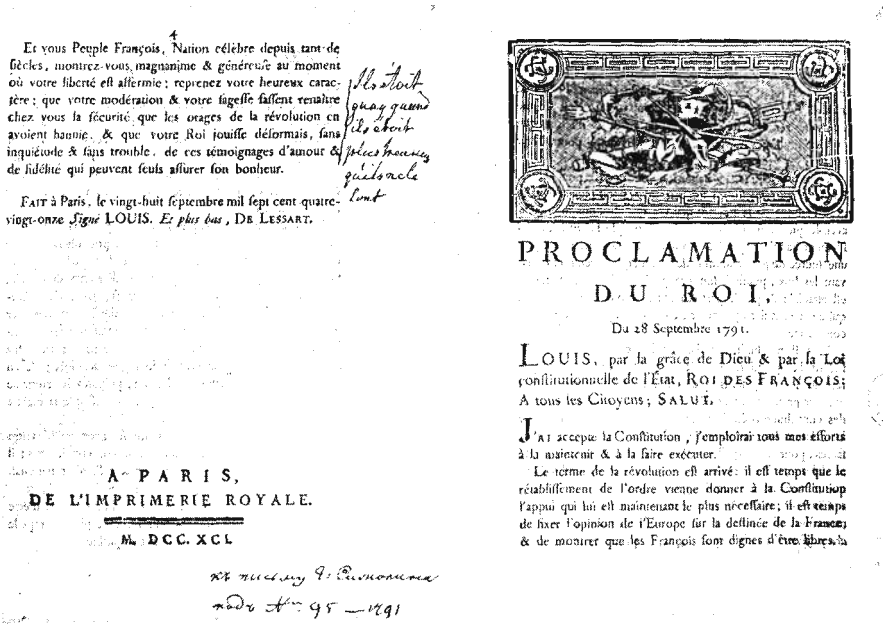
И. Симолин

D. R., к. 51, л. 115. Шифровано. Получено 25 октября.

[1] Florida-Blanca Франсуа-Антуан, граф де (1728—1808)—испанский министр иностранных дел с 1777 по 1792 гг. Одним из первых грозил интервенцией революционной Франции (нота от 1 июля 1790 г.).

[2] См. прим. 6-е к донесению № 27 от 1 апреля 1791 г.

[3] Blumensdorf—поверенный в делах императора. Вел дела в Париже во время двухгодичного отсутствия посла Мерси д'Аржанто, до 5 июня 1792 г.



Et vous Peuple François, Nation célèbre depuis tant de siècles, montrez-vous magnanime & généreuse au moment où votre liberté est affermie; reprenez votre heureux caractère; que votre modération & votre sagesse fassent renaître chez vous la sécurité que les orages de la révolution en avoient bannie, & que votre Roi jouisse désormais, sans inquiétude & sans trouble, de ces témoignages d'amour & de fidélité qui peuvent seuls assurer son bonheur.

FAIT à Paris, le vingt-huit septembre mil sept cent quatre-vingt-onze. *Signé* LOUIS. *Et plus bas*, DE LESSART.

A PARIS,
DE L'IMPRIMERIE ROYALE.
M. DCC. XCI.

PROCLAMATION
DU ROI,
Du 28 Septembre 1791.

LOUIS, par la grâce de Dieu & par la Loi constitutionnelle de l'État, ROI DES FRANÇOIS; A tous les Citoyens; SALUT.

J'AI accepté la Constitution, j'emploierai tous mes efforts à la maintenir & à la faire exécuter.

Le terme de la révolution est arrivé: il est temps que le rétablissement de l'ordre vienne donner à la Constitution l'appui qui lui est maintenant le plus nécessaire; il est temps de fixer l'opinion de l'Europe sur la destinée de la France; & de montrer que les François sont dignes d'être libres.

МАНИФЕСТ ЛЮДОВИКА XVI ОТ 28 СЕНТЯБРЯ 1791 г. ПО ПОВОДУ ПРИНЯТИЯ ИМ КОНСТИТУЦИИ, ПРИСЛАННЫЙ СИМОЛИНЫМ ПРИ ДОНЕСЕНИИ № 95, 1791 г.

Страницы первая и последняя. На полях пометы Екатерины II

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 14 ОКТЯБРЯ 1791 г.

К № 100 Париж, 3/14 октября 1791 г.

Голландский посланник, г. Беркенроде, ознакомил меня вчера с ответом Генеральных штатов Соединенных провинций на сообщение им конституционного акта, который был им препровожден вместе с двумя письмами короля. Ответ этот гласит, что Республика благодарит его величество за это дружеское сообщение, высказывает пожелания о благополучии короля и о спокойствии и процветании французского королевства и надеется, что ничто не нарушит доброго согласия, существовавшего до сих пор между Францией и Генеральными штатами, которое они постараются, со своей стороны, поддерживать всеми зависящими от них средствами.

Ответ английского посла лорда Гоуэра, данный по распоряжению его двора графу де Монморену, содержит благодарность за сообщение о конституции и выражение королем Великобритании надежды на то, что доброе, царившее между обеими нациями согласие и дружба будут существовать и впредь.

Вчера вечером вышло из печати «Письмо французского публициста к немецкому публицисту», автором которого считают г. де Калонна. Осмеливаюсь приложить его к сему[1]. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 51, л. 119. Получено 25 октября.

[1] К донесению приложена брошюра «Lettre d'un publiciste de France à un publiciste d'Allemagne relativement au projet d'assembler un Congrès pour délibérer sur l'incendie qui embrase la France et menace l'Europe entière», P., Laurent, 1791, in 8°, pp. 13. В существующем библиографическом репертуаре печатных изданий эпохи Французской революции (справочники Tourneux Monglond и др.) эта брошюра не зарегистрирована и представляет, таким образом, большую редкость.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 24 ОКТЯБРЯ 1791 г.

К № 103

Париж, 13/24 октября 1791 г.

Ответ датского короля[1] на оповещение французского короля только-что получен. Датский посланник сказал мне вчера, что этот ответ, так же как и ответ прусского короля, является только актом вежливости и не содержит никаких высказываний по существу о принятии конституции.

Шведский посол все еще ожидает ответа короля, своего повелителя, хотя уже более десяти дней тому назад получил извещение о прибытии на место курьера, которого он отправил к своему двору. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 51, л. 171. Получено 5 ноября.

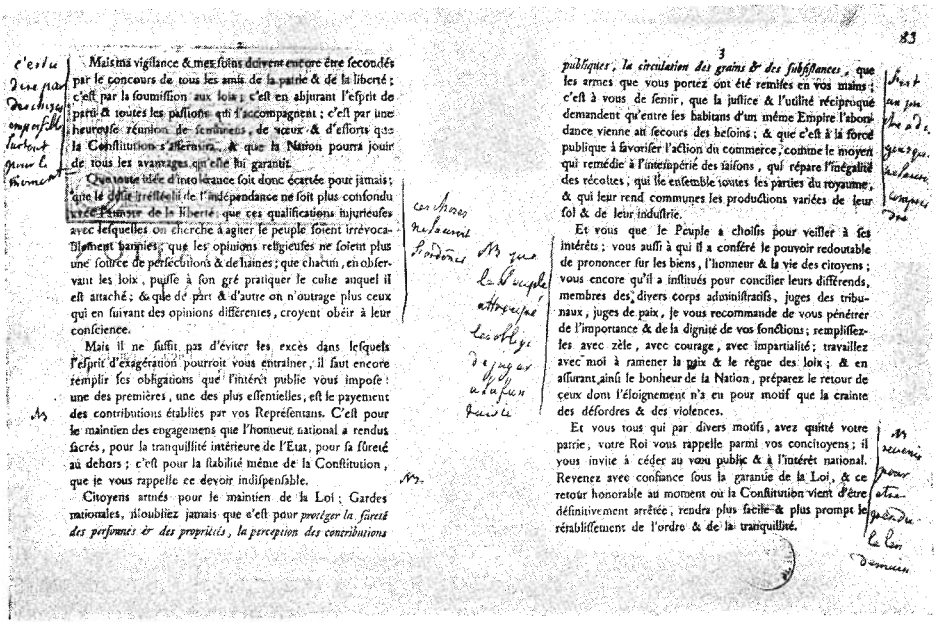
[1] Христиан VII (1749—1808)—король Дании с 1766 г. Правил лишь номинально: страдал душевной болезнью. Фактически у власти стояло правительство партии реформ из прогрессивных помещиков и буржуазии.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 28 ОКТЯБРЯ 1791 г.

К № 104

Париж, 17/28 октября 1791 г.

Граф де Монморен получил, наконец, ответ императора на сообщение, которое ему было сделано о принятии конституции королем. Ответ этот, как говорят, облечен в самую приемлемую для революционеров и революции форму, поскольку заканчивается поздравлениями королю по поводу восстановления спокойствия и изъявлениями надежд на присоединение всех держав к этому одобрительному отзыву. Этот ответ пока передан только на словах г. де Ноайлю, который имел аудиенцию по возвращении императора.



Maisma vigilance & mes soins doivent encore être secondés par le concours de tous les amis de la patrie & de la liberté; c'est par la soumission aux loix; c'est en abjurant l'esprit de parti & toutes les passions qui l'accompagnent; c'est par une heureuse réunion de sentimens, de vœux & d'efforts que la Constitution s'affermira, & que la Nation pourra jouir de tous les avantages qu'elle lui garantit.

Que toute idée d'intolérance soit donc écartée pour jamais; que le doux lien de l'indépendance ne soit plus confondu avec l'amour de la liberté; que ces qualifications injurieuses avec lesquelles on cherche à agiter le peuple soient irrévocablement bannies; que les opinions religieuses ne soient plus une source de persécutions & de haines; que chacun, en observant les loix, puisse à son gré pratiquer le culte auquel il est attaché; & que de part & d'autre on n'outrage plus ceux qui en suivant des opinions différentes, croyent obéir à leur conscience.

Mais il ne suffit pas d'éviter les excès dans lesquels l'esprit d'exagération pourroit vous entraîner, il faut encore remplir ses obligations que l'intérêt public vous impose: une des premières, une des plus essentielles, est le payement des contributions établies par vos Représentans. C'est pour le maintien des engagemens que l'honneur national a rendus sacrés, pour la tranquillité intérieure de l'Etat, pour sa sûreté au dehors; c'est pour la stabilité même de la Constitution, que je vous rappelle ce devoir indispensable.

Citoyens armés pour le maintien de la Loi; Gardes nationales, n'oubliez jamais que c'est pour *protéger la sûreté des personnes & des propriétés, la perception des contributions publiques, la circulation des grains & des subsistances*, que les armes que vous portez ont été remises en vos mains; c'est à vous de servir, que la justice & l'utilité réciproque demandent qu'entre les habitans d'un même Empire l'abondance vienne au secours des besoins; & que c'est à la force publique à favoriser l'action du commerce, comme le moyen qui remédie à l'intempérie des saisons, qui répare l'inégalité des récoltes, qui lie ensemble toutes les parties du royaume, & qui leur rend communes les productions variées de leur sol & de leur industrie.

Et vous que le Peuple a choisis pour veiller à ses intérêts; vous aussi à qui il a conféré le pouvoir redoutable de prononcer sur les biens, l'honneur & la vie des citoyens; vous encore qu'il a institués pour concilier leurs différends, membres des divers corps administratifs, juges des tribunaux, juges de paix, je vous recommande de vous pénétrer de l'importance & de la dignité de vos fonctions; remplissez-les avec zèle, avec courage, avec impartialité; travaillez avec moi à ramener la paix & le règne des loix; & en assurant ainsi le bonheur de la Nation, préparez le retour de ceux dont l'éloignement n'a eu pour motif que la crainte des désordres & des violences.

Et vous tous qui par divers motifs, avez quitté votre patrie, votre Roi vous rappelle parmi vos concitoyens; il vous invite à céder au vœu public & à l'intérêt national. Revenez avec confiance sous la garantie de la Loi, & ce retour honorable au moment où la Constitution vient d'être définitivement arrêtée, rendra plus facile & plus prompt le rétablissement de l'ordre & de la tranquillité.

МАНИФЕСТ ЛЮДОВИКА XVI ОТ 28 СЕНТЯБРЯ 1791 г. ПО ПОВОДУ ПРИНЯТИЯ ИМ КОНСТИТУЦИИ, ПРИСЛАННЫЙ СИМОЛИНЫМ ПРИ ДОНЕСЕНИИ № 95, 1791 г.

Страницы вторая и третья. На полях пометы Екатерины II

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

Ответ венского двора произвел очень сильное впечатление в обществе, среди которого письма эмигрантов все еще распространяют некоторую тревогу. Результатом его было ощущавшееся уже третьего дня повышение курса государственных ценностей. Конституционные чувства королевы не вызывают больше никаких сомнений, и, таким образом, она вполне примирила с собой народ.

Некоторые видные эмигранты возвратились как в Париж, так и в провинции, но их несравненно меньше, чем тех, которые ежедневно продолжают покидать свои очаги. Опасение, возникшее на этих днях, что будет вновь издан суровый закон против эмиграции, дало, без сомнения, толчок к этому поспешному выезду. Прения, происходившие по этому поводу в Собрании, свидетельствовали о большем спокойствии в настоящее время, и возможно, что Собранием будет проявлена в этом отношении умеренность. Так же будет и с вопросом о присяге священников. У теперешних законодателей замечается чрезвычайно резкий поворот в сторону терпимости, и их задняя мысль в этих вопросах—достичь того, чтобы отправление всех без различия существующих культов оплачивалось самими верующими. Благодаря этому, можно было бы исключить из сметы государственных расходов жалованье находящимся на службе католическим священникам, что одним росчерком пера даст национальному казначейству больше восьмидесяти миллионов экономии. Каждый будет оплачивать своего священника, как он оплачивает своего врача. Воцарится полная свобода, и никто не станет враждовать с соседом из-за вопросов веры.

Вопрос о назначении нового министра иностранных дел еще не решен и откладывается до того, как г. де Монморен сделает Национальному собранию доклад о внешней политике, который он теперь подготовляет.

Граф де Сегюр оказался тем, кто решился, наконец, выставить свою кандидатуру на этот пост, при условии сохранения тайны; король, как будто, на это согласен, королева тоже склоняется к этой кандидатуре, хотя и с некоторым неудовольствием. Противятся одни министры, которые остановили свой выбор на г. Сент-Круа[1]. Г-н Монморен недолюбливает последнего и, стремясь выставить его в смешном виде, сообщает всем и каждому депешу этого полномочного министра-демократа, в которой он, действительно, довольно забавно сообщает, что он «проливал обильные слезы, когда узнал о состоявшемся принятии королем конституции, и затем уснул с этим счастливым для доброго патриота сознанием; а после пробуждения его глаза продолжали быть полными слез, но эти слезы были слезами счастья». Этот красноречивый вздор может повредить его возвышению.

Пост посла в Англии останется вакантным в продолжение пяти или шести месяцев. Его хотят предоставить г. Бартелеми[2], как известную компенсацию, которой система равенства энергично требовала для него.

Впрочем, г. де Монморен не решил еще окончательно вопроса о том, не воспользоваться ли ему самому этой вакансией в том случае, если после отставки ему не удастся занять один из видных постов при дворе короля. В этом случае г. Мустье удовлетворится постом посла при неаполитанском дворе.

Все эти колебания г. де Монморена происходят оттого, что министры ставят ему некоторые препятствия к сохранению за ним права заседать в Совете, не состоя во главе какого-нибудь ведомства. Они говорят, что

их коллегиальной ответственности будет противопоставлен голос человека, который не несет никакой ответственности, и, таким образом, при голосовании его мнение будет иметь перевес и способствовать таким решениям, которые смогут скомпрометировать каждого из них, как главу министерства. Этот аргумент не имеет большого веса, потому что каждый может, равным образом, опасаться того же самого со стороны своих коллег, но аргумент этот служит доказательством, как нежелательно им иметь г. де Монморена в своей среде.

Король только-что назначил герцога де Бриссака[3], командира швейцарской сотни, главным командиром королевской охраны; под его командой будут по пехоте — г. де Понт-Аббе и по кавалерии — г. д'Эрвили, оба прекрасные люди и верноподданные[4].

При дворе объявлен траур на шесть дней по случаю кончины вдовствующей герцогини Мекленбург-Шверинской и принца Вюртембергского, брата ее императорского высочества, великой княгини, скончавшегося в Галаце. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 51, л. 178. Получено 9 ноября.

[1] Bigot de Sainte-Croix Клод-Луи (1744—1803)—поверенный в делах при сардинском короле, а затем секретарь посольства в Стокгольме; замещал некоторое время Сегюра в 1787 г. в Петербурге. По возвращении в Париж занимался литературной деятельностью, затем был выдвинут на пост полномочного министра при дворе курфюрста Трирского. Но Мария-Антуанетта категорически отвела его кандидатуру, выставленную группой Барнава, под предлогом его неопытности в дипломатии, а главное, его родственного окружения, которое побудит его к расхищению средств министерства (его дядя Sainte-Foix был известный спекулянт, о котором говорили: «Sainte-Foix, sans foi, est tout entier au plus offrant dans tout les temps»). В действительности, двор не терпел Сент-Круа за то, что он считался ярым демократом. Портфель иностранных дел он получил 1 августа 1792 г., но 10-го был заменен Лебрёном.

[2] Barthélemy Франсуа, маркиз де (1747—1830) — состоял при Бретёйле во время его миссии в Швеции и Швейцарии, а с 1791 г. был поверенным в делах, а затем полномочным министром в Лондоне. Вместе с Мерси д'Аржанто строил планы спасения королевской семьи. От предложенного ему, по инициативе группы Барнава, поста министра иностранных дел отказался и в декабре 1791 г. получил назначение посланником в Швейцарию, где играл очень видную роль.

[3] Brissac Эркюль-Тимолин, герцог де (1734—1792). Получил это назначение вопреки желанию конституционалистов и «триумвиров».

[4] D'Hervilly Луи-Шарль, граф (1755—1795). В 1790 г. завязал в Нанте и Бретани связи с контрреволюционным дворянством. В 1792 г. эмигрировал.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 31 ОКТЯБРЯ 1791 г.

К № 106

Париж, 20/31 октября 1791 г.

Шведский посол, г. барон де Сталь, получил третьего дня обычной почтой сообщение о том, что шведский король отказался принять нотификацию о принятии конституционного акта французским королем, переданную уполномоченным на это г. кавалером де Госсаном[1]; барон де Сталь в тот же вечер известил меня об этом. Записка государственного секретаря, г. Франка, от 8 октября из Дротнингольма гласит, что им указанного числа был получен от г. кавалера де Госсана пакет с печатью: «Французская миссия в Швеции», но так как, вследствие пленения короля Франции, в Швеции, так же как и в России, нет более французской миссии, то государственный секретарь, по распоряжению короля, имеет честь вернуть г. кавалеру де Госсану этот пакет нераспечатанным и в то же время предупредить его, что дальнейшая переписка по этому поводу будет совершенно излишней.

Фрегаты «La Recherche» и «L'Espérance» готовы к отплытию из Бреста под начальством г. д'Антркасто, состоящего начальником дивизии морских сил. Король доверил ему руководство экспедицией, организованной с целью розыска фрегатов «La Boussole» и «L'Astrolabe», отправленных из Бреста под начальством г. де Лаперуза[2] 1 августа 1785 г. и о которых нет никаких известий со времени их отплытия из Ботани-Бэя[3] 10 марта 1788 г. Предполагают, что это путешествие продлится три года. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 51, л. 195. Получено 13 ноября.

[1] Gaussen, кавалер де—член французской миссии в Стокгольме.

[2] La Perouse Жан-Франсуа де (1741—1788)—известный мореплаватель, в 1785 г. отправился по поручению Людовика XVI в кругосветную экспедицию, но был убит туземцами о. Ваникоро в Полинезии. Остатки его кораблей были найдены только в 1828 г. и доставлены во Францию.

[3] Botany Bay—залив на юго-востоке Австралии, близ г. Сиднея.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 14 НОЯБРЯ 1791 г.

К № 111

Париж, 3/14 ноября 1791 г.

Министерство, склоняя короля воспользоваться в первый раз прерогативой veto, не скрывало от себя, как было бы необходимо, даже для личной безопасности их величеств, усилить в то же время и меры предосторожности против затей находящихся вне королевства недовольных, и было принято решение направить все усилия дипломатии на побуждение имперских князей, в государствах которых они устраивают свои скопища, изыскать средства для избавления королевства от причиняемых ими беспокойств. Кроме того, многие из эмигрантов начинают возвращаться, и в их среде, как будто, усилились разногласия.

Еще ничего не решено по поводу выбора министра иностранных дел. Вчера наблюдалось стремление произвести значительные изменения в министерских постах.

Хотят предложить г. де Лессару[1] взять на себя министерство, которым он управляет временно после отставки г. де Монморена. Г-н де Лессар теперь уже склонен принять должность при условии, что в министерстве внутренних дел ему будет назначен преемником некий г. Гарнье[2], член парижского департамента, который известен, как человек очень способный. Предполагают удалить одновременно и г. Дю Портайля[3] и передать военное министерство г. де Нарбонну[4]. Таковы, повидимому, настроения момента и предположения на сегодняшний день; решения их ожидали вчера вечером, но ничего не было решено.

Беру на себя смелость приложить к сему воззвание короля, имеющее целью вернуть эмигрантов в свое отечество, действуя на них убеждением и мерами кротости, а также письма короля к принцам, его братьям, от 16 октября и 11 ноября[5]. Тайный советник граф Штакельберг только-что уведомил меня, что он имел честь подписать 8/19 прошедшего месяца договор об оборонительном союзе между ее императорским величеством и королем Швеции[6].

Мне передали, что здесь не будут возражать против предъявленного требования, чтобы г. Жене были даны новые верительные грамоты для вручения адресованной ее императорскому величеству нотификации короля. Ut in litteris.

И. Симолин

ЛУИ-ФИЛИПП СЕГЮР
Литография с портрета
Ж. Буальи, 1820 г.

Национальная библиотека, Париж

К донесению приложена собственноручная записка Екатерины II:

«Буде снова Женет аккредитован будет, то просто объявить, что от него ничего принято не будет».

D. R., к. 51, л. 264. Дата получения неизвестна.

[1] Lessart Антуан де Вальдек де (1742—1792) — министр иностранных дел с 20 ноября. Пользовался доверием Национального собрания и настойчиво выдвигался на этот пост группой конституционалистов (Барнав—Ламет и др.).

[2] Garnier Жермен (1754—1821)—прокурор Шатле в 1789 г., депутат в Генеральные штаты, с 7 февраля 1791 г. ведал департаментом Парижа. Известен, как переводчик Годвина (1796), Адама Смита (1808) и автор ряда оригинальных работ по политической экономии.

[3] Du Portail Лебег де (1743—1802)—военный министр. Вызвал резкие нападки в Национальном собрании 28 и 29 октября 1791 г. за то, что не принял соответствующих мер по вооружению укреплений и волонтеров.

[4] Narbonne-Lara Луи-Мари-Амальрик, граф де (1755—1813)—слыл за сына Людовика XV и жил при дворе, затем получил полк, и в 1789 г. в Безансоне ему доверено было командование Национальной гвардией. 9 сентября 1791 г. был назначен в одну из дивизий в Париже и при посредстве M-me de Сталь, с которой был в интимных отношениях, получил военное министерство, вместо министерства иностранных дел, которого добивался.

[5] К донесению приложены: 1) «Proclamation du Roi». 2) «Lettres du Roi aux Princes français, ses frères, Paris le 16 octobre 1791». 3) «Lettre du Roi à Louis-Stanislas-Xavier, Prince français, frère du Roi. Du 11 novembre 1791».

[6] Штакельберг Отто-Магнус, граф (1736—1800) — с апреля 1791 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр Екатерины II при шведском короле. Был уполномоченным с русской стороны при заключении 8/19 октября 1791 г. в Дротнингольме оборонительного союзного договора на 8 лет, которым укреплялась дружба России и Швеции после Верельского мира.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 18 НОЯБРЯ 1791 г.

К № 112

7/18 ноября 1791 г.

В понедельник утром во дворце стало известно, что гренадерам внутренней охраны уже несколько дней тому назад дан секретный приказ наблюдать за тем, чтобы после 9 часов вечера король и королева не выходили из своих апартаментов и даже арестовать их, в случае, если бы они намеревались это сделать. Желая узнать, откуда исходит подобный приказ, допросили всех капралов. Двое были арестованы. Тот, который отдал приказ не позволять королю и королеве выходить, исчез. Он [пропуск нескольких слов в оригинале] второй дивизии и был арестован во вторник в 11 часов вечера и заключен в тюрьму Аббатства. Возникли очень серьезные подозрения насчет причин его поведения.

Комиссары секции собирались в среду утром в зале муниципального корпуса в Ратуше для подсчета голосов при выборах нового мэра, который должен заменить г. Бальи. Избран 6708 голосами при 10682 избирателях г. Петьон[1], бывший депутат Учредительного собрания, председатель уголовного трибунала парижского департамента, ярый республиканец. Г-н де Лафайет получил 3126 голосов. Число избирателей не соответствовало числу активных граждан города Парижа, которое доходит до 86 тысяч.

Сегодня г. Бальи введет своего преемника в дела. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 51, л. 275. Получено 30 ноября.

[1] Petion de Villeneuve Жером (1756—1794) вместе с Бюзо принадлежал к немногочисленной группе левых в Учредительном собрании, наряду с демократами Робеспьером, Приером и др. Был послан с Барнавом сопровождать из Варенна в Париж королевское семейство. Впоследствии—видный член Конвента, жирондист.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 30 НОЯБРЯ 1791 г.

№ 117

Париж, 19/30 ноября 1791 г.

Милостивый государь,

Все обстоятельства предвещают большой и важный кризис. Г-н де Бугенвиль[1], всем сердцем и всей душой преданный королю и королевской семье, только-что передал королю через королеву новый мемуар, являющийся продолжением нескольких других, уже представленных им раньше и очень благосклонно принятых, в которых он рассматривает предательское поведение республиканской партии Национального собрания и братских обществ, управляющих и Национальным собранием и королевством. Ознакомив меня с содержанием своего мемуара, он разрешил мне снять с него копию для представления ее императорскому величеству, которая с таким благородством и великодушием принимает участие в деле восстановления несчастного монарха и потрясенной и разрушенной французской монархии. Хотя эта депеша отправляется в Петербург с надежной оказией, тем не менее, я почел необходимым зашифровать ее ввиду того, что муниципалитеты проявляют очень мало уважения к путешественникам, снабженным паспортами курьеров, и к пакетам, которые им доверены, доказательством чего является обращение с графом де Сомбрёйлем в Лонгви[2].

Г-н де Бугенвиль предлагает план спасения короля, выполнение которого требует энергии и мужества; он не скрывает той опасности, в кото-

рой находятся король и королева среди злодеев, не останавливающихся перед самыми ужасными преступлениями.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 51, л. 299. Шифровано. Получено 27 ноября.

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА
Миниатюра на кости Жозефа Боза
Эрмитаж, Ленинград

К донесению приложен шифрованный мемуар Бугенвиля:

События чередуются и набегают одно на другое, как волны моря. Каждый день замечателен тем, что он вскрывает назревший кризис, и те шесть месяцев, которые нам предстоит пережить с настоящего момента до середины будущего года, будут решающими для французской монархии, а может быть, и для Европы. Любой план, предложенный неделю назад, уже требует изменений в некоторых своих частях, и каждая истекшая неделя повлечет за собой необходимость видоизменения плана, который мы представили бы сегодня. Выйдем за пределы замкнутого нашего горизонта и постараемся взглянуть с птичьего полета на создавшееся положение. Необходимо рассмотреть его с точки зрения внутренних и внешних дел.

Аристократия во Франции не имеет больше ни сил, ни средств; впрочем, не говоря уже об аристократии, и так называемые «бешеные» Учредительного собрания[3]—эти Барнавы, Дюпоры, Ламеты—рассматриваются, как аристократы, теми газетами, из которых парижское население черпает свои мнения, и обречены, вследствие этого, на недоверие народа. Правда, сторонники конституционной монархии бездействуют, они не имеют главы, не имеют никакого плана действий: королева, кажется, полностью во власти республиканцев, друзей чернокожих, сторонников... [пропуск][4]. Ибо все эти люди образуют одинаковую секту, которая, действуя без колебаний, согласно и последовательно добивается общей цели средствами тем более могущественными, что они не пренебрегают никакими преступлениями.

Министерство не может или не хочет как-либо влиять на общественное мнение. Оно представляет собой полное ничтожество и постоянно подвергается нападкам демагогов—членов Национального собрания. Оно считает, что им уже достаточно сделано, когда ему удается оправдаться. Г-н Бертран[5], однако, только-что поступил, как надлежит министру, но последуют ли другие его примеру?

Собрание, если судить по результатам его деятельности, всецело управляется республиканцами. Впрочем, говорят, что значительное число членов явилось с хорошими намерениями, но эти люди бессильны, потому что среди них нет единения, сплоченности, их воля слаба, их сопротивление неполно.

Итак, я вижу в настоящий момент во Франции только одну главенствующую партию—партию республиканцев, или якобинцев, потому что все клубы, носящие это название, придерживаются теперь республиканских принципов, и, вследствие отхода, разочарования или бездействия других партий, эти якобинские клубы управляют Собранием и Францией. Я могу привести в качестве доказательства результаты выборов, происходивших в последнее время в Париже и в провинциях. Цель этой партии—поставить короля под подозрение, заставить думать, что он заодно со своими братьями, что он всем сердцем желает восстановления старого режима и неуклонно питает намерение бежать. Эта партия желает, чтобы король снова отказался санкционировать какие-нибудь декреты, например, декреты, направленные против принцев, против священников, или какой-нибудь другой в том же роде, который они проведут. Тогда они провозгласят, что общественное дело в опасности, Собрание объявит себя учредительным, и можно предвидеть, что оно вслед за этим предпримет.

Рассмотрим бегло внешнее положение. Принятие королем конституции побудило часть иностранных держав отсрочить свои решения, другие ограничиваются оказанием денежной помощи принцам и тем, что поддерживают их надежды. Сами принцы не отдаются полностью этому делу; большего они не могут сделать, имея таких единомышленников. Их сторонники достаточно солидарны относительно средств, какими надо пользоваться, но они не достигли соглашения относительно цели, к которой надо стремиться: полный возврат к старому режиму является лозунгом одних, другие, более умеренные, чувствуют, что эта надежда является в настоящее время химерой, и охотно пошли бы на смягчение требований, что дало бы возможность разрешить как-нибудь это большое дело путем переговоров. Есть и такие, которым для возвращения

к своим очагам нужно только, чтобы прочно установилась безопасность личная и безопасность собственности.

Вот каково, я полагаю, положение дел в настоящий момент. Прибавим к этой картине одно несомненное обстоятельство, что господствующая партия бдительна и действует непрерывно, так что, быть может, уже поздно надеяться на успех борьбы с нею. Тем не менее, укажу, что я считал бы нужным предпринять, чтобы попытаться достигнуть успеха.

Настоятельно необходимо всеми доступными министерству мерами создать конституционное общественное мнение для оппозиции клубам, чтобы, таким образом, борьба мнений шла не между аристократами и демократами, а между конституционалистами и республиканцами.

Все министры должны вести себя в своем ведомстве так, как только-что поступил г. Бертран. Они должны останавливать Собрание всякий раз, как оно станет действовать вопреки конституции, постоянно возвращая его в рамки буквы и духа конституции. Необходимо, чтобы члены старого Законодательного комитета были готовы обнародовать, если это будет необходимо, протест против нарушений составленной им конституции, которой его преемники присягнули.

В особенности же необходимо образовать в Собрании оппозицию против новаторов, которая дружно боролась бы с новыми принципами и энергично противодействовала им, не теряя мужества при неудачах, всегда стремясь одержать верх; потому что большое число отдельных и, благодаря своей разрозненности, безрезультатных усилий создаст, в конце концов, все же силу сопротивления.

В высшей степени важно также перейти в наступление против клубов и возмутительных газет, действуя, однако, конституционными средствами, постоянно осведомляя народ о том, в чем его истинные интересы.

Тем временем, король должен позаботиться о своей личной безопасности и принять меры на случай, если престиж его величества окажется скомпрометированным в столице и Собрание объявит себя учредительным. Тогда надо будет покинуть Париж. Быть может, при выезде придется прибегнуть к силе. Ну, что ж! Когда Мария-Терезия со своим сыном на руках призывала венгерцев на свою защиту, то она отстаивала только права своей династии, и как это ни ужасно, но я вынужден сказать, что и королевский дом во Франции находится в таком положении, когда необходимо прибегнуть к решительным действиям. Августейшей дочери Марии-Терезии предстоит защищать нечто большее, нежели свой трон.

В конце концов, мужество, которое составляет славу королей, в то же время является их спасением, и я осмеливаюсь верить, что, защищая конституцию и свою особу, король будет непобедим, что здоровая часть нации поможет ему одержать верх над самой опасной сектой, когда-либо существовавшей на земле.

Принцы, предупрежденные одновременно с державами, должны действовать в согласии с ними, по крайней мере, император и самые могущественные державы Европы должны быть предупреждены о принятом королем плане и быть наготове выступить на помощь королю. Если король Франции падет, принципы, которые опрокинут его трон, не замедлят, без сомнения, поколебать троны всех властителей мира. Тогда дело эмигрантов и дело короля станет их общим делом, и спокойствие Европы будет зависеть от решения конгресса, который, восстановив во Франции

общественный порядок, предохранит также и другие нации от угрожающего нам общественного разложения.

[1] См. прим. 2-е к приложению к № 12 от 14 февраля за 1791 г.

[2] Sombreuil, граф де, арестован в Лонгви (Longwy), на границе Бельгии и Люксембурга. В сентябрьские дни 1792 г. спасен в тюрьме Аббатства, благодаря заступничеству дочери.

[3] Так называла их Мария-Антуанетта. В письме к Ферзену от 19 октября она говорит: «Успокойтесь и будьте уверены, что я не поддаюсь бешеным, и если я вижусь или держу связь с некоторыми из них, то лишь, чтобы использовать их в наших интересах: они мне слишком отвратительны, чтобы я когда-либо могла пойти им навстречу».

[4] Здесь неясно, кого имеет в виду Бугенвиль, говоря о «республиканцах», «друзьях чернокожих», во власти которых, будто бы, находится королева. Или он не разбирался в существе политики группы Барнава—Ламета, поскольку королева делала вид, что находится под их влиянием, и считал их республиканцами в то время, как они именно в сентябре 1791 г. были конституционалистами и в том же сентябре провели декрет против чернокожих, или он неправильно понимал игру Марии-Антуанетты, считая, что она направлена много левее, для привлечения на свою сторону подлинно республиканской группы Бриссо, Робеспьера, Марата и других «друзей чернокожих». Странно это тем более, что сам Симолин прекрасно разбирался в политической обстановке и в колониальной политике «триумвирата», как об этом свидетельствует, например, частное письмо Симолина к M-me Sullivan от 25 сентября 1791 г. Здесь он писал: «Образовавшаяся в Собрании два месяца тому назад коалиция, усилия которой все время направлены в интересах короля и общественного спокойствия, одержала в субботу большую победу. Она заставила отменить декрет, проведенный в пользу цветных в колониях, и есть надежда, что, благодаря этому решению, эти важные владения будут спасены». (См. «Marie-Antoinette et Barnave. Correspondance secrète». Par Alma Söderhjelm, P., 1934, 118).

[5] Bertrand de Moleville Антуан-Франсуа, маркиз де (1744—1818)— бывший интендант в Бретани, с 2 октября 1791 г.—морской министр. Обвинялся в том, что способствовал эмиграции морских офицеров, а также в утере колонии Сан-Доминго, ушел в отставку и поставлен во главе полиции. Эмигрировал 15 августа 1792 г. в Англию, откуда посылал для распространения во Франции фальшивые ассигнации. Известен своим планом бегства Людовика XVI и своими многотомными, но мало достоверными мемуарами. Во время Реставрации—ярый роялист. Бугенвиль ставит поведение Бертрана в пример другим министрам, имея в виду его выступления в Собрании 31 октября и 24 ноября 1791 г., когда он проявил твердость и, на основе соответствующих пунктов конституции, заставил признать, что право испрашивать у Собрания кредиты на сооружение флота принадлежит министру и не лежит на обязанности самого монарха.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 5 ДЕКАБРЯ 1791 г.

К № 121

Париж, $\frac{\text{24 ноября}}{\text{5 декабря}}$ 1791 г.

Письмо ее императорского величества маршалу де Брольи от 29 октября[1] появилось в парижских газетах. Его содержание, стиль, благородство и тонкость восхищают всех, утешают и питают надежды истинных друзей монархии и, следовательно, не нравятся республикоманам.

Вчера вечером передавали, что офицеры-моряки, назначенные в экспедицию, которая готовится в Бресте к отправке в Сан-Доминго, после случившегося с г. де Ла Жайлем подали в отставку.

Г-н Кребс, купец из Санкт-Петербурга, которому я поручил мои депеши за №№ 117—118 и 119, будет иметь честь передать вам также сверток с 13 карикатурами, которые появляются в изобилии в связи с обстоятельствами настоящего времени. Герцог Орлеанский, в изображении Шабру, очень похож[2]. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 51, л. 328. Получено 17 декабря.

[1] В ГАФКЭ имеются собственноручный черновик письма Екатерины II к маршалу де Брольи без даты и отпуск этого письма, датированный 22 октября 1791 г., в которых

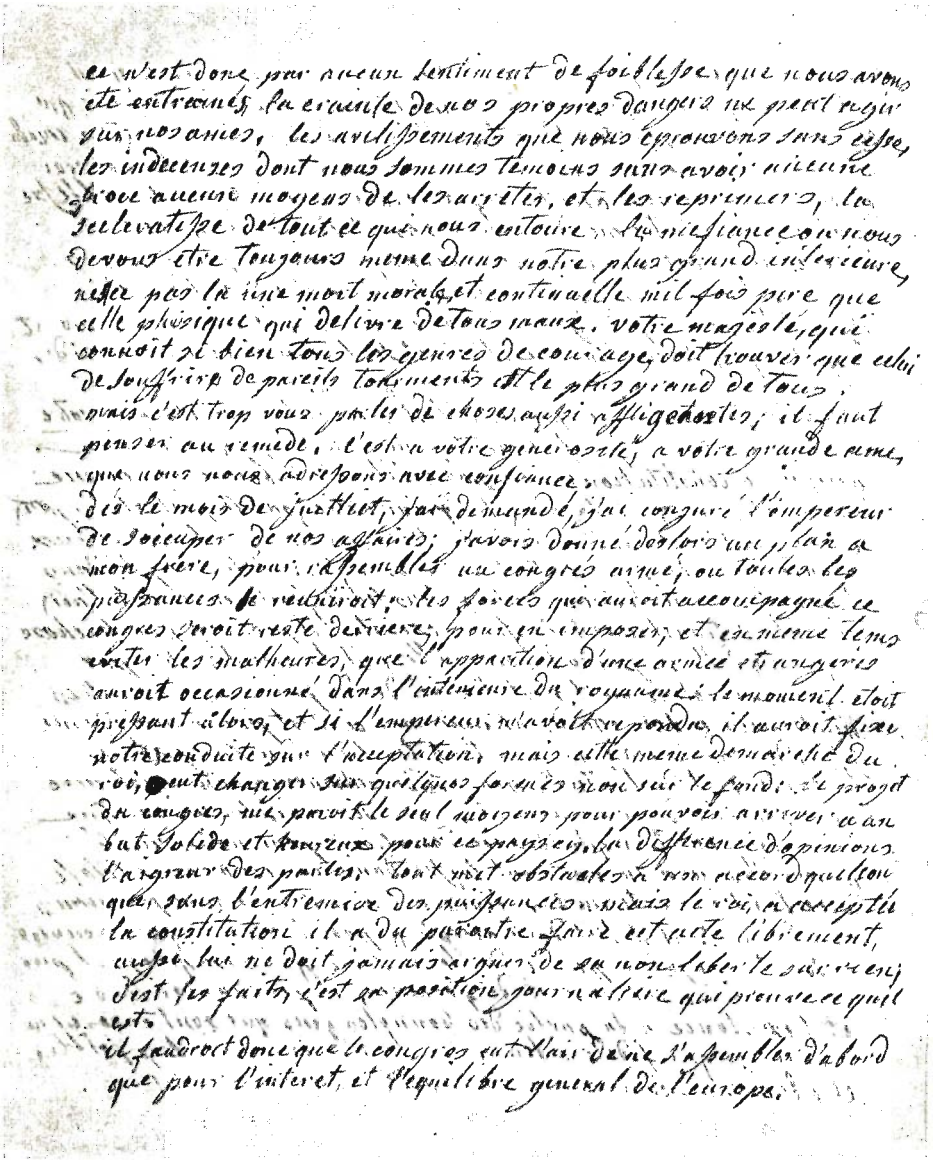
Madame ma soeur, je profite de la premiere occasion sure ou il m'est
possible de exprimer a votre majesté, les sentiments de reconnoissance que
sont dans mon ame, pour tout l'interet qu'elle ne cesse de montrer sur notre cruelle
position : mais, madame, mon coeur ne seroit pas satisfait si il ne pouvoit
vous entretenir, avec la confiance, que votre interet, la noblesse
de votre ame, et votre grand caractere s'avent si bien inspirer.
livrés entierement a nous memes n'ayant personne auprès de nous ce
que nous dire, je vais tacher de vous tracer notre position, et je
demande d'avance l'indulgence, de votre majesté, je ne connois point
la politique, n'y son langage, l'interet seul de mon coeur me guide.

Je vais prendre a une epoque, qui est bien interessante que votre
majesté, connoisse parfaitement pour nous jugera. le roi a
accepté la constitution, non pas qu'il la crû bonne n'y, meme
essentiable, mais il la acceptée pour n'être pas le pretexte de plus
grand troubles et malheurs dans le royaume, que les factieux
n'avoit pas manqué d'attribuer a son refus; il la acceptée dans
l'espoir d'en faire mieux sentir tous les defauts en agissant l'heur
de vouloir franchement la faire executer et prouver par la chose
meme, qu'elle ne pouvoit point aller; il la acceptée enfin par
l'ignorance totale ou il s'est trouvé des dispositions des autres
puissances a son egard, abandonné ce n'est pas a moi, de me
plaindre, mais celux qui par tout les liens du sang, et de
l'honneur, et de l'interet, pouvoit et devoit meme, nous construire
nous soutenir dans ces moments, par des armées vraimes que
je ne dois attribuer qu'a des considerations pour notre sureté
personnelles, ceux la nous ont laissé dans un ignorance totale
des dispositions exterieures, livré a nous memes que pouvions
nous faire? il falloit donc accepter pour tacher de ramener
a soi la majeure partie de la nation qui n'est qu'egaré par
une horde de factieux et de forcenes, et pour sauver la vie
et l'existance a la partie des honnetes gens, qui sont encore en
france, et qui fidels a leur roi, a leur devoir, mais trop foibles
et abandonnés comme nous, auroient été les premieres victimes.

АВТОГРАФ ПИСЬМА МАРИИ-АНТУАНЕТТЫ К ЕКАТЕРИНЕ II ОТ 3 ДЕКАБРЯ 1791 г.

Первая страница

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

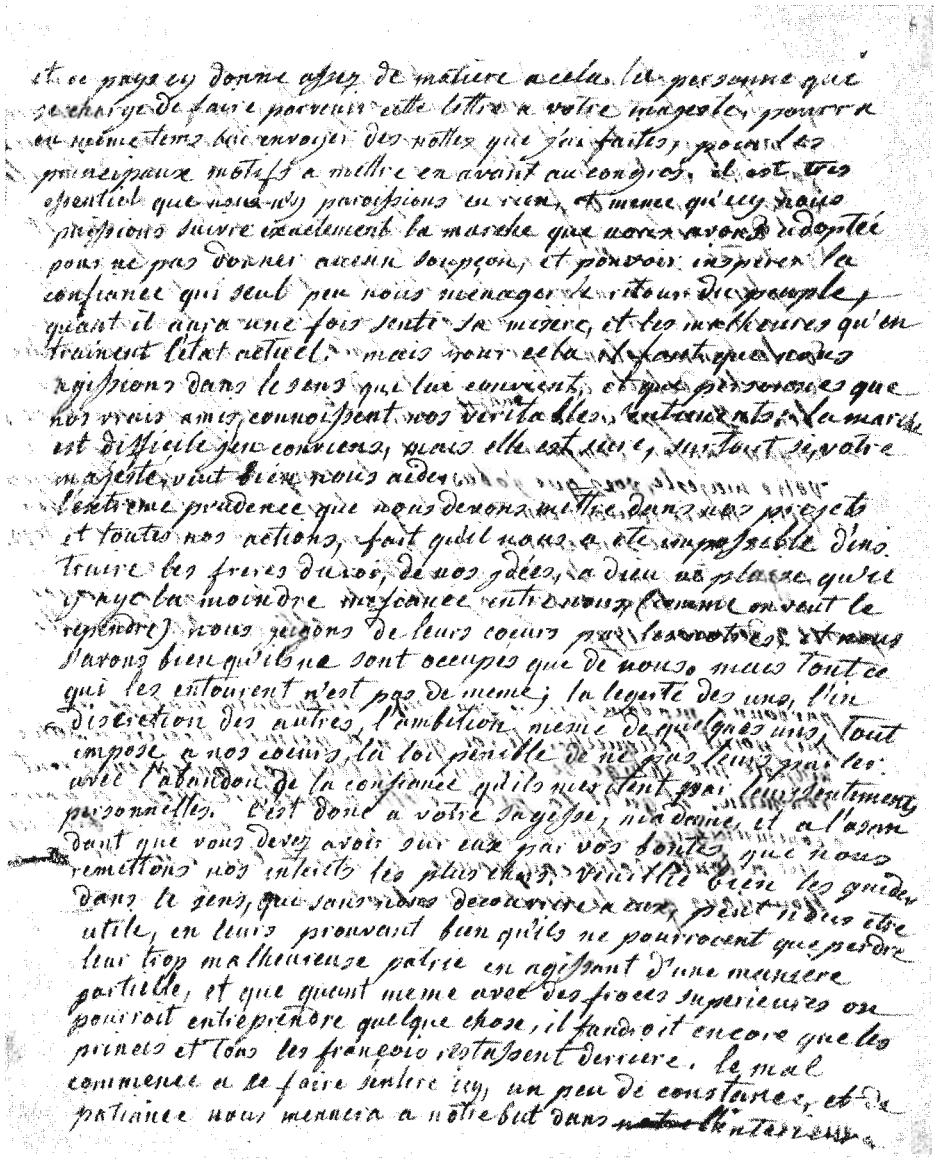


ce n'est donc pas aucun sentiment de foiblesse que nous avons
été entraînés, la crainte de nos propres dangers ne peut rien
sur nos ames, les avilissements que nous éprouvons sans cesse,
les indecences dont nous sommes temoins sans avoir aucune
sorte aucune moyens de les arrêter, et les reprimer, la
sedevation de tout ce qui nous entoure, la méfiance en nous
devoir être toujours même dans notre plus grand intérieur,
ne sera pas la une mort morale et continuelle mil fois pire que
celle physique qui delivre de tous maux. votre magesté, qui
connoit si bien tous les genres de courage, doit trouver que celui
de souffrir de pareils tourments est le plus grand de tous.
mais c'est trop vous parler de choses aussi affligeantes; il faut
penser au remede, c'est a votre generosité, a votre grande ame,
que nous nous adressons avec confiance.
dès le mois de juillet, par demande, j'ai conjuré l'empereur
de s'occuper de nos affaires; j'avois donné d'abord au plan de
mon frere, pour rassembler un congrès armé, ou toutes les
puissances se reuniroit; les forces qui auroit accompagné ce
congrès seroit resté derriere, pour en imposer, et en même temps
éviter les malheurs, que l'apparition d'une armée etrangere
auroit occasionné dans l'interieur du royaume. le moment etoit
pressant alors, et si l'empereur n'avoit rien pondu, il auroit fixé
notre conduite sur l'incertitude, mais cette même demarche du
roi, peut changer sur quelques formes mais sur le fond: le projet
du congrès, nous paroit le seul moyens pour pouvoir arriver au
but solide et heureux pour ces pays, la difference d'opinions
l'aigreur des parties, sont mot obstacles a non accord quelque
que sans l'entremise des puissances, mais le roi a accepté
la constitution il a du paroitre sans cet acte librement,
aucun lui ne doit jamais argumenter de son non-libre le sur-veng
c'est les faits, c'est sa position pour n'a rien qui prouve ce qui
est.
il faudroit donc que le congrès eut lieu d'une d'assemblée d'abord
que pour l'interet, et l'equilibre general de l'europe.

АВТОГРАФ ПИСЬМА МАРИИ-АНТУАНЕТТЫ К ЕКАТЕРИНЕ II ОТ 3 ДЕКАБРЯ 1791 г.

Вторая страница

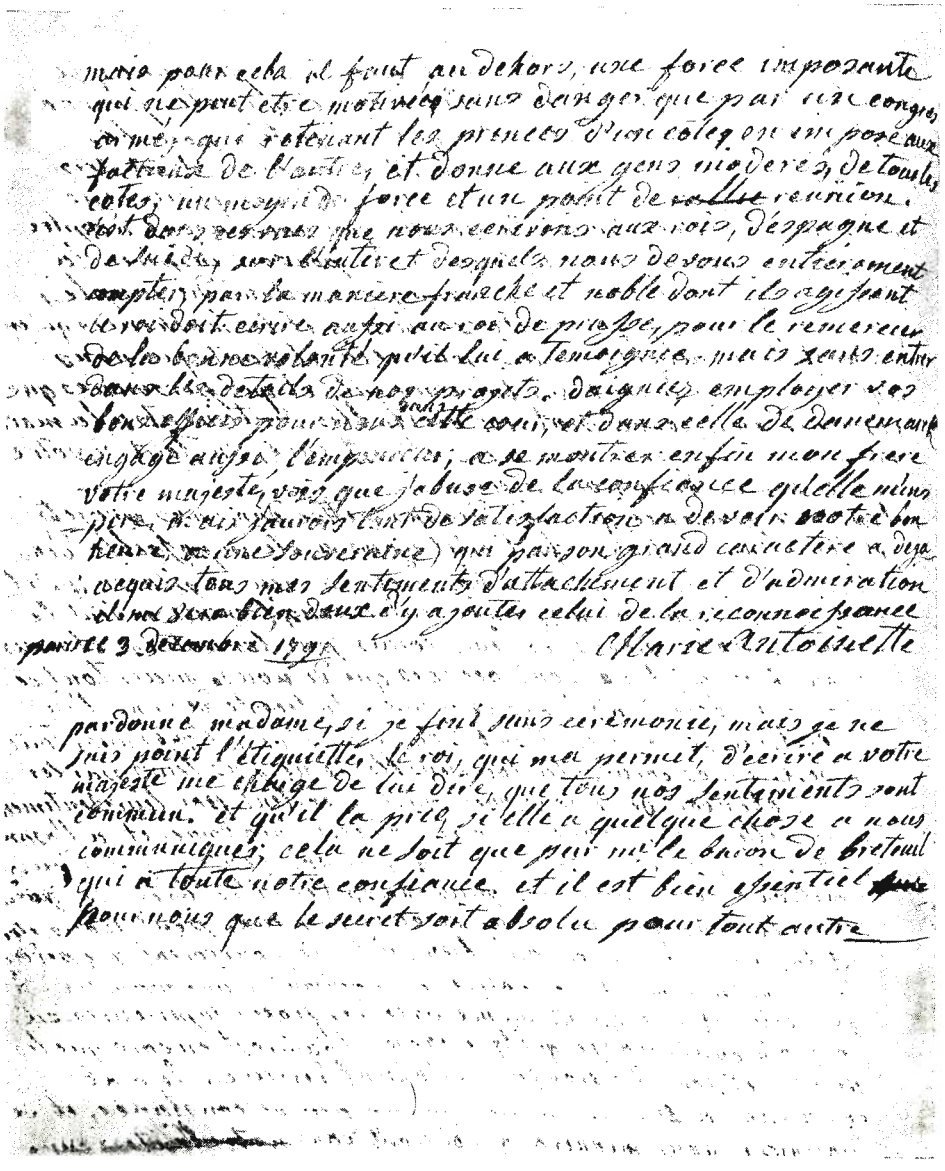
Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва



АВТОГРАФ ПИСЬМА МАРИИ-АНТУАНЕТТЫ К ЕКАТЕРИНЕ II ОТ 3 ДЕКАБРЯ 1791 г.

Третья страница

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва



mais pour cela il faut au dehors, une force imposante
qui ne peut être montrée sans danger que par un congrès
armé, qui retenant les princes d'un côté en impose aux
factieux de l'autre, et donne aux gens modérés, de toutes
côtés, un nouveau point de ralliement.
Voilà donc les vues que nous écrivons aux rois, d'Espagne et
de Suède, avec l'autorité et desquels nous devons entièrement
compter, par la manière franche et noble dont ils agissent.
Il vous doit écrire aussi au roi de Prusse, pour le remercier
de la bonne volonté qu'il lui a témoignée, mais sans entrer
dans les détails de nos projets. Daignez employer vos
bons offices pour nous avec cette cour, et dans celle de Danemark
engagez aussi l'empereur, à se montrer enfin mon frère.
Votre majesté voit que j'abuse de la confiance qu'elle m'inspire
(mais j'aurais tant de satisfaction à devoir votre bienveillance
à votre souveraine) qui pardonnera, j'espère, à déjà
acquis tous mes sentiments d'attachement et d'admiration
dont je vous ai bien assuré, j'y ajoute celui de la reconnoissance
Paris le 3 décembre 1791. Marie Antoinette

pardonnez madame, si je fait sans cérémonie, mais je ne
puis point l'étiquette, le roi, qui m'a permis d'écrire à votre
majesté me charge de lui dire, que tous nos sentiments sont
communs, et qu'il la prie, si elle a quelque chose à nous
communiquer, cela ne soit que par mr le baron de Breteuil
qui a toute notre confiance, et il est bien essentiel
pour nous que le secret soit absolu pour tout autre

АВТОГРАФ ПИСЬМА МАРИИ-АНТУАНЕТТЫ К ЕКАТЕРИНЕ II ОТ 3 ДЕКАБРЯ 1791 г.
Четвертая страница

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

Екатерина II восхваляет доблести французского дворянства, бывшего всегда оплотом монархии (см. цитату из документа во вступительной статье акад. Н. М. Лукина на стр. 355 настоящей публикации). Это письмо является ответом Екатерины II на те адресы, которыми французские дворяне-эмигранты, с герцогом де Брольи во главе, выражали русской императрице свою признательность и приверженность. В ГАФКЭ имеются два таких адреса (II отд., фонд № 148, IX). Оба они снабжены собственноручными подписями, среди которых на одном из адресов на первом месте стоит подпись герцога де Брольи.

[2] Карикатур в архиве не сохранилось.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 9 ДЕКАБРЯ 1791 г.

№ 122

Париж, $\frac{\text{28 ноября}}{\text{9 декабря}}$ 1791 г.

Милостивый государь,

Граф де Мерси, который все еще в Брюсселе, переслал поверенному в делах своего двора в Париже копию циркулярного письма, адресованного полномочным министрам императора при различных дворах, где его императорское величество приглашал их к согласованным действиям в тот момент, когда был арестован король Франции. Письмо это было приложено к сообщению о том ответе, который е. и. величество нашел нужным дать на нотификацию короля о принятии им предъявленной ему Национальным собранием конституции. Граф де Мерси добавил в своем письме, что, хотя он передает поверенному в делах копию циркулярного письма только к его личному сведению, все же он уполномочивает его конфиденциально ознакомить меня с ним, что вышеупомянутый поверенный в делах и исполнил, прочтя мне письмо.

Прусский посланник, граф Гольц, сказал мне два дня тому назад, что ему сообщили из Берлина, что князь Рёйс[1] выполнил такое же поручение в отношении прусского министра и прочел ему циркулярное письмо, обратив его внимание на главные содержащиеся в нем пункты. Я поблагодарил графа Гольца и господина Блуменсдорфа за это сообщение и обещал оказывать им такое же доверие.

Настоящее положение вещей требует, повидимому, самого серьезного вмешательства великих европейских держав для восстановления французской монархии и христианнейшего короля на том посту, который уготован ему провидением. Бессмысленность теперешней системы очевидна. Все установленные власти действуют вяло и слепо следуют воле толпы.

Вопреки духу конституции, королевский авторитет постоянно подрывается вмешательством законодательного корпуса. Министры, по конституции, облечены, как будто, властью даже большей, чем та, какой они пользовались прежде, но Собрание связывает их по рукам и ногам. Оно не хочет, чтобы они видели, слышали, а в особенности, чтобы они действовали; и в то же время оно обвиняет их в бездеятельности, причиной которой само же является; оно предоставляет им большую власть и, вместе с тем, лишает их всех средств для ее осуществления. Собрание кишит жестокими и безумными доносчиками, вроде аббата Фоше[2], которые безнаказанно оскорбляют министров и вносят замешательство в ход правительственных дел.

В итоге, вместо конституции во Франции царит полная анархия, и это королевство придет неминуемо к распаду, если главенствующие державы Европы, объединившись, не остановят дальнейших мероприятий нынешнего Собрания, которое, как видно, представляет собой скопище злодеев, а не соединение законодателей королевства. Возможно, что выступление

иностранных держав, объединившихся в тесный союз, окажет воздействие на Собрание и пробудит внимание нации, которая кажется парализованной.

Графу де Монморену предоставлена теперь возможность вернуться на свой пост, и министр иностранных дел заканчивает в настоящий момент подготовку почвы к его возвращению, улаживая, чтобы угодить ему, некоторые личные его дела, которые его очень тревожат и служат сейчас единственным препятствием к его возвращению.

Имею честь быть с почтительнейшей преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 51, л. 329 б. Шифровано. Получено 20 декабря.

[1] Reuss, Генрих XIV, князь фон—один из двух представителей Австрии на Рейхенбахской конференции в июне—июле 1790 г. По окончании конференции получил назначение на пост посланника императора при прусском дворе.

[2] Fauchet Клод (1744—1793)—конституционный епископ Кальвадоса, впоследствии член Конвента, жирондист.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 23 ДЕКАБРЯ 1791 г.

К № 129

Париж, 12/23 декабря 1791 г.

Предполагаемые перемены во французском дипломатическом корпусе за границей, о которых я имел честь сообщить вам в приложении к моей депеше № 128, утверждены и дополнены Советом на заседании в воскресенье вечером. Вот список, который опубликован.

Король отозвал графа де Верженна, полномочного министра при дворе курфюрста Трирского, де Монтезана, посланника при мюнхенском дворе, и г. Беранже, посланника в Ратисбонне[1].

Барон Талейран, посланник в Неаполе, граф д'Осмон, полномочный министр в России[2], и г. Окелли, полномочный министр при дворе курфюрста Майнцского, подали в отставку. Полномочным министром в Данию, на смену г. де Ла Уз (de La Houze), назначается аббат Луи, бывший советник Парижского парламента.

Король назначил графа Шуазёль-Гуффье послом в Англию.

Г-н Бартелеми, полномочный министр в Лондоне, назначается послом в Швейцарию.

Граф де Мустье, посланник при дворе прусского короля, назначен в константинопольское посольство, если г. де Шуазёль согласится отправиться в Англию, в случае же его несогласия, г. де Мустье будет назначен в Лондон.

Граф де Сегюр должен был выехать сегодня утром в Берлин с особой миссией, имеющей целью убедить короля прусского сохранять нейтралитет, на который рассчитывают даже в том случае, если придется занять на короткое время территории курфюрста Трирского, чтобы изгнать оттуда и рассеять эмигрантов[3].

Помимо этого, существует тайный проект захватить в один прекрасный день кардинала де Рогана с его небольшим отрядом, находящимся под командованием г. де Мирабо. Это поручение возлагается на г. де Люкнера[4], как отвечающее его прежнему испытанному опыту, а если он потерпит неудачу, то будут считать его недостойным того высокого положения, которое он здесь занимает.

Г-н де Монсиель назначен полномочным министром ко двору курфюрста Майнцского, барон де Мако—полномочным министром во Флоренцию и г. де Мезоннёв,—полномочным министром к герцогу Вюртембергскому.

Предполагают, что граф де Монморен оказал большое влияние при всех этих назначениях, так же как и г. де Нарбонн, близкий друг г. де Шуазёль-Гуффье.

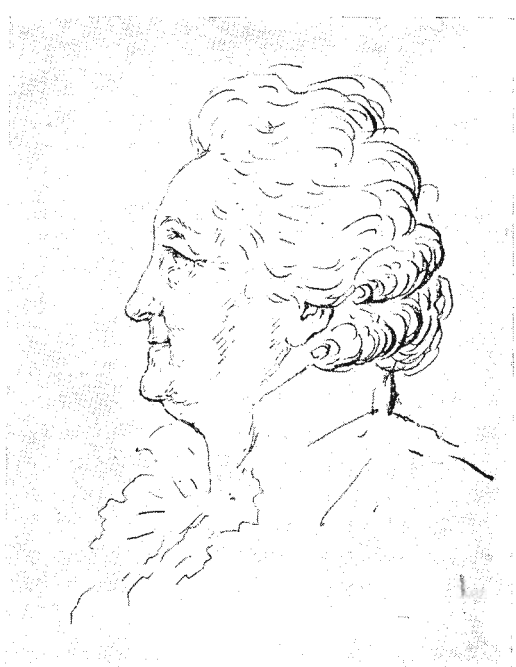
Упомянутый военный министр [Нарбонн] третьего дня уехал в Мец и вернется через неделю.

Сила и численность друзей порядка, собирающихся у фейянов для противодействия якобинцам, растут день ото дня. Возможно, что, вследствие этого, якобинцы вскоре пожелают объединиться с фейянами, и в последнем случае весьма вероятно, что большинство в этом крупном объединении будет на стороне фейянов и их системы.

Трибунал I округа, заседающий в Париже, вынес несколько дней тому назад что-то вроде решения по делу Национальной гвардии, обвиняемой в том, что 11 ноября отдан был незаконный приказ караулу воспрепятствовать королю выходить из дворца[5]. Трибунал постановил, что если рассматривать это преступление в отношении его первоначальной причины, т. е. незаконного приказа, то оно является чисто военным правонарушением, если же учитывать его последствия, то это будет покушение на свободу короля, на национальное представительство, и, следовательно, оно является оскорблением нации; и в том и в другом случае рассмотрение его не входит в компетенцию обыкновенного суда, на том основании, что преступления такого рода ему не подсудны. Трибунал постановляет копии судопроизводства и решения немедленно передать министру юстиции через королевскую комиссию для доклада Национальному собранию. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 51, л. 388. Получено 3 января.



ЕКАТЕРИНА II
Рисунок неизвестного художника, 1790-е гг.
Частное собрание, Москва

К донесению была приложена собственноручная записка Екатерины II на французском языке, хранящаяся ныне отдельно в делах Гос. архива—ГАФКЭ, I отд., X, № 69.):

Я прочла в газетах и в просмотренных мною письмах, будто г. Сегюр отправляется с поручением в Берлин, и мне пришло в голову, как бы не прислали его сюда. Но так как он один из тех, и даже один из первых, которые отреклись от дворянства, то его не надо принимать. Первый способ, каким его можно было бы отправить обратно,—объявить ему в Риге, что, якобы, есть распоряжение не пропускать его, второй способ—это, позволив ему приехать, сказать ему затем, что буржуа не представляются ко двору, если же он привез товары, то пусть торгует, но в качестве посланника короля-пленника я не хочу и не могу его принять. Даже папа, и тот отказал ему в приеме.

[1] Vergennes, Montezan и Bérenger принадлежали к группе приверженцев короля.

[2] Граф d'Osmond был назначен посланником в Петербург 27 марта 1790 г., но его приезд туда не состоялся.

[3] Миссия Сегюра в Берлине имела целью побудить прусского короля отказаться от соглашения с Австрией, заключенного в Пильнице (см. прим. 5-е к донесению № 89 от 16 сентября 1791 г.), и в дальнейшем соблюдать нейтралитет по отношению к Франции. Миссии Сегюра французские эмигранты приписали цели революционной пропаганды. Прусский король, получивший информацию о, якобы, революционной цели приезда Сегюра в Берлин и, кроме того, предубежденный против Сегюра, который в бытность его послом при русском дворе проявлял себя противником прусской политики, принял его холодно и не дал никакого ответа. В марте 1792 г. Сегюр вернулся во Францию.

[4] Luckner (1722—1794)—маршал. Во время семилетней войны перешел из прусской армии на службу во французскую армию. Обнаруживал сочувствие к революции. По представлению Законодательного собрания, был назначен Людовиком XVI командующим северной армией. Впоследствии гильотинирован за измену.

[5] См. об этом выше, приложение к донесению № 112 от 18 ноября 1791 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 26 ДЕКАБРЯ 1791 г.

К № 130

Париж, 15/26 декабря 1791 г.

Заседание фейянов в пятницу вечером прошло неспокойно. Смутьяны-якобинцы силой захватили трибуну. Для восстановления порядка вынуждены были призвать на помощь не закон (слово это не устрашает якобинцев), а вооруженную силу.

Швейцарцы только-что вновь подтвердили своим полкам запрещение приносить какую бы то ни было присягу.

Новый военный министр, г. де Нарбонн, потребовал новой присяги от шести маршалов Франции. Маршалы де Муши, де Бово, де Мальи и де Лаваль отказались ее принести; нет ответа еще от маршала де Контада. Один только маршал де Сегюр исполнил требование министра и тем выделился среди своих коллег; своей уступчивостью он не снискал себе, однако, уважения у людей беспристрастных.

Ваше сиятельство, соблаговолите разрешить мне присоединить к сему письмо Антуана Антуан из Марселя[1], где он возобновляет свою просьбу о предоставлении ему новых патентов и об уплате ему денег за дом и морское снаряжение, проданные казне его херсонским отделением. Я прошу ваше сиятельство предоставить мне возможность дать ему какой-нибудь ответ, чтобы поощрить его восстановить свои торговые связи с Черным морем после окончательного заключения мира с Оттоманской Портой.

Прилагаю также ответ г. Делессара на обвинения г. Фоше, прочитанный в Национальном собрании 22 декабря[2]. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 51, л. 394. Получено 6 января.

[1] Письма Antoine Anthoine при донесении не сохранилось.

[2] К донесению приложено: «Réponse de M. Delessart à la dénonciation de M. Fauchet. Lue à l'Assemblée Nationale».

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 2 ЯНВАРЯ 1792 г.

К № 132

Париж, 22 декабря 1791 г. / 2 января 1792 г.

Вчера, в день нового года, был обычный прием при вставании короля, прием у королевы и у принцессы Елизаветы; затем парадный обед. Герцог Орлеанский появился в Тюильрийском дворце, когда их величества были у обедни. Все сторонились от него, как от зловонного животного; публика встретила его чуть ли не свистом и оскорблениями, когда он вошел в галлерею, где был сервирован обед у короля.

Люди, которых называют оборванцами («mal-vêtus»), бывшие его приверженцы, теперь относятся к нему с крайним презрением. Ut in litteris.

И. Симолин

D. R., к. 51, л. 422. Получено 13 января.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 2 ЯНВАРЯ 1792 г.

[*Без №*]

Париж, 22 декабря 1791 г. / 2 января 1792 г.

Милостивый государь,

Спешу переслать вашему сиятельству депешу французского поверенного в делах в Стокгольме от 9 декабря, полученную 28-го этого же месяца[1]. Недавно, когда я был приглашен на карточный вечер к королеве, она сделала мне честь подозвать меня и сказала, что желала бы побеседовать со мной, но не решается, так как окружена шпионами, которые непрестанно следят за ней; потом она добавила, что восхищается величием души императрицы и ее благородным и великодушным обращением с французским дворянством. Я ответил в немногих словах, что ее величество не должна сомневаться в особом интересе ее императорского величества к положению короля и всей королевской семьи и в ее искреннем желании иного порядка вещей. Несколько дней спустя королева предупредила меня через императорского поверенного в делах, г. Блуменсдорфа, что она желает передать мне письмо для императрицы. Я ей ответил, что я буду всегда держать наготове курьера, чтобы отправить ее письмо по назначению, и что она может быть уверена в точности и преданности, с которой будут исполнены ее приказания. Когда г. Блуменсдорф, явившись к королеве по ее вызову, использовал этот случай для сообщения ей моего ответа, она поручила ему передать мне, что уже отправила свое письмо императрице. Королева написала также недавно королям Швеции и Пруссии, чтобы эти государи не были введены в заблуждение и не считали соответствующим истинным намерениям короля акт от 14 декабря, который его величество вынужден был дать под угрозой меча мятежников, способных на всяческие преступления[2]. Королева была обеспокоена судьбой обоих писем, запоздавших по пути в Брюссель. Но два дня тому назад ее известили, что они доставлены в полной исправности, и это ее успокоило.

Г-н Делессар, министр иностранных дел, в разговоре с г. Блуменсдорфом дал ему понять, что если французские эмигранты или иностранные войска вступят на территорию Франции, то он не отвечает за жизнь короля.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и преданнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 51, л. 423. Шифровано. Получено 13 января.

[1] Следующее донесение, тоже от 2 января 1792 г., содержит шифрованную копию письма французского поверенного в делах de Gaussen из Стокгольма от 9 декабря 1791 г.

[2] Имеется в виду речь Людовика XVI в Законодательном собрании, в которой он «повелевал объявить» курфюрсту Трирскому, что если к 15 января 1792 г. он не воспрепятствует группированию на его территории враждебных Франции сил (эмигрантов), то Людовик XVI будет считать его врагом Франции. Он предупреждал, что декларация эта будет подкреплена одновременно предпринимаемыми мерами (150 000 чел. будут двинуты к границе). В той же речи король вновь заверял Собрание в своей лойяльности Конституции: «Пора показать иностранным государствам, что французский народ, его представители и король едины и нераздельны».

ОТПУСК ДЕПЕШИ ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА ГР. И. А. ОСТЕРМАНА СИМОЛИНУ

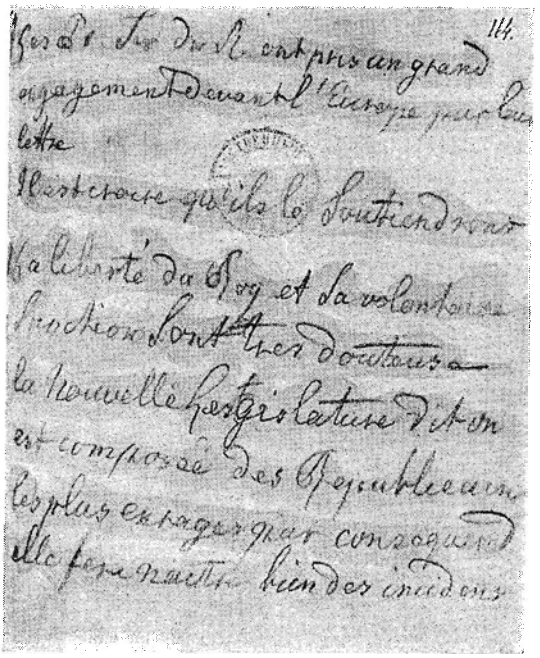
[5/16 декабря] 1791 г.[1]

Милостивый государь, отношения между Россией и Францией стали настолько критическими, что со дня на день может произойти внезапный разрыв дипломатических сношений и связей между обоими государствами. Ее императорское величество, с полным на то основанием, опасается, что со стороны узурпаторской власти, управляющей теперь королевством, может быть совершено какое-нибудь насилие и нарушено уважение, подобающее достоинству и сану, которыми вы облечены. Ее величество признала нужным заранее предупредить эту возможность самым решительным образом. Мера, на которую ее величество в данном случае решилась, состоит в том, чтобы повелеть вам, милостивый государь, удалиться из Парижа и Франции так скоро, как только окажется возможным для вас сделать это, под предлогом состояния вашего здоровья или домашних дел. Вам надлежит переехать или в Брюссель или в другое какое-нибудь место по соседству, по вашему выбору, откуда вы сможете, однако, и поддерживать сношения и укреплять связи, которые вы озаботитесь наладить прежде, чем покинуть свой пост, чтобы быть осведомленным обо всем, что будет происходить во Франции, и извещать затем наш двор. Но, поскольку намерение императрицы состоит в том, чтобы возможно дольше избегать разрыва, а в особенности, не первой прервать сношения, существующие между обоими дворами, она желает, чтобы, уезжая, вы оставили поверенного в делах, который мог бы поддерживать эти сношения, пока обстоятельства не позволят вам вернуться на ваш пост. За неимением подходящего для этой должности лица из среды лиц, находящихся теперь при вас, выбор ее императорского величества остановился на г. Новикове, советнике посольства при русской миссии в Голландии, человеке зрелого возраста и имеющем большой опыт в делах. Именно он передаст вам эту депешу, и вы позаботитесь ввести его в обязанности поверенного в делах нашего двора во Франции.

Наибольшая трудность при данных обстоятельствах будет состоять в том, чтобы примирить данные вам инструкции избегать, насколько возможно, сношений с французским министром, так как эти сношения могли бы быть

СТРАНИЦА ИЗ ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ ЕКАТЕРИНЫ II С ЗАМЕТКАМИ О ПОЛОЖЕНИИ ВО ФРАНЦИИ В КОНЦЕ 1791 г.

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва



каким-либо образом истолкованы, как своего рода признание со стороны императрицы существующего положения вещей во Франции, с теми мерами, которые вы должны принять, чтобы обеспечить и узаконить политическое положение поверенного в делах. Не [касаясь?] способов преодоления этих трудностей, которые знание местных условий вам подскажет, я ограничусь предписанием вам, милостивый государь, известить министра, у которого при получении вами настоящих распоряжений будет находиться портфель иностранных дел, что вы просили и получили разрешение покинуть ваш пост для устройства личных дел и что, желая воспользоваться этим разрешением, вы оставляете г. Новикова и представляете его в качестве поверенного в делах до вашего возвращения. Во время аудиенции у короля и королевы, которая будет вам, вероятно, дана в этих обстоятельствах, вы воспользуетесь случаем, чтобы выразить королю и королеве от имени императрицы самые решительные и горячие уверения в дружбе ее императорского величества и в живом, постоянном участии, которое она принимает в их благоденствии, и передать им о ее намерениях содействовать ему всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Если во время этой аудиенции никто из подозрительных свидетелей не будет присутствовать, вы уполномочиваетесь, принимая во внимание это участие и эти намерения, которые их христианнейшие величества не могут не ценить, постараться узнать их истинные намерения и их чувства по отношению к тому, что происходит в настоящее время во Франции, и, главным образом, убедиться, насколько свободно их признание нового установившегося там порядка. Вы уверите их, что ее императорское величество желает быть осведомленной об этом только для того, чтобы быть в состоянии возможно лучше направлять сделанные ею до сих пор шаги в пользу их дела и добиться согласия тех из государей, которых она желала бы побудить к совместным с ней действиям для достижения той же цели.

Г-н Новиков, отправляясь к вам, не получил никаких инструкций от посланника императрицы [в Голландии], и на вас, милостивый государь, мы возлагаем заботу преподать ему инструкции, которые, по вашему мнению, будут необходимы для его руководства.

Главное, что вы обязаны ему рекомендовать, это по возможности избегать, как вы это сами делали, на основании последних распоряжений, вступать в переговоры о делах с теперешним министром Франции и ограничиваться лишь наблюдениями за событиями и сообщением о них двору. Чтобы облегчить г. Новикову эту задачу, вы наладите его сношения с лицами, информацией которых вы пользовались, поручившись за его скромность и осторожность.

Ее императорское величество сохраняет вам полностью впредь до новых распоряжений жалованье, которым вы пользовались во время вашего пребывания в Париже, и она соблаговолила прибавить к нему . . . рублей на издержки во время предстоящего вам путешествия, которые вы можете получить от вашего парижского банкира, с обязательством возмещения их коллегией иностранных дел.

Имею честь быть и т. д.

На документе имеется помета: «Доклад от 3 декабря»

Dépêches-expédition, к. 50, л. 65.

[1] Указывается дата отправления депеши. Эта дата устанавливается из донесения Симолина от 19/30 января 1792 г., в котором он подтверждает получение от Новикова депеши Остермана «от 5-го прошлого месяца».

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 30 ЯНВАРЯ 1792 г.

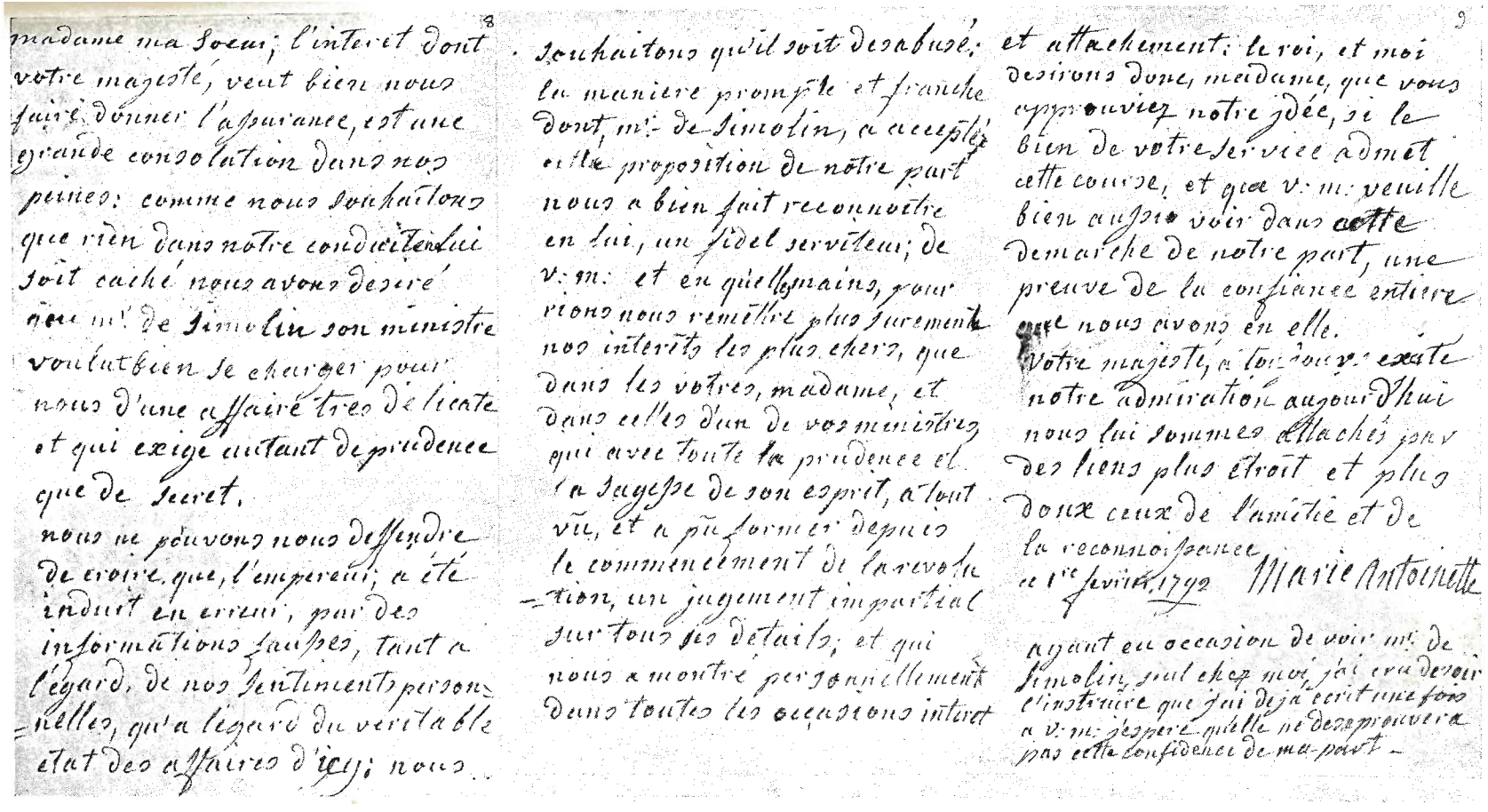
№ 6

Париж, 19/30 января 1792 г.

Милостивый государь,

Как только я был предупрежден шведским посланником, что получу приказание покинуть Париж и королевство, я начал принимать меры к тому, чтобы быть готовым выехать немедленно по получении этого распоряжения[1]. Г-н Новиков[2], уполномоченный поддерживать и продолжать корреспонденцию, пока обстоятельства не позволят мне вернуться на мой пост, передал мне депешу вашего сиятельства от 5-го прошлого месяца, содержание которой поставило меня в полную известность относительно взглядов императрицы на нынешние взаимоотношения между Россией и Францией и о ее милостивых намерениях, исполнение которых с самою добросовестною точностью я считаю для себя законом. Я дождался, чтобы пришел день обычных совещаний с послами и иностранными министрами, и уведомил г. де Лессара, что я просил разрешения отлучиться со своего поста для поездки по личным делам, получил это разрешение и, желая им воспользоваться, хочу представить ему г. Новикова в качестве поверенного в делах до моего возвращения. Через три дня министр мне ответил, что он не назначил мне часа для встречи, о чем я его просил, потому что предполагал сам заехать ко мне, но переезд на новую квартиру и хлопоты, с этим связанные, помешали ему, и, опасаясь каких-нибудь новых препятствий, он предлагает быть к моим услугам на другой день, в субботу между 2 и 3 часами, если это мне удобно.

Я отправился к нему в сопровождении г. Новикова. Он принял нас с наивозможнейшей любезностью и выразил мне свои сожаления по поводу того, что обстоятельства момента не доставили ему случая, с тех пор,



8

madame ma Soeur; l'interet dont votre majesté, veut bien nous faire donner l'apparance, est une grande consolation dans nos peines: comme nous souhaitons que rien dans notre conduite lui soit caché nous avons desiré que m.r de Simolin son ministre voulut bien se charger pour nous d'une affaire tres delicate et qui exige autant de prudence que de secret.

nous ne pouvons nous dessendre de croire, que, l'empereur, a été induit en erreur, par des informations fausses, tant a l'égard, de nos sentiments personnelles, qu'a legard du veritable etat des affaires d'ici; nous souhaitons qu'il soit desabusé; la maniere prompte et franche dont, m.r de Simolin, a accepté cette proposition de notre part nous a bien fait reconnoitre en lui, un fidel serviteur; de v. m. et en quelque mains, pourrions nous remettre plus surement nos interets les plus chers, que dans les vôtres, madame, et dans celles d'un de vos ministres qui avec toute la prudence et la sagesse de son esprit, a tout vû, et a pû former depuis le commencement de la revolution, un jugement impartial sur tous les details; et qui nous a montre personnellement dans toutes les occasions interet

9

et attachement: le roi, et moi desirons donc, madame, que vous approuviez notre idée, si le bien de votre service admet cette course, et que v. m. veuille bien aussi voir dans cette demarche de notre part, une preuve de la confiance entiere que nous avons en elle.

Votre majesté, a toujours excité notre admiration aujourd'hui nous lui sommes attachés par des liens plus étroit et plus doux ceux de l'amitié et de la reconnoissance

ce 1.re février 1792 Marie Antoinette

ayant eu occasion de voir m.r de Simolin, seul chez moi, j'ai cru devoir l'instruire que j'ai deja ecrit une fois a v. m. j'espere qu'elle ne desapprouvera pas cette confidence de ma part –

АВТОГРАФ ПИСЬМА МАРИИ-АНТУАНЕТТЫ К ЕКАТЕРИНЕ II ОТ 1 ФЕВРАЛЯ 1792 г., ПЕРЕСЛАННОГО ЧЕРЕЗ СИМОЛИНА

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

как ему вверен департамент иностранных дел, войти со мной в сношения, чего он так желал, и высказал надежду, что мое отсутствие не будет длительным. Тут же я попросил его о паспорте, и он обещал позаботиться о нем.

Так как не принято просить аудиенции, когда министр отправляется в отпуск, то, следуя этому, я попросил вчера предупредить короля и королеву, что я буду отсутствовать по причине отпуска, вчера же поверенный в делах имел честь быть представленным их величествам и принцессе Елизавете.

Хотя я не получил аудиенции, которая могла бы состояться лишь в присутствии министра иностранных дел, а у королевы в присутствии многочисленного двора, их величества, тем не менее, были осведомлены как официально, так и частным образом относительно уверений в дружбе и участии, о которых мне поручено было им передать от имени ее императорского величества, и были этим в высшей степени растроганы. Я могу сейчас только сообщить, что они смотрят на императрицу, как на ангела-хранителя, что питают к ней самое глубокое и полное доверие, и душа их всегда будет безгранично открыта для нее.

Я не преминул дать г. Новикову необходимые указания относительно его поведения и переписки в духе тех директив, какими я сам руководствовался. Я ему очень рекомендовал избегать, насколько возможно, всяких переговоров с теперешним французским министерством, ограничиваться получением сведений о самых важных событиях и давать об этом отчет нашему двору.

Я указал ему несколько источников информации, но не считал себя вправе сообщить ему, несмотря на всю его скромность, один или два из тех, которыми я, главным образом, пользовался. Я введу его в салон, представляющий собой род клуба, где он сможет каждый вечер встречаться с хорошо осведомленными людьми и где ему будет легко завязать с ними связи. Я также постараюсь сохранить и поддерживать свои связи, о чем позабочусь до своего отъезда.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и преданнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 53, л. 62. Шифровано. Получено 10 февраля.

[1] Повеление покинуть Францию было получено Симолиным из Петербурга через три недели после того, как он был предупрежден об этом шведским посланником в Париже (см. «Архив кн. Воронцова», М., 1878, кн. 8, 235).

[2] См. выше депешу вице-канцлера гр. И. А. Остермана от 5/16 декабря 1791 г.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 30 ЯНВАРЯ 1792 г.

[*Без №*]

Париж, 19/30 января 1792 г.

Милостивый государь,

Напомнив содержание моего последнего письма, имею честь сообщить вашему сиятельству, что я убедил нашего конфидента войти в сношения с г. Новиковым и что они познакомились третьего дня утром. Однако, я условился с ним, что возьму с собой шифр, который он составил для нашей переписки, и что мы непосредственно возобновим ее в случае, если произойдет окончательный разрыв с нашей миссией. Письма мне

будут доставляться без адреса, через посредников, следов которых нельзя будет обнаружить, и так же будет поступлено и с письмами, которые я при случае буду ему писать, но, пожалуй, без этого можно будет обойтись.

Я предупредил г. Новикова, что назначенное конфиденту вознаграждение по тысяче ливров в месяц ему выдано вперед по 1 сентября текущего года и что 9 тысяч ливров, которые я ему выдал, я заимствовал из сорока тысяч, находившихся у меня на хранении. Из Брюсселя я буду иметь честь послать вашему сиятельству его расписку с г. Головачевским, которого я отправлю в С.-Петербург в сопровождении лакея, моего старого слуги, преданность которого мне известна. Я уже отдал распоряжение приготовить в Брюсселе хорошую почтовую карету, чтобы отъезд их возможно меньше задержался.

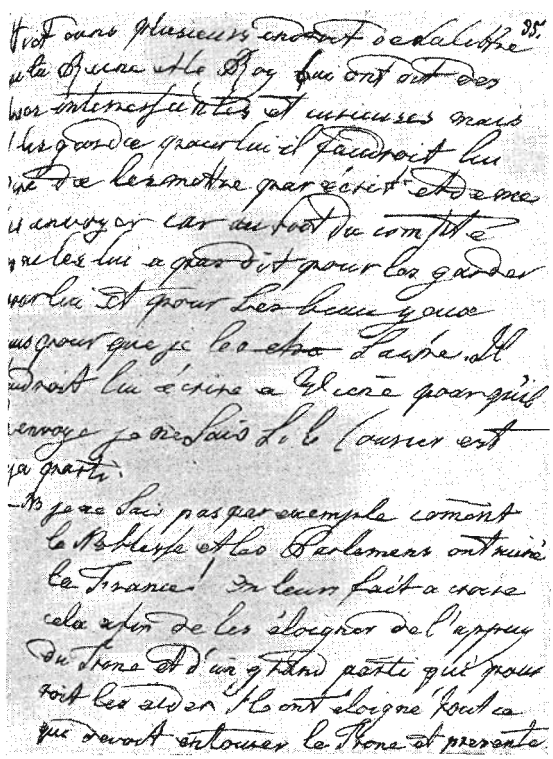
Имею честь приложить копию ответа г. Делессара[1] французскому поверенному в делах в Стокгольме, из которого видно, что министерство очень обрадовано тем, что положение дел при шведском дворе не привело к формальному разрыву всех сношений.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 53, л. 69. Шифровано. Получено 10 февраля.

[1] Следующее донесение от этого же числа содержит шифрованную копию письма— «Copie de la lettre de Mr Delessart à Mr de Gaussen, chargé d'affaires de France à Stockholm du 19 janvier 1792».



ЗАМЕТКИ ЕКАТЕРИНЫ II К МЕСТАМ, ОТМЕЧЕННЫМ ЕЮ „NB" НА ПИСЬМЕ СИМОЛИНА ОТ 31 ЯНВАРЯ (11 ФЕВРАЛЯ) 1792 г.

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

ПИСЬМО СИМОЛИНА К ЕКАТЕРИНЕ II ОТ 11 ФЕВРАЛЯ 1792 г.

[*Без №*]

Брюссель, $\frac{\text{31 января}}{\text{11 февраля}}$ 1792 г.

Ваше величество,

С некоторых пор у меня установились более тесные взаимоотношения с королевой, и ее величество просила меня несколько недель тому назад подыскать ей человека, скромность и осторожность которого мне были бы хорошо известны, чтобы доверить ему письмо к императору, ее брату[1], и поручить лично сообщить ему об истинном состоянии дел, о несчастном положении короля и королевской семьи, об их образе мыслей, совсем ином, чем тот, какой они вынуждены показывать, и чтобы опровергнуть ложные сведения, которые, повидимому, даны об этом его императорскому величеству. Хотя я вместе с одним лицом, тоже иностранцем, к которому равным образом обратились за такою услугой, пытался найти подходящего для такого поручения человека, с которым было бы безопасно иметь дело, мы ни на ком не могли остановить выбора. Королева, узнав некоторое время спустя, что я получаю отпуск и покидаю свой пост и что мне будет предоставлено право выбрать место, куда я хотел бы поехать, поручила разузнать у меня, не расположен ли я взять на себя исполнение ее просьбы и этого деликатного поручения, будучи убежденной в том, что ваше императорское величество примете за неопровержимый знак доверия то, что одному из ваших посланников вручаются самые насущные ее интересы, и будучи уверенной заранее, что вы соблаговолите одобрить мое почтительное согласие выполнить это предложение[2]. Так как я имел возможность непосредственно наблюдать ужасное положение их христианнейших величеств, которые одиноки и не могут довериться нескромным, самонадеянным французам, находящимся в сношениях с принцами или с их друзьями, и так как я был польщен знаком доверия, оказанным вашему императорскому величеству их величествами, остановившими на мне свой выбор, я не мог воздержаться от ответа, что согласен на все, что их величества сочтут нужным мне повелеть, и что я был бы счастлив, если бы смог оказать им полезную и приятную услугу, выразив при этом уверенность, что мое поведение встретит одобрение вашего императорского величества.

Прежде чем проститься, я сообщил королю и королеве краткое содержание полученной мной депеши от 5 декабря, уполномочивающей меня выразить им как публично, так и наедине самые искренние уверения в горячей дружбе вашего императорского величества и в живом и непрестанном вашем участии к их благополучию и о ваших намерениях содействовать ему всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами.

В тот же вечер, в воскресенье, королева предупредила меня через одного из своих секретарей, пользующегося ее доверием, что на другой день в шесть часов вечера она пришлет его за мной, что он проведет меня к ней и что мне можно быть во фраке и в пальто. Ее величество приняла меня в своей спальне, и после того, как сама заперла наружную дверь на задвижку, она сказала мне, что не в силах выразить те чувства признательности к вашему императорскому величеству, которыми она и король проникнуты за вашу дружбу и благородный и великодушный образ действий, что они тронуты доказательством моей преданности и участия к ним, о чем всегда будут помнить. Она прибавила, что я застал ее за составлением писем, которые она предполагает написать вашему императорскому величеству

и императору, своему брату. Она дала мне прочесть их, говоря, что если я найду нужным что-нибудь к ним добавить, она это сделает. Сев и при-
NB гласив меня занять место рядом с собой, она подробно остановилась на положении их величеств, говоря, что ваше императорское величество уже осведомлены об истинных их взглядах на создавшееся положение из письма, адресованного ею вам к празднику рождества через барона де Бретёйля, уполномоченного вести переписку от их имени с иностранными державами[3].
NB Она почтила меня рассказом о бегстве из Тюильри,—по ее мнению, они были
NB преданы одной из камеристок,—затем рассказала о том, что произошло с ними, начиная с 21 июня. Были моменты во время этого рассказа, когда глаза королевы помимо ее воли наполнялись слезами. После часовой беседы вошел король; он оказал мне честь, сказав, что хотел бы повидать меня наедине перед моим отъездом; он подтвердил все то, что мне ранее сказала королева, причем вкратце повторил некоторые факты. Королева
NB сказала, в присутствии короля, что ваше императорское величество счастливы во всех своих начинаниях во время своего славного царствования и что она питает в душе уверенность, что вы будете так же счастливы в великодушной защите дела всех государей. Король одобрил ее слова и дал мне понять, что вся их надежда на вас. Он прибавил, что в Петербурге и Стокгольме, кажется, желают, чтобы ему удалось выехать из Парижа, но что он не видит никакой возможности для этого, да и не знает, к чему бы это привело, кроме лишь того, что ему пришлось бы играть роль претендента. Он сообщил мне также о письме прусского короля, в котором этот монарх со всей ясностью ставит вопрос о возмещении убытков, которые причинила бы война. Я напомнил его величеству, что баварскую войну покойный прусский король сумел довести до конца, хотя и он очень любил деньги. Однако, я знаю, что их величества отнюдь не имеют намерения возложить расходы по войне на прусского короля, и они считают, что справедливость требует возмещения этих расходов впоследствии в сроки, о которых будет договорено. Тем не менее, возможно, что если бы все державы выступили в полном согласии, с одною общею целью, им удалось бы повергнуть впрах партию мятежников и сторонников республики, не будучи вынужденными переходить к действиям. С другой стороны, можно смело поручиться, что если такое положение вещей продлится еще два года, королевская власть будет уничтожена и во Франции не будет больше короля.

Король, пробыв у королевы около часа, удалился, проявив ко мне большую благосклонность и выразив желание вскоре увидеть меня вновь. Я ему ответил, что самым счастливым моментом моей жизни будет тот, когда я смогу повергнуть себя к стопам их величеств. Прежде чем король вышел из комнаты, и он и королева заметили, что они вынуждены искать и находить утешение и участие у иностранцев, ввиду исключительности своей судьбы, и оба признали, что дворянство и парламенты разорили
NB—NB Францию и что банкротство неизбежно.

Затем королева возобновила разговор и не скрыла от меня, как тяжело у нее на сердце от холодности и непостоянства ее брата, который, по ее словам, сохранил на троне образ мыслей маленького тосканского герцога, произвел на свет 17 или 18 человек детей, которыми он только и занят, и не проявляет никакого участия к своим родственникам. Несчастие ее в том, что она рассталась с братом 26 лет тому назад, будучи еще совсем ребенком. Особенно больно затронуло ее, по ее признанию, то, что импе-

ратор не ответил ей на полное убедительных просьб письмо, посланное ему в сентябре прошлого года через графа де Мерси; это молчание свидетельствует, как мало он принимает участия в ее положении и в том, что происходит во Франции, хотя он должен бы опасаться распространяемой ею заразы.

Я затрудняюсь передать вашему императорскому величеству все сказанное во время беседы, продолжавшейся около трех часов. Следствием этой беседы будет то, что по прибытии в Брюссель я немедленно отправлю с доверенным лицом вместе с моей депешей письмо королевы к вашему императорскому величеству и копию с ее письма к императору, которое подлежит вручению ему в собственные руки. Доверив полностью тайну моего поручения барону де Бретёйлю и графу Ферзену, а также графу де Мерси, кое-что, впрочем, от него скрыв, я выеду в Вену под предлогом воспользоваться отпуском и повидать в Германии друзей. Обо всем этом была осведомлена королева, которая соблаговолила вручить мне письмо для императора, причем она просила, если представится случай, лично сообщить ему
NB о состоянии дел во Франции, о положении короля и королевской семьи. Переговорив об этом же с посланником вашего императорского величества, князем Голицыным, и отдохнув несколько дней, я вернусь в Брюссель и буду ждать там распоряжений, которые ваше величество найдете нужным мне сообщить. Затем я дам знать через барона де Бретёйля в Тюильри о впечатлениях, произведенных моими сообщениями на императора и князя Кауница[4], которому я просил королеву написать несколько строк. Она обещала сделать это и прислать вместе со своими письмами и портфель с очень важ-
NB ными бумагами, которые надлежит положить в королевскую сокровищницу, где хранятся с февраля месяца прошлого года ее бриллианты[5].

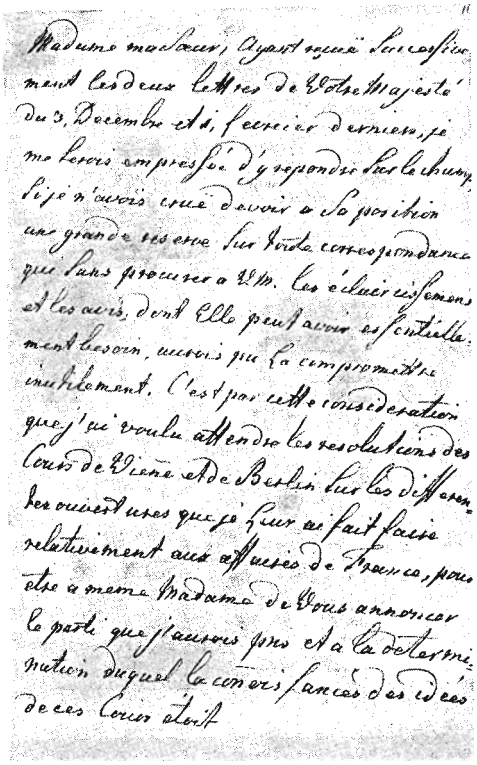
По поводу принцев, королева сказала, что у нее нет ни малейших сомнений в чувствах привязанности и дружбы к королю его братьев, но что они, повидимому, введены в заблуждение и порабощены г. де Калонном, который с их помощью надеется играть первую роль во Франции; что она желала бы, чтобы державы, проявляющие интерес к общему делу, употребили свое влияние, чтобы побудить графа д'Артуа отправиться в Испанию и в Турин и что для предотвращения неисчислимых бед было
NB + бы желательно уничтожить влияние принцев и эмигрантов и чтобы выступали одни только державы.

На мое замечание, что, быть может, причиной или поводом осторожности императора в принятии решений является опасность, которой могла бы быть подвергнута ее жизнь и жизнь королевской семьи, она ответила, что король и его сын нужны нации, что она за них нисколько не боится, а что касается ее самой, то для нее все безразлично, лишь бы они были спасены, и что она меньше боится смерти, чем жизни среди унижений, когда ей каждый день приходится пить чашу оскорблений, горечи и желчи.

Я выехал из Парижа во вторник 27 января (7 февраля) и прибыл сюда
NB в четверг 29/9-го. После беседы с бароном де Бретёйлем и графом Ферзеном, ознакомившими меня с очень интересными письмами и документами, а также беседы с графом де Мерси, политика которого столь же изменчива, как и политика его двора, самым спешным делом было для меня отправить моего давнишнего слугу[6], преданность которого испытана, с настоящей важной депешей и наказать ему ехать с такой скоростью, какая только будет возможна в зависимости от погоды и времени года.

АВТОГРАФ НЕЗАКОНЧЕННОГО ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ II К МАРИИ-АНТУАНЕТТЕ

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва



В надежде, что ваше императорское величество соблаговолите милостиво одобрить мое поведение и решение, которое я принял, не дожидаясь вашего соизволения, остаюсь с глубочайшим уважением, всемилостивейшая государыня, вашего императорского величества верноподданный

Иван Симолин

P. S. Королева просила меня передать вашему императорскому величеству ее извинения за формат бумаги, на которой она написала свое письмо; это сделано с той целью, чтобы возможно легче было его спрятать, ввиду того, что никто не защищен от насилий в этой стране.

Однако, со мной ничего не случилось в дороге, и только на границе у меня потребовали предъявления паспорта.

Королева поручила мне сообщить вашему императорскому величеству об обращении к правящему герцогу Брауншвейгскому. Военный министр написал этому государю и предложил ему от имени короля командование французской армией, а его величество был вынужден лично от себя сопроводить это предложение письмом, в котором им было высказано герцогу много любезного. Ответ герцога был весьма почтителен, однако, герцог отказался от предложения, заявив, что в качестве члена германской империи, а также ввиду своих тесных связей с Бранденбургским домом и по состоянию здоровья, он не может принять этого столь лестного для него предложения. В прошлую субботу г. де Нарбонн[7] предложил в Совете снова написать герцогу и повторить то же предложение, но Совет не согласился с ним, и этим дело кончилось.

Граф де Мерси и барон де Бретёйль были того мнения, что я должен представиться их королевским высочествам до моего отъезда из Брюсселя,

что и произошло на вчерашнем вечернем приеме. Эрцгерцогиня, молодой эрцгерцог и герцог Тешенский оказали мне очень милостивый прием. Через час я сажусь в карету, чтобы ехать дальше; мое путешествие, ввиду плохих дорог, при всем старании потребует 12 дней. Ut in humill[issimis] litt[eris].

Иван Симолин

«Rapports en cour», к. 53, л. 4.

К письму приложен конверт с надписью: «Ее императорскому величеству всея Руси и т. д., и т. д.» с двумя сургучными печатями.

Знаки NB поставлены на полях письма собственноручно Екатериной II. В бумагах быв. Гос. архива (ГАФКЭ, I отд., X, № 69) сохранилась следующая записка Екатерины II на французском языке, написанная ею по прочтении письма Симолина, в которой поясняется значение некоторых nota-bene:

Он [Симолин] говорит в нескольких местах своего письма, что король и королева сообщили ему много интересного и любопытного, но он все хранит для себя. Надо было бы ему сказать, чтобы он изложил все письменно и прислал бы мне, потому что, в конце концов, ему обо всем рассказали не для того, чтобы он все хранил для себя и не ради его прекрасных глаз, а для того, чтобы я обо всем знала. Надо было бы ему написать в Вену, чтобы он все мне прислал, но я не знаю, не отправлен ли уже курьер.

NB—NB. А вот я, например, не знаю, каким образом дворянство и парламенты разорили Францию. Им [Людовику XVI и Марии-Антуанетте] это внушают, чтобы отдалить от тех, кто служит поддержкой трона, и от той влиятельной партии, которая могла бы им помочь. Теперь они отстранили всех, кому следовало бы окружать трон, и заявляют, что около них одна сволочь. Они говорят, что они одиноки, всеми покинуты, и это верно, ибо там у них никто уже не занимает места, соответствующего ему по праву и положению. В конце концов, я одобряю поведение Симолина, они так несчастны, что помощь им, конечно, является добрым делом, если только все это не продиктовано Демагогом, орудием которого может стать российский министр. Это подозрение мне внушает как предложение послать графа д'Артуа в Испанию, так и выступление против дворянства и парламентов.

Место, отмеченное NB, ясно, как день, и г. Бомбель не сможет больше спорить. Боятся, как бы дворянство, парламент и принцы не восстановили власти короля!

К письму приложены:

1. Собственноручное письмо Марии-Антуанетты к Екатерине II (хранится отдельно от донесения—ГАФКЭ, I отд., IV, № 154)

1 февраля 1792 г.

Государыня и сестра моя,

Участие, в котором ваше величество соизволили нас заверить, явилось большим утешением в нашем горе; не желая, чтобы что-либо в нашем поведении оставалось скрытым от вас, мы выразили пожелание, чтобы г. Симолин, ваш посланник, взял на себя выполнение для нас одного очень деликатного поручения, требующего столько же осторожности, сколько и соблюдения тайны.

Мы не можем отказаться от мысли, что император был введен в заблуждение ложными сообщениями как о наших личных чувствах, так и об

истинном положении вещей здесь; нам хотелось, чтобы кто-нибудь вывел его из этого заблуждения. Готовность и искренность, с которыми г. Симолин принял это наше предложение, позволили нам признать в нем верного слугу вашего величества. А в чьи же руки могли бы мы с большей уверенностью передать наши самые насущные интересы, как не в ваши, государыня, и как не в руки одного из ваших министров, отличающегося осторожностью и мудростью, который был всему очевидцем и мог с самого начала революции составить себе обо всем беспристрастное суждение и который выказывал лично нам при всех обстоятельствах участие и преданность.

МАРАТ
Работа неизвестного мастера конца XVIII в., воск
Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

Если его путешествие не нарушает интересов службы вашего величества, то король и я, мы желали бы, чтобы вы одобрили нашу мысль и в этом нашем поступке соблаговолили видеть свидетельство полного нашего к вам доверия.

Ваше величество всегда вызывали наше восхищение, теперь же мы привязаны к вам более тесными узами и более нежными чувствами дружбы и признательности.

Мария-Антуанетта

Я имела случай видаться с г. Симолиным наедине и сочла своим долгом поставить его в известность о том, что однажды уже писала вашему величеству; надеюсь, что этот знак моего доверия к нему не вызовет с вашей стороны неодобрения.

2. Копия [рукою Симолина] письма королевы Франции к императору, ее брату

1 февраля 1792 г. [нов. ст.]

Долго пыталась я найти, мой дорогой брат, кого-нибудь, кто мог бы сообщить вам о наших истинных чувствах и ознакомить с действительным положением дел в стране: каждого француза вы заподозрили бы в преувеличении в ту или иную сторону. Г-н Симолин, которому его государыня предоставила отпуск, охотно взял на себя переговорить с вами от нашего имени; вы можете отнестись к нему с полным доверием; он видел и наблюдал революцию с самого начала и во всех ее подробностях. Глубина его ума, искренность и прямота, с которыми он принял наше предложение поехать к вам, доверие, которым почтила его императрица, наконец, участие, которое нам оказывает эта государыня,—все это должно внушить вам полное доверие к тому, что он вам скажет от нашего имени. Я не вхожу ни в какие подробности, потому что он был любезен все это взять на себя. Я ограничиваюсь потому, мой дорогой брат, уверением в нежной и ненарушимой к вам дружбе, с которой я обнимаю вас от всего моего сердца. Целую мою невестку и всех ваших детей.

3. Копия [рукою Симолина] записки королевы к князю Кауницу

1 февраля 1792 г. [нов. ст.]

Верьте, милостивый государь, всему, что податель этой записки вам скажет; он правильно судит и хорошо знает наше положение; я счастлива, что имею случай уверить почтенного и верного слугу Марии-Терезии в том, что ее дочь будет всегда стремиться, что бы ни случилось, быть достойной такой матери и заслужить уважение ее министра и друга.

Мария-Антуанетта

[1] Леопольду II австрийскому (император с 1790 г.).

[2] Екатерина II одобрила данное Симолиным согласие на выполнение поручения Марии-Антуанетты и предложила ему приехать в Петербург для более подробного доклада о его поездке в Вену.

[3] Подлинник этого письма Марии-Антуанетты (от 3 декабря 1791 г.) хранится в ГАФКЭ, I отд., IV, № 154. Письмо было по копии и не вполне исправно опубликовано в собрании документов Feuillet de Conches, IV, 276—281. Местонахождение оригинала в момент опубликования текста было неизвестно. На стр. 505—508 мы даем факсимильное воспроизведение оригинала, а здесь приводим русский перевод текста письма:

Париж, 3 декабря 1791 г.

Государыня и сестра моя,

Я пользуюсь первой надежной оказией, чтобы выразить вашему величеству чувство благодарности, преисполняющей мою душу, за все то участие к нашему ужасному положению, которое вы непрестанно выказываете. Но сердце мое оставалось бы неудовлетворенным, если бы оно не открылось вам полностью, с доверием, к которому так располагают и ваше участие, и благородство вашей души, и ваш возвышенный характер. Мы предоставлены всецело самим себе, не имеем около себя никого, на кого мы могли бы положиться, и я хочу попытаться сама обрисовать вам наше положение, прося заранее снисхождения вашего величества,—я плохо разбираюсь в политике, мне незнаком ее язык, влечение сердца одно лишь руководит мной.

Я начну с описания того момента, о котором вашему величеству чрезвычайно важно иметь ясное представление, чтобы судить о нашем поведении. Король принял конституцию не потому, что он признал ее хорошей или хотя бы осуществимой, но исключительно ради того, чтобы не создавать повода к еще бо́льшим волнениям и несчастиям в королевстве, которые крамольники не преминули бы приписать его отказу. Он принял ее в надежде лучше вскрыть все ее недостатки и, делая вид, что желает провести ее в жизнь, этим на практике показать всю ее непригодность. Король при-

нял ее, наконец, и потому, что он находился в полном неведении, каковы намерения других держав в отношении его. Ах, государыня, мне не следовало бы жаловаться, но все те, кто в силу уз крови и чести и из участия могли, должны были осведомлять и поддерживать нас в это время, все они под влиянием пустых опасений, которые я могу объяснить лишь заботами о нашей личной безопасности, оставляли нас в полном неведении относительно предположений иностранных держав. Предоставленные самим себе, что могли мы делать? Пришлось принять конституцию, чтобы постараться вернуть к себе большинство нации, лишь сбитой с толку ордой мятежников и безумцев, чтобы спасти жизнь и существование честным людям, которые есть еще во Франции и которые, оставаясь верными своему королю и своему долгу, но слишком слабые и всеми, как и мы, покинутые, стали бы первыми жертвами. Мы вовсе не поддавались чувству слабости: страх за себя не может оказывать воздействия на наши души. Унижения, которые мы постоянно переносим, бесчинства, свидетелями которых мы являемся, не будучи в силах их пресечь, не имея возможности их приостановить, злодейство, которым мы окружены, подозрительность, которую мы вынуждены проявлять даже в самом тесном своем кругу,—разве это не длительная нравственная смерть, в тысячу раз худшая физической смерти, освобождающей от всех зол? Вашему величеству хорошо ведомы все виды мужества, и вы должны признать, что нужно самое большое мужество, чтобы переносить подобные мучения. Но я слишком много говорю вам о столь печальных вещах; нужно подумать о средствах к их устранению, и мы с доверием обращаемся к вашему великодушию, к вашей возвышенной душе.

С июля месяца я прошу, я умоляю императора заняться нашими делами. Я тогда же предложила брату план созыва вооруженного конгресса, на который собрались бы все державы. Вооруженные силы, которыми располагал бы этот конгресс, должны были бы оставаться в отдалении, с одной стороны, для подкрепления принятых им решений и во избежание несчастий, которые могло бы вызвать внутри королевства появление иностранной армии, с другой. Создавшееся положение требовало быстрых решений, и если бы тогда император мне ответил, он определил бы наше поведение в отношении принятия конституции, хотя действия короля в данном случае могли измениться больше по форме, чем по существу. Проект конгресса представляется мне единственным средством достижения для нашей страны прочных и благоприятных результатов. Различие в убеждениях, партийная нетерпимость—все это служит препятствием для какого-либо согласия без вмешательства держав. Но король принял конституцию, он должен был сделать вид, что совершил этот акт добровольно, и ему нельзя поэтому ни в каком случае ссылаться на принуждение. Только факты, только условия его повседневной жизни показывают, как все это обстоит в действительности.

Следовало бы, поэтому, чтобы создалось впечатление, что конгресс прежде всего созван в общих интересах, для установления общего равновесия в Европе, а наша страна дает для этого достаточно поводов. Лицо, которое берется доставить вашему величеству это письмо, сможет одновременно переслать вам составленные мной замечания относительно основных положений, которые следует выдвинуть в первую очередь на конгрессе. Очень важно, чтобы казалось, что сами мы совершенно к нему непричастны, и чтобы мы могли даже здесь ни в чем не отступать от принятой нами линии поведения, дабы не вызывать ни малейшего подозрения и внушать доверие, которое одно только может вернуть нам расположение народа, когда он осознает, наконец, свои несчастия и бедствия, проистекающие от нынешнего положения вещей. Но для этого необходимо, чтобы мы действовали согласно его желаниям и чтобы только наши истинные друзья знали наши настоящие чувства,—а этот путь, сознаюсь, очень труден, но этот путь верен, в особенности, если ваше величество пожелаете нам помочь.

Исключительною осторожностью, которую необходимо соблюдать во всех наших планах и во всех наших действиях, объясняется то, что нам невозможно было осведомить братьев короля о нашем образе мыслей, но избави бог заключить из этого о существовании между нами какого-либо недоверия (как об этом распространяют слухи). Мы судим об их чувствах на основании наших собственных, и мы хорошо знаем, что они заняты заботами только о нас. Но совсем иначе обстоит дело с их окружением: легкомыслие одних, болтливость других, наконец, честолюбие некоторых—все это диктует нам суровую необходимость воздерживаться от полной откровенности, которой они заслуживают по своим личным чувствам. Итак, вашей мудрости и тому влиянию, которое вы на них имеете в силу ваших милостей, вверяем мы, ваше величество, наши самые дорогие интересы. Соблаговолите, не выдавая нас, направлять деятельность принцев в полезном для нас духе, внушив им, что всякие их

несогласованные выступления могут только погубить и без того слишком несчастную их родину. Если бы даже при помощи сильной армии представилась возможность предпринять что-нибудь серьезное, то и тогда необходимо, чтобы принцы и все французы вообще оставались на заднем плане. Здесь уже начинают понимать все совершенное зло,—немного постоянства и терпения, и мы добьемся своей цели внутри страны. Но для этого необходимо, чтобы за ее пределами существовала внушительная сила, которая может найти себе объяснение без вреда для нас только при наличии вооруженного конгресса, который, сдерживая, с одной стороны, принцев, с другой—импонируя мятежникам, создал бы умеренным людям и здесь и там известную опору и явился бы для них объединяющим центром.

В этих целях мы пишем королям Испании и Швеции, на расположение которых к нам мы всецело можем рассчитывать, основываясь на открытом и благородном образе их действий. Король должен также написать прусскому королю, чтобы поблагодарить его за выраженную им готовность, но он не будет входить в подробности относительно наших планов. Не откажите оказать нам добрую услугу перед этим двором, а также перед датским двором и повлияйте на императора, чтобы он, наконец, проявил себя в отношении нас, как подобает брату.

Как видите, ваше величество, я злоупотребляю доверием, которое вы мне внушаете, но для меня явилось бы большим удовлетворением быть обязанной нашим счастием государыне, которая уже приобрела своим возвышенным характером чувства моей привязанности и восхищения. Мне будет чрезвычайно приятно присоединить к ним также и чувство благодарности.

Мария-Антуанетта

Простите, государыня, что я заканчиваю свое письмо без всяких церемоний,—я совсем не знаю этикета. Король, который дозволил мне писать вам, поручает мне передать вашему величеству, что наши чувства во всем совпадают и что он просит вас, в случае, если вы пожелаете сообщить нам что-либо, сделать это не иначе, как через барона де Бретёйля, который пользуется полным нашим доверием. Для нас в высшей степени важно, чтобы в отношении всякого другого тайна была соблюдена.

Вместе с этим письмом в том же фонде (ГАФКЭ, I отд., IV, № 154) сохранились второе письмо Марии-Антуанетты к Екатерине II, от 1 февраля 1792 г., пересланное с Симолиным (см. его текст в приложениях к данному донесению), и незаконченное ответное письмо Екатерины II на французском языке, повидимому, так и оставшееся недописанным и неотправленным. Приводим текст этого отрывка:

Государыня и сестра моя,

Получив одно за другим два ваших письма, от 3 декабря и от 1 февраля, я ответила бы вам незамедлительно, если бы не считала себя обязанной, учитывая ваше положение, соблюдать большую осторожность в переписке, которая, не давая вашему величеству настоятельно необходимых вам разъяснений и советов, могла бы только понапрасну вас скомпрометировать. В силу этих соображений я остановилась на мысли выждать решений венского и берлинского дворов в ответ на ряд предложений, с которыми я повелела обратиться к ним по поводу французских дел, чтобы иметь затем возможность сообщить вам и свое решение, для принятия которого осведомленность относительно мнений этих дворов была [необходима]...

[4] Kaunitz Венцель-Антон-Доминик, князь Ритберг (1711—1794)—австрийский государственный канцлер.

[5] «Портфель с очень важными бумагами» королевы, повидимому, действительно, был прислан Симолину и сдан им на хранение в сокровищницу австрийского королевского дома в Брюсселе. Из опубликованного A. Söderhjelm дневника Ферзена известно, что, когда революционная армия подходила в ноябре 1792 г. к Брюсселю, Ферзен (как он собственноручно записал об этом в дневнике под 9 ноября) озаботился о спасении портфеля, укрыв его в экипаже Симолина, когда они спешно покидали Брюссель («Fersen et Marie-Antoinette. Correspondance et journal intime inédits du c-te Axel de Fersen», P., 1929,—запись в дневнике Ферзена от 9 ноября 1792 г.). В настоящее время установлено, что в числе важных бумаг этого портфеля находилась секретная переписка Марии-Антуанетты с Барнавом (июль 1791 г.—январь 1792 г.), обнаруженная лишь в 1912 г. в Швеции, в замке, принадлежащем потомкам сестры Ферзена. Та же A. Söderhjelm—автор новейшей публикации этой важной политической переписки—высказала предположение об участии Симолина в деле сохранения для истории этих документов, но не

ПЬЕР СЕГЬЕ

Рисунок Клода Меллана, 1639 г.

Эрмитаж, Ленинград

могла установить, каким образом они попали в Брюссель. Свидетельство самого Симолина, вполне подтверждая догадку A. Söderhjelm, разъясняет этот вопрос окончательно.

[6] Этот слуга по имени Krieger был послан в конце 1792 г. из Дюссельдорфа в Париж за оставшимся там бельем и платьем Симолина, где и был арестован и после девятимесячного тюремного заключения гильотинирован (см. донесения от 11 февраля 1792 г. и от 28 апреля 1795 г.).

[7] Нарбонн, встречавшийся в салоне M-me де Сталь с Кондорсе, Бриссо и Инаром, слыл за единственного левого министра, примыкавшего к их воинственной политике, а не к Робеспьеру и его группе.

ДОНЕСЕНИЕ ОТ 29 ФЕВРАЛЯ 1792 г. ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ ГР. И. А. ОСТЕРМАНУ

[*Без №*]

Вена, 18/29 февраля 1792 г.

Милостивый государь,

Спешу передать вашему сиятельству только-что полученные здесь новости, сообщенные мне моим парижским другом.

Все, повидимому, предвещает, что Париж накануне кризиса, и даже общественное спокойствие находится, до известной степени, под угрозой. Все мирно настроенные граждане, не исключая и главных деятелей различных партий, а особенно женщины, все чувствуют некоторую тревогу от этой моды на пики, от этого неистовства, с которым взялись за их изготовление и которым охвачены вот уже две недели. Некоторые утверждают, что их наготовили до ста тысяч. Факт тот, что их уже много и что якобинцы первые подстрекали заняться этим делом, а так как они разделились на две партии, партию Бриссо и партию Робеспьера, то те и другие боятся стать жертвою этого оружия. Производилась подписка на пики; заходили даже в частные дома и к богатым людям и требовали денег на пики, а в ответ на отказ одного человека дать их, пока не будет предъявлено на это разрешение муниципалитета, просители стали угрожать ему.

Главной причиной и поводом этого брожения являются, повидимому, отчаяние, в которое повергнуто теперешнее Собрание сознанием недостаточности своего авторитета, его горячее желание приобрести большее влияние и особенно смешное стремление превратиться в Учредительное собрание, хотя бы вопреки желанию всех. Оно считает на основании своих наблюдений, что предшествовавшее ему Собрание имело успех только благодаря поддержке, которую оно оказывало народным волнениям в продолжение всего периода своего существования, а также благодаря тому, что этому Собранию часто удавалось поднимать свой авторитет при помощи народных восстаний.

Момент учреждения новой охраны короля показался Собранию подходящим для выполнения своих намерений. Сначала распространили слух, что король снова замышляет отъезд,—это повлекло за собой декрет о паспортах[1]; затем было добавлено, что королевская семья если не во главе своей охраны, то, во всяком случае, с ее помощью рассчитывает силою пробиться через заставы. Этот второй слух заставил приняться за производство пик. Собрание распространило среди народа убеждение, что бо́льшая часть Национальной гвардии готова объединиться с королевской охраной для поддержания всех начинаний исполнительной власти.

К счастию, недалеко от истины то, что Национальная гвардия совсем не разделяет предвзятого отвращения к новой охране короля, и эти воинские части склонны, как будто, жить в дружбе.

Особенно волнуются, и ныне более, чем когда-либо, республиканцы. Они обвиняют всех министров, за исключением, может быть, г. де Нарбонна,

в участии в заговоре, который, по распространяемым ими слухам, замышляет двор. Ответ императора, каков бы он ни был, даст им материал для новых обвинений; таким образом, совокупность всех этих разнообразных обстоятельств способна внушить подлинную тревогу.

Имею честь быть с почтительнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

И. Симолин

D. R., к. 53, л. 82 б. Получено 5 марта.

[1] Учредительное собрание отменило 14 сентября 1791 г. декрет 28 июня того же года, запрещавший выезд из королевства всем, кроме иностранцев и французских коммерсантов, представивших соответствующие паспорта. Но с 14 октября в Законодательное собрание вновь поступают требования об издании ограничительных и репрессивных мер в отношении выезжающих из Франции, что и привело к изданию декрета 1 февраля о паспортах. Этим декретом была установлена жесткая система паспортных ограничений не только для выезда из Франции и въезда в нее, но и для передвижений внутри страны.

ПИСЬМО СИМОЛИНА К ЕКАТЕРИНЕ II ОТ 1 МАРТА 1792 г.

[*Без №*]

Вена, $\frac{\text{19 февраля}}{\text{1 марта}}$ 1792 г.

Ваше величество,

Я прибыл сюда на тринадцатый день, испытав в дороге ужасный холод, против которого я не принял своевременно никаких мер. На другой день я явился к послу вашего императорского величества, князю Голицыну, и, чтобы облегчить себе получение отдельного приема у князя Кауница и у е. в. императора, я не счел для себя возможным скрывать от посла цель моего путешествия в Вену. Мы условились с ним говорить в обществе, что я покинул свой пост, желая использовать отпуск, который ваше императорское величество соблаговолили мне предоставить, что я решил было поехать в С.-Петербург, но, когда приехал сюда, мне передали письмо с указанием отложить исполнение моего намерения и не выезжать из того места, куда я отправился из Парижа и куда должен вернуться, отдохнув с неделю.

В тот же день посол представил меня князю Кауницу, которого он предупредил, что мне поручено передать ему письмо от королевы Франции и что я желал бы, чтобы он назначил мне особый час приема для вручения ему этого письма. Государственный канцлер оказал мне замечательный и исключительный прием, чего он не имеет обыкновения делать по отношению к иностранцам.

Он сказал мне совсем тихо: «Мы не будем говорить долго, чтобы не возбуждать подозрений, что у нас есть какие-то особые дела». Беседа приняла тогда более общий характер, и он, воспользовавшись представившимся случаем, воздал хвалу царствованию вашего императорского величества, которое всегда будет блестящей эпохой в мировой истории. Мне же он оказал честь, сказав, что уже в течение многих лет я ему известен с самой благоприятной стороны. Князю Голицыну он сообщил, что примет меня между пятью и шестью часами в своем кабинете. Я отправился к нему в назначенный час. После нескольких слов приветствия я передал министру письмо королевы. Он его распечатал, прочел и сказал: «Оно очень коротко и содержит только приветствие». Затем я ему сказал, что король и королева Франции, предложив мне поехать в Вену, поручили мне передать письмо его величеству императору и познакомить его с их

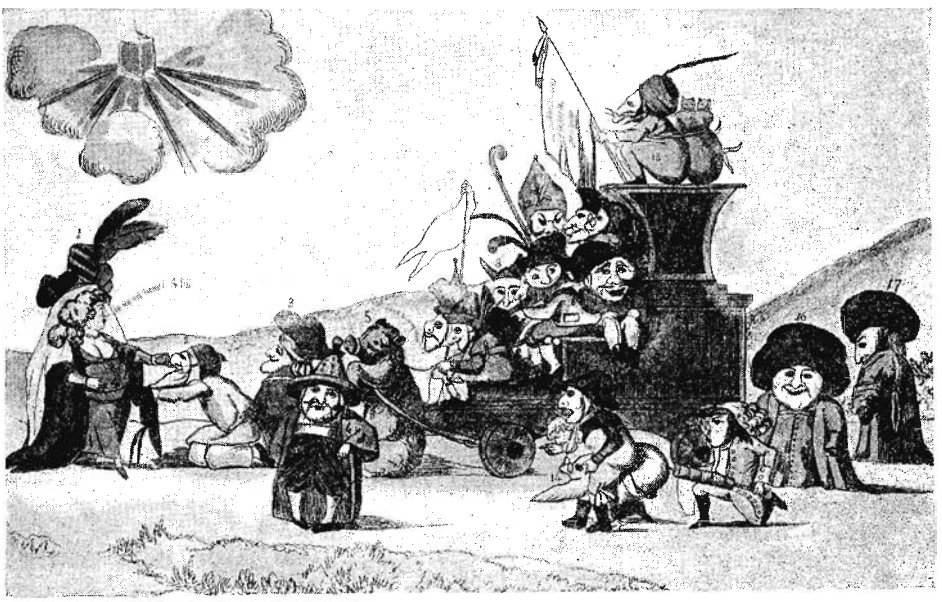
истинными чувствами и с действительным положением Франции, о чем, как им казалось, его величество император имеет превратные представления, вследствие неточных сведений, до него дошедших. Я не счел для себя возможным отказаться от исполнения воли и желания их христианнейших величеств, тем более, что я знал о том живом и постоянном участии, какое вы, ваше императорское величество, принимаете в их судьбе и их благоденствии. Затем я изложил ему то, что мне поручила сказать королева, а именно: принятие конституции не было свободным, а властно диктовалось обстоятельствами; что, если бы король был уверен в какой-нибудь поддержке иностранных держав, он отказался бы принять конституцию и что их величества отнюдь не были довольны введением нового порядка вещей, как то хотели представить. Я ему говорил об опасностях, угрожающих всем тронам, всем монархиям, о том, что, если принципы французской конституции не будут вырваны с корнем, эта зараза распространится на другие государства Европы; что от этого зависит спокойствие бельгийских провинций и что я не боюсь, утверждая это, быть опровергнутым графом Мерси. Я сказал, что считаю Французскую революцию по природе своей не имеющей примера в мировой истории и что, следовательно, она должна прервать обычную политику держав, организующих коалицию, чтобы объединить их на одном, а именно—на сохранении французской монархии, от которой в новой конституции осталась только буква, но не дух. Этим не исключается для держав возможность вернуться к принципам, которые диктуются их взаимными интересами, после того, как общая опасность будет предотвращена. Словом, я сказал этому министру все, что, по моему мнению, могло взволновать его кровь и его застывшие чувства. Судя по обдуманному и рассчитанному ответу, который он мне дал, мои слова не имели, повидимому, никакого успеха. Он мне сказал, что выслушал меня спокойно и поэтому просит меня, в свою очередь, не прерывать его. «Я размышлял,—продолжал он,—о делах Франции с хладнокровием, которым меня наградила природа. Я не понимаю, чего желают король и королева Франции: восстановления ли старого порядка вещей, что невозможно, изменения ли новой конституции, что может быть сделано только постепенно. Иностранные державы ни юридически, ни фактически не могут непрошенно вмешиваться во внутренние дела независимой нации, а их самих об этом не просят.

Национальное собрание, чувствуя невозможность вступления во Францию ста тысяч человек, на что нужно пожертвовать столько же миллионов деньгами, как будто, ничего не боится; но допустим эту возможность,—во Франции нельзя будет оставить войска, и после того, как они выступят оттуда, нация станет еще омерзительнее, чем раньше, и может подвергнуть короля заключению или даже отделаться от него более скорым способом. Нечего бояться заразы, распространяемой идеями французской секты; каждое государство должно тщательным образом наблюдать за тем, что происходит у него внутри страны, и следить, чтобы занимающиеся пропагандой эмиссары не распространяли в ней своего яда, а в случае, если они будут задержаны, вешать или даже колесовать их. Пример того состояния упадка, в котором находится Франция со времени принятия ею этих идей, может устрашить нации, которые хотели бы ей подражать». В том, что я ему только-что изложил, заключались лишь сетования, жалобы, которые он уже слышал, и он ручается, что невозможно ответить на эти доводы иначе, как общими местами и всякого рода вздором. Он не видит

даже возможности заключить союз между различными державами и поддерживать его с тем духом единения, какой необходим для успеха. Король своим утверждением конституции дал право думать, что он принял ее добровольно, а не по принуждению, и что он доволен новым порядком вещей.

Вот итоги речи, которая длилась добрых полчаса. Выслушав ее до конца, я ответил, что, по моему мнению, в намерения их христианнейших величеств не входит восстановление старого режима, доказательством чего является декларация короля от 23 июня 1789 г.[1], поскольку его величество по собственному побуждению предложил в ней более того, что нация могла до этих пор желать; кроме того, я знаю, что в намерения короля [не] входит, чтобы помощь, которая будет ему оказана для восстановления его на троне, была оказана безвозмездно, и что потом он возместит убытки, лишь бы только ему была предоставлена возможность и установлены разумные сроки для выполнения своих обязательств. Что же касается опасности, которая, по его мнению, угрожает и королю и королевскому семейству, то я могу его уверить, что королева ничего не боится, что нации нужен король и дофин, что их жизнь в безопасности, а что касается собственной особы королевы, то она менее боится умереть, чем жить в унижении и каждый день пить чашу горечи. «Вот еще общие места, сказал он,—какие я уже слышал». Я ответил, что передаю ему дословно то, что королева сделала мне честь сказать, а относительно так называемой свободы возразил, что нет оснований и не следует предполагать, что король согласился бы на свое поражение в правах и на унижение своего трона, если бы мог поступить иначе и если бы он не хотел избавить свой народ от еще больших преступлений, чем те, которые уже совершены, что, следовательно, сведения о добровольном принятии его величеством конституции и о том, что он удовлетворен новым порядком вещей, были неточны и что для того, чтобы разубедить императора, я просил дать мне возможность лично передать ему все то, что их величества сделали честь доверить мне, касающееся их истинных чувств и их действительного положения. Князь Кауниц, возобновив свою речь, просил меня считать, что данный им ответ исходил не от канцлера императора, а от частного лица, которое хотело оказать мне свое доверие. Прежде чем удалиться, я ему сказал, что мне поручено королевой передать письмо в собственные руки его величества императора и что я прошу его об одолжении предоставить мне возможность припасть к стопам его величества императора. Князь ответил, что на следующий же день он предупредит об этом его императорское величество, что это не представляет никакой трудности и что он даст мне знать о дне и часе, которые его величество назначит, чтобы принять меня. В понедельник я получил записку от князя Кауница, с приложением ответа, данного ему императором, копии которых имею честь при сем приложить. Его величество обещал принять меня в тот же день в четыре часа, разрешая мне быть во фраке и не соблюдать никаких формальностей; я не преминул отправиться в императорский замок в назначенный час. Передавая его величеству письмо королевы, я сказал ему, что из него он узнает о цели и поводе, приведших меня к его стопам. Его величество принял меня в высшей степени милостиво и ответил мне, что уже знает о цели моего приезда, что он очень рад получить, наконец, непосредственные вести от своей сестры, ибо все полученные им до сих пор были так разноречивы, что, в конце концов, он не знал, чему верить. Его величество соблаговолил выслушать возложенное на меня поручение, которое

я изложил в тех же выражениях, как и князю Кауницу, так что я не стану передавать сказанного мною, во избежание повторения. Император согласился, что принятие конституции было вынуждено обстоятельствами и что король не мог поступить иначе, не подвергая себя еще бо̀льшим опасностям. Он сознает, что король и королева не могли быть довольны новым порядком вещей, введенным революцией, принципы которой направлены к подкапыванию всех тронов и низвержению всех монархий и, следовательно, требуют внимания к себе всех властителей. По его мнению, спокойствие бельгийских провинций, равным образом, зависит от Французской революции и будет только тогда восстановлено, когда смогут ограничить ее и остановить ее успехи. Его величество осчастливил



„РОЯЛИСТСКИЙ МАСКАРАД"

Карикатура на обращение эмигрантов за помощью и приезд гр. д'Артуа в Петербург весною 1793 г.

Изображены: Екатерина II в виде Коломбины, перед ней на коленях в виде Полишинеля — граф д'Артуа. Среди персонажей маскарада: Мирабо (брат) — в костюме китайца, Гогенлоэ — верхом на папе, Брольи и другие представители контрреволюции

Исторический музей, Москва

меня вопросом, не думаю ли я, что Франция действительно объявит ему войну к 1 марта, как это декретировано Собранием. Я взял на себя смелость ему ответить, что, опираясь на здравый смысл, ожидать этого нельзя, но при таком Собрании, какое повелевает теперь Францией и которым, в свою очередь, повелевают якобинцы и их филиальные общества, ни на что нельзя рассчитывать; но я все же смею думать, что война не будет объявлена. Затем его величество сказал мне, что 6 тысяч человек уже наготове для подкрепления войск в Верхней Австрии, что будет образована армия из 50 тысяч австрийцев и такого же количества пруссаков и эта армия способна будет заставить уважать его владения. Он добавил также, что имеет основания думать, что Англия без особого удовольствия будет смотреть на то, как французы нападут на Нидерланды, что он ожидает, в тот же вечер или на другой день, прибытия г. Бишофвердера[2], без сомнения, с планом союза, который должен предложить

берлинский двор; что у него совсем готова депеша для вашего императорского величества, но что отъезд курьера отложен с целью сообщить вашему величеству с той же оказией вышеупомянутый план и замечания, которые по его поводу могут быть сделаны. Затем его величество мне рассказал о том, что к нему направлялись разные лица — одни из них говорили одно, другие другое. Это доказывало, что царит полное разногласие в планах различных партий, вредящих друг другу. Далее, его величество сетовал на то, что секретнейшие сообщения получили огласку в Кобленце[3] и передавались прежде всего в Париж. Но главным пунктом, на котором остановился его величество и к которому несколько раз возвращался, было желание узнать, действительно ли барон де Бретёйль является доверенным лицом короля и королевы, кого они уполномочили вести переписку и заключать от их имени договоры с иностранными державами. Я подтвердил его величеству, что это верно, что я слышал это из собственных уст их величеств и что все, что передавали ему в опровержение этого, лишено всяких оснований. Его величество, казалось, был удовлетворен тем, что были разрешены его недоумения и рассеяны его сомнения, которые зародились в нем по этому вопросу. Император казался расстроенным тем, что королеве внушили, будто он ничего не хочет для них предпринять. Он говорил, что его намерения неправильно истолковывались, что его хотели выставить на первый план и предоставить одному выпутываться изо всего, на что он не мог согласиться; что план его императорского величества, как будто, состоит в том, чтобы сделать Национальному собранию, когда все будет налажено и подготовлено, разумные и приемлемые для него предложения как в отношении восстановления монархии и укрепления короля на троне, так и в отношении других подлежащих урегулированию вопросов. К этим вопросам принадлежат: восстановление прежнего положения в Авиньоне[4] не в силу важности самого вопроса, а вследствие недопустимости принципов, выдвигаемых Собранием; вопрос о возвращении принцам их беззаконно нарушенных прав и вопрос выполнения договоров, существовавших до сих пор.

Когда беседа была закончена, я просил повелений его величества, с которыми мог бы вернуться в Брюссель. Он мне ответил, что я могу запросто притти, когда захочу, и попросить доложить о себе, либо его величество сам пришлет за мной. Он спросил, где я остановился и имею ли я возможность доставить королеве надежным способом то, что он хочет мне поручить, прибавив, что вручит мне письмо и мемуар, объясняющие положение дел. Я ответил, что в Брюсселе буду иметь возможность переслать королеве в полной сохранности документы, которые его величество пожелал бы мне доверить.

Я не могу пренебречь и считаю своим долгом довести до сведения вашего императорского величества о предупредительности и рвении, которые проявил ваш посол князь Голицын, сделав все от него зависящее, чтобы обеспечить мне специальный прием у наиболее выдающихся особ императорского двора, какими являются вице-канцлер империи князь де Коллоредо и вице-канцлер граф де Кобенцль[5]. Хотя у меня не было никаких тайн от вышеупомянутого посла, осторожность и скромность которого мне известны уже много лет, он все же оставил меня наедине с этими министрами императора, чтобы не стеснять нас во время наших бесед. Я очень доволен первым из них; я полностью посвятил его в мой разговор с князем Кауницем и его величеством императором. В вопросе об оказании

поддержки и совместном выступлении всех монархов Европы он придерживается взглядов и мнений, желательных вашему императорскому величеству и их христианнейшим величествам. Он сообщил мне по секрету о том, что произошло в совете, когда обсуждался вопрос о посылке войск: возражения были сделаны только со стороны канцлера империи и двора его императорского величества, а также бароном Шпильманом, человеком очень ограниченного ума и боязливого и мнительного характера. Это сообщение доказывает искренность и прямодушие г. де Коллоредо. Он сказал мне также, что в тот же вечер после моей аудиенции видел императора, что он нашел его таким взволнованным, каким никогда еще не видел; что необходимо влиять на него и что он будет пользоваться каждым удобным случаем, чтобы говорить ему о необходимости, не теряя времени, принять решительные меры и что чем дольше тянуть, тем больше трудностей придется преодолевать. При расставании он сказал мне, что по той откровенности, с которой он говорил со мной, я могу судить, что он ничего от меня не скрывает, и что до моего отъезда он еще будет иметь случай беседовать со мной. Упомянутый вице-канцлер, узнав от г. посла о моем приезде, просил пригласить меня к нему на обед прежде, чем я был ему представлен, и он раскрыл и подробно ознакомил меня с своими планами быстрейшего и успешного разрешения правого дела.

Поскольку посол вашего императорского величества только-что прислал мне сказать, что он спешно отправляет курьера с печальным и неожиданным известием о смерти императора, я должен на этом закончить мое нижайшее донесение, зашифрованное потому, что за неимением оказии я хотел послать его обыкновенной почтой. Это событие так меня поразило, что я ничего не могу прибавить, кроме того, что я остаюсь с глубочайшим уважением, всемилостивейшая государыня, вашего императорского величества верноподданный

Иван Симолин

«Rapports en cour», к. 53, л. 10 б. Шифровано, за исключением последнего абзаца, приписанного рукою Симолина. Дата получения неизвестна.

К донесению приложены:

1. Копия записки князя Кауница Симолину от 27 февраля 1792 г.

Из приложенной к сему копии ответа на мою записку вы увидите, милостивый государь, что я все сделал, что вы желали, и так, как вы желали.

Соблаговолите, милостивый государь, поступить сообразно с обстоятельствами. Кто-нибудь из слуг князя Голицына в серой ливрее сможет вам показать, куда надо итти.

2. Копия записки его величества императора князю Кауницу

Возвращаю вам, князь, приложенное к сему письмо королевы Франции и прошу вас поставить в известность г. Симолина, что он может притти ко мне сегодня, в понедельник, в четыре часа пополудни, чтобы передать письмо королевы. Предупредите его, что он может быть во фраке и, не соблюдая никаких формальностей, пройти через мою уборную прямо ко мне. Остаюсь и т. д. и т. д.

Леопольд

[1] Имеется в виду речь короля на объединенном «королевском» заседании Национального собрания 23 июня 1789 г., в которой Людовик XVI, объявив недействительным постановление представителей третьего сословия от 17 июня о превращении

Генеральных штатов в Национальное собрание и провозгласив незыблемость всех видов феодальной собственности, обещал в то же время, в качестве уступки, отмену финансовых привилегий духовенства и дворянства и заключение займов с согласия Генеральных штатов.

[2] Bischoffwerder Иоганн-Рудольф (1737—1803)—приближенное лицо прусского короля Фридриха-Вильгельма II, фактический министр иностранных дел с 1791 г.

[3] Центре эмиграции братьев короля и принцев.

[4] Декретом от 12 сентября 1791 г. эта область, принадлежавшая папе, была присоединена к Франции на основании пожелания большинства ее населения.

[5] Cobenzl Филипп, граф (1741—1810)—австрийский государственный деятель и дипломат. Сопровождал Иосифа II во время его поездки по Франции в 1777 г. С 1779 по 1792 гг. вице-канцлер двора и государства. С августа 1792 г. канцлер, но за неудачную политику при втором разделе Польши и по вопросу обмена Бельгии на Баварию смещен и назначен канцлером итальянских провинций. С 1801 по 1805 гг. посол в Париже.

ПИСЬМО СИМОЛИНА ЕКАТЕРИНЕ II ОТ 17 МАРТА 1792 г.

[*Без №*]

Вена, 6/17 марта 1792 г.

Ваше величество,

Преждевременная и неожиданная кончина его величества императора приостановила все дела, и я должен был ждать, чтобы после уже погребения перед моим отъездом получить аудиенцию у его величества короля[1] и припасть к его стопам. Обер-камергер князь Розенберг написал в понедельник послу князю Голицыну, что хотя прием иностранных послов и полномочных министров назначен на будущее воскресенье, но король все же желает меня видеть на другой день в полдень, ввиду того, что я спешу вернуться в Брюссель. Его величество принял меня наедине в своем кабинете.

Я сказал королю, что ему, без сомнения, небезызвестно то дело, которое повергло меня сначала к стопам покойного его величества императора, а теперь повергает к его стопам, а именно: что король и королева Франции, удрученные мыслью о том, что император был введен в заблуждение ложными сведениями как о их личных чувствах, так и о настоящем положении дел во Франции, предложили мне быть подателем письма королевы к императору и рассказать ему об их истинных чувствах и о действительном положении страны; что я не счел для себя возможным отказать их величествам в исполнении их желания, зная о живом и непрестанном участии, которое принимает ваше императорское величество в их плачевном положении, и не сомневаясь, что они найдут у вас твердую поддержку и утешение.

Король сделал мне честь ответить, что он проникнут сознанием их горестного положения; что его намерения по отношению к ним таковы же, как и покойного императора, его отца, и что он не преминет доказать им свое искреннее участие. Когда я ему сказал, что его величество покойный император обещал мне дать ответ королеве, приложив к нему мемуар, объясняющий положение дел в настоящий момент, то король, в свою очередь, обещал передать мне письмо для королевы и мемуар с изложением намеченного им плана действий, которым он будет руководствоваться в дальнейшем с тем, чтобы она могла сообразовать с ним свое поведение. Затем король сказал мне, что он был очень рад меня видеть, что поручение, которое я на себя взял, делает мне честь и что он сохранит в тайне цель моего путешествия и то, что мотив, приводимый мною для его объяснения, был вымышлен.

Так как князь Голицын устроил мне свидание с придворным и государственным вице-канцлером графом Кобенцлем, я отправился после аудиенции у короля в его канцелярию и посвятил его полностью в тайну возложенного на меня поручения: о беседе, которую я только-что имел с королем и с покойным императором, об ответах, данных ими мне, так же как и о планах, которые они намереваются осуществить. Упомянутый министр, оказавший мне такое же доверие, сообщил мне о программе действий, которой будут придерживаться в настоящее время, согласовав ее с берлинским двором, о чем ваше императорское величество будете изве-

„НОВАЯ КОАЛИЦИЯ, ИЛИ РУССКИЕ УЖЕ СЕМЬ ЛЕТ В ПОХОДЕ"

Французская карикатура на образование второй коалиции, март 1799 г. (до побед Суворова)

Слева изображены представители контрреволюции, ожидающие спасения от русской армии, шествующей по облакам во главе с Павлом I. Реющий навстречу русским санкюлот извергает ветер, чтобы помешать их продвижению, и одновременно опрокидывает Кобенцля, австрийского уполномоченного в Раштате. Справа представители Французской республики показывают нос силам контрреволюции

Исторический музей, Москва

щены, как только будет получен ответ этого двора. Он рассказал о последнем представлении французского посла с требованием быстрого и категорического ответа как на вопрос о разрыве соглашения с другими державами, о котором шла речь в одной из нот покойного императора, так и на вопрос о сокращении войск на границах до размеров апреля 1791 г., и заявлением, что в этом случае Франция также отодвинет свои войска вглубь страны.

Граф Кобенцль склонен думать, что, если французы перейдут Рейн, тотчас же все деревни от Бонна до Базеля будут за них и сговорятся, чтобы убивать князей, графов и дворян, которые попадутся им под руку.

Взгляды этого министра на дела Франции и его отношение к ним, в конце концов, те же, что и князя Кауница, о которых я докладывал вашему

императорскому величеству. Он считает, что контрреволюция невозможна, ввиду того, что воля нации решительно высказалась за конституцию и за Собрание, и в этом пункте намерения принцев и эмигрантов совершенно отличны от намерений тюильрийского двора, который удовлетворился бы, повидимому, некоторыми изменениями в конституции, тогда как в Кобленце хотят восстановления старого порядка вещей, что невозможно. На его вопрос, можно ли доверять барону де Бретёйлю, я ответил, что король и королева оказывают ему доверие, в чем их величества сделали мне честь уверить лично меня. Он сообщил мне также о более чем странной политике мадридского двора, который желает, чтобы действовали другие державы, в то время как сам он не намерен принимать какого-либо участия из опасения нанести ущерб своим правам на Францию, которые предоставляются ему, в случае прекращения царствующей династии, фамильным договором и чем, видимо, он очень дорожит[2]. Граф Кобенцль сказал мне затем, что в то время, как он будет вести переговоры с берлинским двором по поводу совместного ответа их на последнее представление французского посла, князь Гогенлоэ[3], назначенный королем командовать армией, обсудит с г. Бишофвердером намечаемый военно-операционный план, который будет затем сообщен вашему императорскому величеству, а также и дворам, приглашенным к совместным выступлениям, чтобы с достоверностью знать, как и в какой степени они рассчитывают способствовать его выполнению. Упомянутый выше вице-канцлер обещал передать мне возможно скорее письмо короля и его мемуар, чтобы я мог вернуться в Брюссель и доставить их надежным путем королеве, дабы она руководствовалась ими в своем поведении. Тотчас по их получении я отправлюсь в путь.

В день аудиенции у короля я обедал у князя Кауница; по окончании обеда я сказал ему, что имел честь видеть короля, и сообщил ему ответ, который его величество соблаговолил мне дать. Я добавил к этому, что ожидаю только его распоряжений, чтобы вернуться в Брюссель. Г-н Кауниц ответил мне, что король и королева Франции не должны сомневаться в том участии, которое король принимает в их положении, и в его желании облегчить им его, но что им можно обещать только нечто неопределенное, подобное тому, что их величества поручили передать через меня. Он сказал, что теперь можно было бы притти к соглашению, но невозможно определить, когда и как это соглашение может произойти и как осуществиться. Он добавил, что хотел бы повидаться и побеседовать со мной еще раз у себя в кабинете. Я ответил, что всегда к его услугам, и он обещал этим воспользоваться.

Остаюсь с глубочайшим почтением, всемилостивейшая государыня, вашего императорского величества верноподданный

Иван Симолин

«Rapports en cour», к. 53, л. 24. Шифровано. Дата получения неизвестна.

[1] Франц II (1768—1835)—король австрийский и венгерский, еще не получивший в то время императорского сана. Император германский с 1792 г. и император австрийский с 1801 г.

[2] Договор между Францией и Испанией 1761 г., имевший целью обеспечить взаимную помощь представителей двух ветвей Бурбонов против растущей мощи Великобритании.

[3] Hohenlohe-Kirchberg, Фридрих-Вильгельм (1732—1796) — австрийский генерал, послан был в Берлин для составления плана кампании, командовал армией против французов.